

АРХИВНЫЙ СБОРНИК К 50-ЛЕТИЮ КНИГИ «Аз и Я»

Олжас СУЛЕЙМЕНОВ,
*поэт, директор Международного
центра сближения культур
под эгидой ЮНЕСКО*

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

...Так было – если били, то в виски.
А если обнимали, то за горло...
От января до апреля. 1963 г.

Можно впасть в нескромность, но это факты: книгу переписывали от руки, давали читать на одну ночь за определенную плату, на чёрных книжных рынках в разных регионах СССР цены прыгали от ста номиналов до полутора тысяч, а в одной республике отчаянный читатель отдал за книгу своего «Жигуля». Нельзя сказать, что тираж был мизерный (двумя заводами выходила; я видел в выходных данных и 60 тысяч экземпляров, и 100 тысяч), но не хватало. В условиях рынка столь повышенный спрос вызвал бы многократные переиздания бестселлера. У нас такой популярности не были рады ни издатель, ни автор.

Теперь, итожа пережитое, можно уверенно сказать, что ни одна книга, изданная в советском издательстве в 1970–1980-е годы, не была так активно востребована. Её прочли и элитный читатель, и массовый, и диссидентствующий, и власти – от местной до членов Политбюро во главе с Генеральным секретарём.

Сотни писем. Первые два я особо запомнил. Вскоре после выхода книги пришло письмо от Константина Симонова. Отпечатанное на машинке (поэтому недавно в архиве, сохранённом сыном писателя, удалось найти копию). Симонов предсказал книге трудную судьбу, но обещал быть рядом.

Так же эмоционально отписал литовский поэт Эдуардас Межелайтис: «Не знаю, как там с наукой, но книга – гениальная».

Такие гиперболы надолго запоминаются автором.

В июне 1975-го в Азербайджане проводились Дни советской литературы, где и меня пригласили принять участие. Писатели из всех республик СССР выступали в те дни в Баку и других городах весёлой, праздничной страны, какой был и показался нам в те дни Азербайджан.

Прощальное застолье проводил для группы литераторов сам руководитель республики. Многим из нас достались слова благодарности за выступления, а в конце он неожиданно для меня произнёс:

«Олжас нужен не только Казахстану, но всем тюркам!».

Позже, пытаясь понять услышанное, я решил, что Гейдар Алиев так оценил мою недавно вышедшую книгу «Аз и Я». Эта оценка помогла мне устоять после сокрушительного обсуждения книги в Академии наук СССР в феврале 1976 года.

Тогда поверил, что Гейдар Алиев если не читал, то слышал о книге и по-своему оценил её. Эти его слова на том застолье оказались особым напутствием автору в долгой работе, которая начиналась в середине шестидесятых и продолжается до сих пор.

Об «Аз и Я» начали писать московские, азербайджанские, эстонские, грузинские, украинские, венгерские газеты – круг расширился, пока главный идеолог Михаил Суслов не хлопнул с размаху книгой по столу. После его выступления на идеологическом совещании в конце 1975 года в московских журналах пошли совсем тёмные публикации. Черного колера в них становилось всё больше. Книгу изъяли из библиотек, из продажи. Но не до всех сельмагов указание члена Политбюро дошло. Московские артисты напрашивались на гастроли в казахстанские области, катались там по сёлам и возвращались с чемоданами «запретного плода» (рассказал Игорь Кваша). «Аз и Я» задела какие-то ранее нетронутые участки общественного сознания. И эти прикосновения вызвали неожиданную реакцию во всем общественном организме. Прежде всего в интеллектуальной среде – писательской, артистической, научной.

Современному молодому поколению, привыкшему к вольному слову в СМИ, Интернете, не понять масштабов и температуры реагирования населения советской державы середины 70-х на любое проявление писательского слова, выражавшего не антисоветизм, нет, а просто свободу мысли.

В начале 1986 года журнал «Проблемы коммунизма», выходящий в США, писал: «Горбачёвская перестройка стала результатом перестройки сознания советского общества, которую подготавливали такие книги, как “Аз и Я”».

...В середине января 1976 года в ЦК Компартии КазССР из аппарата Суслова поступила бумага под грифом «Срочно», где сообщалось, что такого-то числа этого месяца в ЦК КПСС состоится совещание трех отделов – науки, пропаганды, культуры, где будет обсуждена книга «Аз и Я», выпущенная издательством «Жазуш» в Алма-Ате. Следует командировать на данное совещание автора книги и заведующих трех соответствующих отделов ЦК республики. Меня срочно пригласил для разговора Месяц – второй секретарь нашего ЦК. «Ехать пока не надо. Мы пошлём заключение врачей – воспаление лёгких. Посмотри на окно – какие морозы стоят, а ты бегаешь по утрам. Не жалеешь себя. Попиши в санатории. Но не продолжение “Азии”. Стихи попиши. К середине февраля будешь абсолютно здоров, тогда и поедешь, куда пригласят. Или куда пошлют».

Через десяток лет я узнал от Димаша Ахмедовича Кунаева, к тому времени ушедшего на пенсию, некоторые подробности тех обстоятельств.

Роль Брежнева

Совещание трех отделов должно было завершиться постановлением ЦК КПСС о книге «Аз и Я» как произведении идеологически незрелом, содержавшем настроения националистического, пантюркистского характера. В проекте этого документа (второго после постановления ЦК КПСС от 1948 года, где речь шла о книгах Зощенко и Ахматовой) говорилось и о том, что выход такой книги свидетельствует о крайней запущенности идейно-воспитательной работы в республике. Такое постановление, принятое как раз накануне очередного съезда Компартии Казахстана (он открывался 4 февраля), сильно ударило бы по республике, которую в СССР называли «лабораторией дружбы народов».

Понимая это, Кунаев и Месяц, экстренно обсудив ситуацию, выработали план спасения. С первым пунктом его и познакомил меня Валентин Карпович. Не объяснив, правда, почему я должен болеть до середины февраля.

Кунаев, готовя съезд, не раз в январе бывал в Москве. В один из первых приездов встретился с Брежневым. Рассказал о готовящемся обсуждении и о том, какие могут быть последствия для республики, которую Генсек в нескольких докладах любовно назвал «мой Казахстан». Передал злополучную книгу.

– А сам-то читал? – спросил Леонид Ильич. Он уже начинал говорить с паузой между словами.

– Два раза, дорогой Леонид Ильич. С карандашом. Ничего не понял!

Брежнев довольно хохотнул и придвинул томик поближе.

– Не понял, говоришь. Интересно.

– Но никакого национализма, дорогой Леонид Ильич, или какого-то пан-тюркизма там нет! Это я вам как коммунист говорю!

Заинтригованный Брежнев полистал книгу. И, прощаясь, пообещал:

– Прочту.

В самом начале февраля, когда уже всё руководство республики трясла предсъездовская лихорадка, Кунаев позвонил Брежневу, доложил о текущих делах и в конце разговора решился спросить: нашлось ли время прочесть? «Никогда так не волновался», – признался мне Димаш Ахмедович. Понять его состояние можно. Если Генсеку увиделись бы в книге те «хвосты» – «измы», Сулов успел бы организовать несколько нужных выступлений на съезде, что сказалось бы на результатах выборов руководства.

– Прочёл, – наконец ответил Брежнев.

Ещё одна тягостная пауза.

– Никакого там национализма нет, – медленно, с расстановкой, произнёс Леонид Ильич. – И антисоветчины нет.

(По словам Кунаева, ответ маршала был по-солдатски более выразительным: «Ни хрена нет». Но в мемуарах члену Политбюро пришлось откорректировать.)

Окрылённый, Кунаев решился тут же ещё более укрепить позиции.

– Дорогой Леонид Ильич, а можно на съезде мы выберём этого бузотёра в состав ЦК? Дисциплинированной станет.

– Если достоин, избирай.

– Но Сулов будет против.

– А кто в республике хозяин? Ты или Сулов?

Долгие дружеские отношения этих двух людей, я считаю, благотворно сказались на развитии Казахстана. Генсека, осмеянного сатириками за взаимную любовь к геройским звёздам и смачным поцелуям взасос, советский народ запомнил как анекдотического героя с нарушенным речевым аппаратом, с замедленной реакцией – эдаким «тормозом», каким он действительно становился в последние годы пожизненной власти. Но историкам стоило бы повнимательней присмотреться к этой фигуре. Особенно к результатам деятельности Брежнева в первое десятилетие его мандата – с 1964 года до середины 1970-х. Не только цифры, но и книги, и фильмы, и научные успехи скажут, что это были годы наивысшего экономического и культурного подъёма СССР. Никогда прежде темпы экономического развития не поднимались до 9 процентов в год. Такого показателя, понятно, не будет при следующих руководителях – Андропове, Черненко, Горбачёве. В те годы можно было почувствовать, насколько взаимосвязаны хозяйство и культура.

Великая наука, великое кино, музыка, поэзия шестидесятников – всё это в эпоху раннего Брежнева.

На моих оценках может сказаться чувство благодарности за то, что Брежнев помешал осуществлению репрессивного сусловского плана. Но даже без этого частного эпизода я, как писатель, знаю, что термин «страна великого читателя» возник и наполнился реальным содержанием в период первого брежневского десятилетия. Книжки стихов выходили тиражами в десятки тысяч экземпляров. (В мире такого никогда не было и, наверное, не будет). Романы – сотнями тысяч, а то и миллионами («Роман-газета»). И не только в столице – по всей стране. Толстый литературный журнал «Жулдыз» печатался на казахском, ежемесячным тиражом 240 тысяч экземпляров. Тогда мы ещё не агитировали с трибун за государственный язык, а массово публиковали интересную литературу на родном языке, и она доходила до каждой семьи. Почему бы сегодня не оглянуться на этот опыт – и понять, что без литературы и государственному языку трудно? Я работал и председателем Госкино республики. Знаю количество кинотеатров в городах. В каждом крупном селе – клуб с киноустановкой. Годовой план по посещаемости в Казахстане – 250 миллионов зрителей. При 17 миллионах жителей. И план этот перевыполнялся. Так было в каждой республике. Страна великого читателя и великого зрителя! Научный факт. Была ли в этом заслуга Брежнева? Конечно. Во всем, что происходило в СССР в XX веке, во всем – и плохом, и хорошем – реально сказывалась ведущая роль партийного лидера.

В хорошем – сильного лидера, в плохом – слабого или катастрофически слабеющего, каким и предстаёт перед близорукими историками Леонид Ильич Брежнев.

Учёный «совет»

4 февраля 1976 года в Алма-Ате прошёл съезд Компартии Казахстана, где меня неожиданно избрали кандидатом в члены ЦК. Сразу в члены поостереглись, но и в этом статусе я включался в партийную элиту. Теперь применять ко мне репрессивные меры ЦК КПСС не мог. Иначе нарушение партийной эти-

ки: «только что оказали высокое доверие и тут же высекли». В достижении этой планки и заключался план Кунаева – Месяца.

Суслов вынужден был перевести обсуждение на другой уровень, уже неопасный для республики – в Академию наук СССР. Оно состоялось 13 февраля 1976 года, в здании отделения общественных наук Академии на Волконке. Пропускали по списку. 47 академиков, членкоры, докторов. Меня сопровождали уже не три заведующих отделами, а лишь один – Санжар Жандосов, завотделом науки ЦК. А третьим был Геннадий Толмачев, зам. главного редактора издательства, выпустившего книгу. Все мы – давние друзья. Обсуждение началось ровно в 9 часов. Открыл его академик Б. Рыбаков вступительным словом. Оно было кратким и сильным:

– Товарищи, в Алма-Ате вышла яростно антирусская книга под названием «Аз и Я». Вы все её прочли. Приступим к обсуждению.

Б. Рыбаков за пару лет до этого опубликовал большую, оформленную книгу, посвящённую «Слову о полку Игореве», академия выдвинула её на соискание Ленинской премии. Всё шло хорошо, и Рыбаков должен был её получить уже в апреле – ко дню рождения Ленина. Но тут совсем неожиданно «в какой-то Тмутаракани» возникает «Аз и Я», где в числе других работ критически рассматривается и труд Рыбакова. Так как вал популярности злойредной книги, набирая силу, катил в сторону апреля, уважаемый академик, естественно, увидел прямую диверсию, направленную против его будущей премии. И со всей страстью включился в кампанию по сокрушению этого явно антирыбаковского, а значит, яростно антирусского литературного набега. В результате такой активности он пробился в первые ряды сусловской команды, что и помогло ему получить вождёленную премию. (В 1985 году журнал «Коммунист» решил отметить 800-летие «Слова». Юрий Афанасьев, работавший в журнале, пригласил меня выступать со статьёй в юбилейном номере. Статья Рыбакова уже была набрана. Свою я принёс позже. Академик, узнав, что и я печатаюсь, позвонил Афанасьеву с требованием не допускать Сулейменова в юбилейный номер: «Иначе я заберу свою статью».

«Забирайте, – ответил Юрий Николаевич. – Статья Сулейменова уже обсуждена, понравилась редакции, идёт в набор».

«Он, наверное, опять меня критикует!»

«О вас даже слова нет. Он пишет о поэзии памятника. А вы в поэтике не разбираетесь, поэтому и критиковать вас не за что».

«Тогда ладно. Оставляю свою статью». Так мы однажды напечатались рядом).

Обсуждение длилось до 18 часов, без перерыва на обед. В конце дали слово мне. Я тоже сказал кратко: «С некоторыми замечаниями уважаемых оппонентов я согласен. Но не со всеми. Категорически не приемлю оценку, данную академиком Рыбаковым. Я продолжаю считать, что вся моя книга – это признание в любви к “Слову”, к русской культуре, к которой сам принадлежу большей частью своего воспитания и образования. Сожалею, что вы этого не увидели в книге, уважаемый Борис Александрович.

Я знаю, некоторые люди привыкли, что в любви к великой культуре надо признаваться стоя на коленях. Иная форма признания показалась непонятной и оскорбительной».

Протокол обсуждения был вскоре опубликован в академических журналах «Вопросы истории» и «Вопросы языкознания». Но без моего выступления.

Всё началось с курсовой...

Многолетняя читательская увлечённость «Словом» для меня не превратилась в профессию, в способ зарабатывания степеней, званий и гонораров. Меня кормили стихи, пока за них государство платило, и я мог себе позволить «бескорыстно» наслаждаться своими увлечениями: сначала «Словом», потом открытой мною тюркославистикой, универсальной этимологией, происхождением письменностей, явлений и предметов культуры, первых слов и знаков. Сутки делились на две смены, как писал в одном письме: «Пока светло, работаю на государство, а ночами на человечество!»

«...А пока история, любая другая отвлечённость от мелочей писательского и просто человеческого быта помогала мне. Я отдыхал, успокаивался, разбирая надпись на шведском камне. Здесь я ни от кого не завишу, здесь интересно быть рабом. Рабом своего увлечения».

Мои первые статьи о «Слове» попадали вечно спешащему ХаХа – профессору Хайрулле Хабибулловичу Махмудову, который мне, своему заочному аспиранту, делал деловые замечания по аппаратуре:

– Вот здесь должна быть ссылка на Д. С. Лихачёва, типа: «Как правильно заметил...». А здесь на Б. А. Рыбакова, такого же типа: «Согласен со справедливым суждением...». Свободней, по-писательски, не как заскорюзлый МНС!

– Но я же не согласен с его даже справедливым суждением! И не считаю, что правильно заметил Лихачёв!

– Тогда не защищайся...

– Тогда буду нападать!

Впервые подходы к теме были опубликованы мною в казахстанском журнале «Простор». Запомнился один устный отзыв, изречённый «старшим научным сотрудником» из института Славяноведения. Он очень торопился на обед, читал, нервничая, захлопнул журнал и сказал: «Теоретически невозможно. Славно, что Вы интересуетесь этим, молодой человек, но, увы, против науки не попрёшь!»

И эта встреча убедила меня, что против такой науки – надо!

...Во время встреч с читателями меня часто спрашивали: «Как долго писалась книга?» Увлечение «Словом о полку Игореве» началось вполне случайно. Осенью 1958-го на первом курсе Литературного института им. Горького профессор Сидельников, преподававший древнерусскую литературу, распределил темы первых курсовых. Мне он поручил написать о восточных элементах в тексте «Слова». Как опытному студенту (все-таки второй вуз!), мне надо было бы списать нужные сведения из учебника, сдать курсовую и получить зачёт. Подвела Ленинская библиотека, куда я заглядывал почти каждый день: готовил дипломную работу. Летом будущего года предстояла защита. (Закончив четвёртый курс геофака в Казахском университете, я уехал в Москву, поступил в Литературный. Мне разрешили написать диплом заочно.)

В Ленинке вспомнил о курсовой, заглянул в каталог, чтобы найти что-нибудь посерьёзней учебника, и увидел сотни названий трудов, посвящённых «Слову о полку Игореве». Заинтересовался, поискал среди них «о восточных элементах». Наткнулся на диспут членов Императорской Академии Корша и Мелиоранского, посвящённый выяснению происхождения термина «кощей», встречающегося, оказывается, не только в сказках и былинах, но и в «Слове о полку Игореве». Спор академиков, напечатанный в нескольких номерах журнала (не помню какого), в итоге свёлся к общему выводу: кощей, скорее всего, произошёл от слова кошчи – «слуга», «раб», принесённого в Древнюю Русь каким-то тюркским наречием.

И тут я вспомнил, что похожее слово часто слышал прошлым летом на преддипломной практике в Северо-Восточном Прикаспии.

Пять месяцев наш маленький студенческий отряд мотался на грузовике по пустыне, собирая пробы воды из старых скважин и колодцев, чтобы потом сдать на анализ для выяснения, есть ли в какой-нибудь из проб следы нефти. Студенческая геология. С нами ездил местный старик – и объекты показывал (все колодцы в родной пустыне знал), и кашеварил. К неснимаемому халату намертво привинчен «Знак Почёта» образца 30-х годов.

Мы пытались узнать о его заслуженном прошлом. Кем работал? На нефтепромыслах? Он уходил от прямого ответа: «Я кощци, сынки. Любил ходить по земле туда-сюда. Всегда был кощци и сейчас с вами, выходит, кощци». Мы переспрашивали: «Койши?» («Пастух?») Он брезгливо отмахивался и терпеливо объяснял: «Я – кощци. Это который кочует. Сейчас так уже не говорят. Настоящих кощци не осталось. Не кочует казах, за дом держится: дома мешок картошки есть».

Спор с дореволюционными академиками

Я выписал в читальный зал все журналы с Коршем – Мелиоранским и тогда же впервые внимательно прочитал «Слово о полку Игореве» (школьная хрестоматия знакомила только с пересказом).

Предложенное членами Императорской Академии «кошчи» фонетически можно было сблизить с похожими словами, встречающимися в «Слове». Князь Игорь напал на кочевья Кончака на реке Каялы и, потерпев поражение, пересел в «седло кощиево». По версии академиков – в седло слуги или раба. Но Кончак своего высокого пленника, к тому же свата, не низвёл до положения слуги-раба. Обращался как с равным. В другом месте поэмы меня поразили призыв автора: «Стреляй, господине, Кончака – поганого Кощея». (Через годы я понял, что это прозвучал голос не автора, а монаха-переписчика XVI века. Литература светского содержания смыкалась с пергаменту, он освобождался для священных книг. Некоторые произведения перед этим переносились на бумагу – более дешёвый материал. Переписчик свободно обращался с текстами нецерковного содержания – редактировал, переводил на современный язык устаревшие речения. Дописывал, если нужно. Где мог, добавил «Слову» христианских выражений, явно несвойственных оригиналу, в котором ни разу не упоминается Иисус Христос, но часто языческие боги Велес, Стрибог, Дажьдбог, Хорс... Определение поганый – «языческий», пришедшее из греческого церковного, противоречило характеру авторской речи.)

Содержание и этого места мешало согласиться с академиками. Едва ли полководец хана-победителя при всей ненависти к нему даже в запальчивости можно было наречь слугой или рабом!

Мне показалось, что кощичи «кочевник» из лексикона орденосца более вписывалось в текст «Слова». И фонетически ближе, и по смыслу.

Игорь после поражения пересел из седла злата в седло кощиево (кочевника): в плену он, наверное, кочевал вместе с половцами. Христианин мог в ярости назвать Кончака поганым кощеём – некрещёным кочевником. (Здесь даже лексические отличия кощичи и кощей свидетельствовали о том, что писаны были эти слова в разное время, разными людьми. Поэтически совершенное – «из седла злата в седло кощиево» принадлежало автору; первохристиански заострённое на язычников Дикого поля – перу монаха-переписчика XVI века. Этого стилистического разноречия могли не заметить Корш и Мелиоранский: список «Слова» открыт недавно, изучение его только начиналось. У советской академии времени разобратся было достаточно – весь XX век. Но не обратили внимания. А могли бы осуществить исследование и понять, что Кошчий (Кощей) в раннем Средневековье могло быть обозначением обитателя Дикого поля. В разных краях исторической Руси и, видимо, в разные времена образовались две формы этого нарицательного имени. В сказках чаще употребляется Кощей. В былинах, записанных научной экспедицией Императорской Академии в Архангельской губернии – Кошчий. На мой взгляд, эта устная форма была ближе к исходной. В древнерусских письменных памятниках долгие, удвоенные согласные не обозначались – из соображений экономии места. Даже русский в летописях и в «Слове» всегда русский. Поэтому и «кошчий» должно было записаться сокращённо: кощичи. А в другом диалекте и в другое время – кощей. Но в «Слове» неожиданно собрались обе эти разновременные и разноречивые формы одного термина. Почему? «Вопрос ребром поставил и так стоять оставил». Это о себе, о нескольких подобных вопросах, обозначенных в книге и до сих пор упорно не замечаемых. Один и тот же предмет (или явление) в диалектах может называться по-разному (не о синонимах речь), но в литературном языке, тем более в отдельном произведении, это невозможно. И если такое случается, значит, одна из лексем дописана в другое время.)

...Почувствовав вкус первого успеха в споре с дореволюционными академиками, я в несколько недель перечитал значительную часть работ о «Слове» из каталога. И понял, что курсовая пропала: объёмы узанного не вмещались в несколько отведённых профессором страниц.

Хотя можно сказать, что курсовая всё же состоялась, но через 16 лет под названием «Аз и Я». И сдавался зачёт не одному профессору Сидельникову, а Большому Читателю (не участников академического обсуждения имею в виду – во всяком случае, не всех). В книге упомянул забытое казахами «кощци» как праформу древнерусского названия обитателя Дикого поля, фигура которого в эпоху «трёхсотлетнего ига» обрела почти сказочную фигуральность. Представления о неистребимом кочевнике нашли отчаянное воплощение в фольклорно-обобщённом образе Кощция (Кощея) Бессмертного.

В XVI веке влияние Дешт-и Кипчака («Степи кипчакской»), простиравшегося от Алтая до Черного моря, ослабло. Кочевники, называвшие себя «казах», оттесняются с Днепра, Дона до Волги и далее до Яика. Активно проявляет себя в отношениях с Русью ханский Крым, откуда в русский язык попадает много огузских (турецких) слов и выражений, пополняя накопленный ранее запас тюркизмов, но не заменяя их. И, пожалуй, только в одном случае произошло вытеснение прежнего кипчакского термина новым, огузским.

Впервые в «Сказании о Мамаевом побоище» появляются древнерусские кочевать, кочевой, кочевье, кочевник.

В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера поясняется, что эти слова произошли от тюркского коş – поездка, путешествие, переселение. И тюркологи не поправили. А должны были бы выяснить и сообщить, что в русский поступило не отдельное коч (коş), а уже в комплексе с -ев, которое в турецком (а не в тех языках, которые упомянуты в словаре Фасмера) обозначает «дом, жилище» (ev). Сложным кошев (кочевое жилище, дом кочевья) турки (и крымские татары побережья), уже перешедшие к оседлости, так называли шатер, юрту. И походное жилище, устроенное на повозке, санях. (Так, вероятно, и подсказали когда-то идею кареты).

От основы *кочев в русском произошли слова кочевье, кочевать, кочевник. И название поселения – iki ev – «два дома» (тюрк. – огуз.), которое в древнерусском превратилось в Киев.

Полемика, не увидевшая свет

Академик Кононов, считавшийся главным тюркологом страны, на том обсуждении призвал учёных сфокусироваться на профессиональных недочётах книги, а не на политических промашках.

Следуя этому призыву, известный тюрколог Баскаков вскоре принёс в журнал «Вопросы литературы» статью, где указал на незнание автором «Аз и Я» важного закона казахского словообразования. Он напомнил: суффикс деятеля – -ши (-щи, -чи) в тюркских языках образует нарицательное имя деятеля, присоединяясь к имени существительному. Ни к прилагательному, ни, тем более, к глаголу, а только к существительному. Примеры из казахского: балык – рыба, балықшы – рыбац; темір – железо, темірші – кузнец.

«Тюркологам, получившим филологическое образование, – заметил тюрколог, – это положение известно. Но О. Сулейменову, похоже, – нет. Он считает, что было возможно образовать имя деятеля кощци – “кочевник” от казахского глагола кощ – “кочуй”».

Редактор журнала В. Озеров сообщил мне о готовящейся публикации. Я как раз был в Москве, зашёл в редакцию. Прочитал статью. Виталий Михайлович Озеров, известный советский критик, секретарь Союза писателей,

переживал за книгу и автора. «Это правда, о чем написал Баскаков? Есть такой закон в казахской грамматике?» – «Есть». В кабинете редактора написал на нескольких страницах ответ на статью. Где сообщил некоторые особенности тюркской грамматики, видимо, неизвестные уважаемому тюркологу.

О том, что во многих тюркских наречиях сохранилось много слов, выполняющих, не изменяя форму, одновременно две-три грамматические функции: имя, глагол, прилагательное. Например, турецкое *коч* (*коş*) – «кочуй» являлось и именем существительным – «кочевье». В казахском таких примеров ещё больше. *Кос* – 1) соединяй, 2) соединение. От именной формы образуется имя деятеля: *коспи* – «присоединившийся, сопровождающий». Переносных значений несколько: ординарец, адъютант, помощник. В каких-то ситуациях могло быть и «слуга». Но никогда не «раб».

Это слово – прямая аналогия *кошчи*, обнаруженного Коршем – Мелиоранским в каком-то тюркском наречии, близком к казахскому. Баскаков прав, что в казахском есть глагол *кощ* (*коş*) «кочуй», но он не знает, что ещё недавно это слово выступало и в именном значении – «кочевье». Жива ещё старинная народная песня:

Қаратаудың басынан көш келеді...

(С вершин Каратау спускается кочевье...)

В ту (старинную) пору и образовалось личное существительное *кощці* – «кочевник», которое мы ныне вправе назвать первым древнеказахским словом, обнаруженным благодаря древнерусскому памятнику.

...В XX веке наш народ трагически расставался с тысячелетним кочевым образом жизни. Революционный переход к оседлости в чёрные 1930-е сократил численность этноса больше чем наполовину. И слово *кощ* утратило свою грамматическую половину – именное значение: кочевий в степи больше не было. Потому и *кощці* – «кочевник» вышло из употребления (возможно, было запрещено), заменившись другими обозначениями сельского деятеля новой эпохи – «колхозник», «тракторист», «звеньевой».

Но литераторам требовалось слово взамен забытого для описания проклятого кочевого прошлого. Оно было создано грамматикой отрицания: *көш* – *кочуй*; *көшпе* – 1) не *кочуй*, 2) *кочевье*. *Көшпелі* – *кочевой*. И в итоге вымучили усложнённый термин *көшпелі адам* – человек кочевой – «кочевник». И это неуклюжее изобретение терминкома должно напоминать нам, что надо возвращать простое и древнее *көшпі* в казахский язык!

Виталий Михайлович отдал исписанные мной листки на машинку и, созвонившись с Баскаковым, показал мой ответ.

Приведённые примеры оппонента, похоже, убедили: он забрал свою статью из журнала и нигде больше не предлагал. А я, признаться, жалею, что наша полемика тогда не увидела свет.

Двуязычное «Слово»

Вслед за *кощці* мне открывались в «Слове» всё новые тюркизмы. Они не выделялись, как ныне принято в научных текстах, прифтами, и потому читатель, не знающий тюркского, понимал их как немного странные, но вроде бы русские слова.

Читателям древнерусских текстов приходилось разбираться в сплошных строках, не разделённых на отдельные слова. Но когда в тексте встречались иноязычные термины, это ещё более усложняло чтение. Например, в части, где описывается набег половцев на русские города, сплошную строку «сеури-мкртподсаблямиполовецкими» в списке для Екатерины разбили так: «Се у Рим кричат под саблями половецкими...» И вынуждены были перевести: «Это у Рима кричат под саблями половецкими...»

Засомневавшись через десятилетия, потратили много сил, чтобы отыскать городок или поселение с похожим названием где-нибудь поближе к Киеву.

А монах-переписчик XVI века, вероятно, знал татарское слово урим – девичья коса, ещё входившее в древнерусский лексикон, потому и оставил его в тексте, а не перевёл. «Се урим кричат под саблями половецкими» – «Это девичьи косы кричат под саблями половецкими». Выходит, по автору, отрезанные саблями косы – знак девичьего бесчестия – плата за вероломное нападение Игоря на своего свата.

Вслед за отдельными «невидимыми тюркизмами» мне открывались куски текста, первоначально передававшие целые тюркские фразы, а то и несколько предложений кряду. Их понимали читатели XII века, но в XVI они уже были переведены на русский переписчиком (в «Аз и Я» об этом говорилось подробнее). Чем глубже вчитывался в такие строки памятника, тем яснее становилась догадка: оригинальный текст поэмы был писан человеком, знающим язык половцев. И писалась эта вещь для двуязычного читателя Киевской Руси XII века.

В «Аз и Я» проводилась параллель с русско-французским билингвизмом XIX века. Диалоги «Войны и мира», «Анны Карениной» писаны были для людей света, знающих французский не хуже, если не лучше, родного. В XX веке российское общество стало моноязычным – и Толстого пришлось переводить на русский.

Каждый развитый этнос в своей истории переживал периоды двуязычия. Порой неоднократно приходилось оказываться под влиянием различных иноязычных культур. И ничего постыдного в этой правде нет. На том обсуждении выступил В. Абаев, членкор, один из самых авторитетных в мире индоевропейцев. Сообщил, что его институт исследовал проблему билингвизма. Они насчитали, к примеру, более пятисот иранизмов в грузинском словаре. Такое количество заимствований служит неоспоримым доказательством былого грузино-персидского двуязычия. «Витязь в тигровой шкуре» – порождение долговременного союза этих двух народов. Любое великое произведение древности – плод взаимодействия культур. «Тюркизмов в русском языке, я думаю, не меньше, чем иранизмов в грузинском, – сказал Василий Иванович. – Если не больше. Нужны масштабные исследования в этом направлении».

В начале XIX века в России было обнаружено несколько искусных подделок под старинные рукописи. И «Слово о полку Игореве» сразу попало под подозрение. Яростные защитники до сих пор доламывают обломки копья Мазона и пик нескольких других скептиков из прошлого. Но я считаю, что именно следы былого двуязычия являются самым убедительным аргументом подлинности «Слова». Фальсификатору не нужно было так насыщать текст тюркским материалом. И беда этого бесценного литературного текста ещё и в том, что вот уже два столетия прочесть и истолковать «Слово» пытались и талантливые, и трудолюбивые слависты, но не знавшие тюркских языков и не придававшие этому фактору должного значения. Поэтому первая же попытка двуязычного «любителя» по-новому разобраться в проблеме прочтения «Слова» немедленно получила сокрушительный отпор «профессионалов». Они не только следов тюркского языка в «Слове» не нашли, но и поэтического языка вещи не поняли.

Как описана ночь накануне роковой битвы!..

«Дремлет в поле Ольгово хороброе гнездо...»

Я подсчитал: очень много раз в «Слове» употребляется лексема «храбрый», пришедшая в древнерусский из южнославянского языка. Но лишь однажды автор применяет русский полногласный вариант «хоробрый». Почему?

Поэт ответит, что автор намеренно усилил в этой строке гармонию гласного О – самого минорного звука русской речи. Этот звук веками настоян на смыслах слов «холод», «голод», «зло», «зной», «мор», «стон», «горе», «Поле», «полон», «позор»...

Никакой фальсификатор не смог бы создать тонический подтекст такого совершенства. Но академия не слышит ничего ценного в этой строке и хладнокровно включает в школьные хрестоматии свой перевод: «Дремлет в поле Олегово храброе гнездо...» – грамматически правильный, но начисто разрушающий одно из убедительнейших свидетельств подлинности гениального «Слова». Повторяющийся минорный звук «О» наполняет тревогой, предчувствием последней, гибельной битвы, которая должна состояться утром. Такие строки больше говорят о подлинной древности и подлинности памятника, чем тома патристической риторики.

Попутно. Об этимологии слова «хоробрый». В казахском языке выражение «кара баур» – «чёрная печень» характеризует жестокого человека, как в европейских наречиях возможное – «чёрное сердце». Но слово «кара» – «чёрное» в тюркских когда-то значило и «великое». Именно тогда возникло название «кара теніз» – «Великое море» (каз.) = гара денгіз (тур.), позже истолкованное как «Черное море» (тур., каз. и др.)

«Самое синее в мире

Черное море моё», – пел Утёсов.

Во времена, когда создавались такие поэмы, как «Слово о полку Игореве», выражение кара баур (каз.) – кара боор (кырг.) ещё означало «великая печень», а не «чёрная». Так характеризовали смелых, великосердных воинов, а не злодеев. Гортанный согласный к в славянском произношении передавался звуком х. (Так этноним казак до XX века в России произносили ещё казак, обозначая сословие русских вольных людей, обитавших в степных регионах. В советское время утвердилось слово казах. Слава богу, что не хазах.) В хоробр узнаю кыргызское произношение: кипчакский (казахский) дифтонг ау кыргызы системно превращают в долгий о – Ала-Тау > Ала-Тоо, Кара баур > Хара боор. Так я нашёл первое древнекыргызское слово в славянских.

* * *

Спустя 10 лет мы с Андреем Вознесенским оказались в компании главного специалиста по «Слову о полку Игореве», академика Дмитрия Сергеевича Лихачёва, – нас троих Союз писателей СССР делегировал на какой-то писательский форум в Сицилии летом 1985 года – разговоров о «Слове» никто из нас не затевал.

Только однажды. Мы обедали на берегу моря, стол на четверых под зонтом. Четвёртый – итальянский сопровождающий. Учился в Москве. Историк. Главное блюдо – спагетти.

«Дмитрий Сергеевич, а знаете, откуда в Италию пришли спагетти?» – спросил я.

«Ну раз Вы спрашиваете, – добродушно ответил академик, – значит, с Востока. Я прав?»

«Абсолютно. Арбитром пусть выступит наш итальянский друг».

Итальянец пояснил. Марко Поло возвратился из своего путешествия в Китай и устроил в Венеции серию званых вечеров, где демонстрировал экзотические блюда, рецепты которых привёз. И больше всего венецианским вельможам понравились спагетти. Вскоре их готовили по всей Венеции. А потом и по всей Италии. А «спагетти», предположил итальянец, наверное, какое-то забытое китайское слово. Лингвисты пока не нашли источник.

«Здесь тюркологи могут добавить – подключился я. – *aspah etti* – “лапша мясная” по-староуйгурски. Марко Поло, судя по этому термину, рецепт заимствовал в Восточном Туркестане, ныне провинция Синьцзянь в КНР...». «У нас сто пятьдесят видов спагетти, сто пятьдесят соусов», – добавил итальянец.

После этого Андрей заказал ещё порции спагетти с другим соусом и осторожно спросил: «Дмитрий Сергеевич, а почему учёные навалились на Олжаса? Я бы на вашем месте за одно это объяснение спагетти простил бы ему все прежние ошибки!».

Дмитрий Сергеевич ответил, обращаясь ко мне, вполне серьёзно: «Если бы Вы, Олжас, приехали ко мне в Ленинград с рукописью, мы посидели бы вместе пару вечеров с красным карандашиком. Несколько вопросов на полях обозначили. Вы бы подумали. И вышла бы прекрасная книга».

Я же ответил: «Если бы я так поступил, книга не вышла бы вовсе, Дмитрий Сергеевич...»

С Дмитрием Сергеевичем мы встречались и в дни съездов народных депутатов. На одном из съездов, в конце мая 1989-го, выступая, академик вдруг сказал, что русская культура издревле взаимодействовала с восточными, в частности с тюркскими степными культурами. О чём ясно свидетельствует «Слово о полку Игореве».

* * *

Завершая, хочу сказать, что «Слово о полку Игореве» – литературный памятник трех временных срезов – XII, XVI, XVIII веков – продолжает ждать исследователей. Не столько патриотов, сколько учёных, способных выявить, какая из правд, накопившихся в науке за века изучения памятника, является истинной. То есть истиной.

Настоящий учёный – историк или языковед – не появляется в течение четырёх лет университета и трёх-четырёх лет аспирантуры с последующей защитой диссертации кандидатов в учёные. Активный период познания этим сроком ограничивается для большинства научных работников.

Настоящие прозрения начинаются позже: через пятьдесят, а иногда и шестьдесят лет работы над темой. В твоём сознании постоянно живут факты, которые ты узнал и обдумал за все эти десятилетия. Оспорил или утвердил их. Множество фактов и деталей требуют обобщения. Найти его трудно, но, накопленные за десятилетия, они начинают собираться и помогать обобщать всё, что ты узнал – в систему.

Всё, что должен был узнать.

Благодаря таким знаниям народы начинают вспоминать и ценить каждый свой интеллектуальный подвиг, сотворённый, может быть, только вчера или ещё в каменном веке. Сам процесс вспоминания и оценки поступков, оправдывающих имя нашего вида Человек Разумный – умножает уверенность каждой великой и малой нации в своём и общем будущем.

Какими знаниями пополнилась наука о языках и культурах человечества за прошедшие полвека?

Научных званий в мире прибавилось, но знаний не становится больше. Не только в тюркологии – во всех гуманитарных науках. Развивались только те, которые работали на оборону. И нападение.

И мир подошёл к обрыву, за которым нет дорог.

Больше тридцати лет назад независимость в социальных явлениях распространилась и на книгу, породив в обществе независимость от книги. Следующие десятилетия должны стать временем осознанной взаимозависимости книги и нации.

С этого должно начаться возрождение читающей нации.

Олжас СУЛЕЙМЕНОВ
ПРАВО НА ОШИБКУ
Глава из книги «Аз и Я»

Февральским вечером 64-го звоню из гостиницы «Москва». Через 20 минут вхожу в подъезд дома 17, Лаврушинский переулок. В. В. провёл в кабинет. Тёплый, полутёмный кабинет учёного. Поговорили о погодных условиях (предстояли метели). Он спросил, чем сейчас занимаюсь, и я решил, что другого повода в разговоре может и не быть. Торопясь, комкая, сообщил, что сейчас меня интересует проблема шумеро-тюркских языковых контактов. Привёл несколько примеров. В. В. слушал, наклонив большую лобастую голову.

– Шумеры, – сказал В. В., – и тюрки. Не рифмуется. Я думал, что вы расскажете о новой книге стихотворений. Признаюсь, огорчили. Хотя это похвально – интересоваться другим. Знаете, какое самое древнее славянское слово? Запомните его, это – «есть». И каков возраст этого старика? Не более двух тысяч лет. Остальные слова разрушились, видоизменились настолько, что если бы (пофантазируем) удалось открыть памятник праславянской литературы, скажем, I века нашей эры, уверяю вас, мы бы встретили в нём лишь одно знакомое слово – есть. Наукой твёрдо установлено, что слово не выдерживает испытания временем. Оно развивается, теряя и приобретая новые звуки, изменяя смысл. Время не стоит на месте, и язык в постоянном движении. Согласны? Шумерский язык возник примерно в четвёртом тысячелетии до нашей эры. Последние памятники письма, я имею в виду шумеро-вавилонские силлабарии, относятся к VI веку до нашей эры. И сравнение их с первыми памятниками показывает, как на протяжении тысячелетий видоизменялась лексика. Вы хотите утверждать, что прототюрки, по вашим словам, «варились в котле цивилизаций» древней Передней Азии, ушли, вытесненные семитами, в начале первого тысячелетия до нашей эры и унесли, и сохранили до позднейших времён некоторые шумерские лексемы. Повторите, пожалуйста. Дингир – бог. А тюркские формы? Денгир, тенгир, тенгри... Нет, невозможно. Не верьте слишком очевидному совпадению форм.

– И смысла.

– Да, и смысла. Это случайные совпадения. В языках всего несколько десятков звуков, и количество комбинаций их весьма ограничено. В разных языках могут встречаться, на первый взгляд, одинаковые слова. Но между ними нет никакой связи. Они произошли параллельно. Вы понимаете? И в разное время. Не огорчайтесь, это типическая ошибка. Даже специалисты порой обманываются внешним сходством. Тюркская лексема, если предположить её зависимость от шумерской, за истекшие тысячелетия должна, обязана была измениться до неузнаваемости. И потом, согласитесь, пока нет никаких оснований предполагать, что тюркские языки уже существовали в шумерскую эпоху. Они, как утверждают компетентные люди, возникли не более чем две тысячи лет назад. И в развитии создали имя бога – неба, случайно совпавшее с названием шумерского.

– Уже несколько раз вы называете эту страшную дату – две тысячи лет. Неужели этот христианский рубеж имеет такое уж значение в истории языков? Тюрки могли появиться независимо от рождества Христова. А если шумеры называли бы своего бога Христос – учёные так же настаивали бы на случайности совпадения с именем христианского бога?

– Думаю, да, – неуверенно сказал В. В.

– А если бы к тому же они хоронили своих покойников по христианскому обряду и устанавливали на могилах символ религии – крест, это тоже приняли бы за случайное совпадение? И сравнение символической атрибутики тюркских курганов и шумерских обнаруживает такие черты схожести, которые нельзя признать случайными. Совпадения слишком системны.

— Я вижу, вы увлечены. И меня это беспокоит. Аргументов у вас недостаточно, чтобы убедить меня в сверхпрочности тюркского, как вы говорите, консервативного слова. Существует теория, утверждающая — слово смертно. Чтобы поколебать её, нужны факты — слова, слова, слова бессмертны. Отдельные, разрозненные примеры её не потревожат. Вашей идее консервативного слова противопоставит консерватизм науки. Её ста доводам вы должны противопоставить сто один. Сотню — на отрицание существующей теории и один — на утверждение вашей гипотезы. А вы начинаете прямо с утверждения. А наука без трезвого, догматического подхода к свежим фактам, без консерватизма, может превратиться в голую романтику. Сейчас вы, милый мой, свободны от страха и сомнений, вы увлечены одним фактом и ослеплены им как поэт. Но если вы поставили перед собой цель — стать учёным...

Хорошо, сформулируем иначе. Если хотите всерьёз заняться наукой, вы обязаны воспитать в себе консерватора, недоверчивого и желчного, внутреннего редактора, который проверяет высшей математикой сомнения, каждый, пусть даже самый гармоничный факт. А он, этот внутренний оппонент, может подавать в вас поэта. Поверьте, меня это искренне беспокоит. Вы читаетесь массы бездарных, серых высказываний и постепенно поверите в них. Они количественно убедят вас в своей несокрушимости. И, в конце концов, придёте к вполне искреннему убеждению, что для науки полезней, если вы будете защищать теорию, на которую сами покушались по молодости. Из врага её превратитесь в апологета. История науки знает массу таких судеб. А теперь подумайте: стоит ли? У вас прекрасная профессия...

...Я возвращался в гостиницу и продолжал разговор с В. В.

Почему-то повелось: поэзия — глуповата, наука — умновата. Забыли, что стихи глупца не станут притчей. Забыли, что смыслы «учёный» и «поэт» разделились недавно. Они выражались одним словом, в Европе — артист, в Средней Азии — чаляби от позднетурецкого чалыб — бог.

Омар Хайам писал пространные математические трактаты, может быть, поэтому ему так удавались в конце жизни четырёхстрочные рубаи — стихи сжатые и всеобщие, как формулы. Аль-Фараби, этот узел поэзии, философии и математики? Кто они были — поэты или учёные? Чаляби. Умеющие отгадывать символы, потому что создавали их. Люди чувственного ума. В средние века в Средней Азии за науку не платили; единственная привилегия, которой добились Омар Хайам и аль-Фараби — счастье познания.

Сколь тонка фонетическая грань, разделяющая «чалыб» и «джалыб» — проститутка. И как трудно сохранить равновесие и не переступить грань. Воистину, в рай идут по лезвию меча. И разве ты сам не испытывал минут высочайшего вдохновения, когда всё повинуетя стремительным движениям твоего упоенного чувствами разума. И ощущаешь прямую связь с богом. И что там табачный дым усмешек и унижение перед словом. Ты — чалыби, тебе всё дано, и всё возвращается жестом и звуком!

Ты шёл, радостно кровяня босую душу о бритвенное лезвие грани. И шатало тебя, и хотелось сосупить с меча, подлечить порезы. И сосупал. И подличал.

Бог отступал, и ты бросался в весёлое, нерадостное джалыбство. Врал себе и другим, предавал себя. Дрался с сусликами, как с орлами, пытаясь забыть, забить бытом своё божественное происхождение. И потасканный, озлобленный возвращался, влезал на лезвие, лез в летописи, забивался подальше от глаз своих в окраинные века, в тёмные закутки пергамента, бродил в буреломе тайн, и там, выдыхая перегар предрассудков своей эпохи, очищался пылью и тленом мёртвых мудростей, и забывался, и надеялся, и верил, что когда-нибудь, пусть хоть полупьяная джалыб поймёт твои шараханья и задумается над стихами твоими и скажет волнуясь — мой чалыби! Человек ты мой.

А пока история, любая другая отвлечённость от мелочей писательского и просто человеческого быта помогала мне. Я отдыхал, успокаивался, разбирая надпись на шведском камне. Здесь я ни от кого не завишу, здесь интересно быть рабом.

«Стоит ли?» Разве можно распланировать жизнь и свято, холодно по пунктам соблюдать программу? Утилитаризируются самые бесхитростные понятия. Интерес — это уже ставка в игре. Профессионал не вступит в игру «без интересу». Загнать кого-то под стол тоже — интерес. А есть ли, сохранилась ли такая игра, где процесс интересен не по результату? Есть. И мы её постоянно ищем, находим и — играем.

«Стоит ли?»

...Мы сидим на веранде степной дачи, рассматриваем в театральный бинокль ледяную вершину Хан-Тенгри. Почему самые выдающиеся и красивые горы названы Яма-Лунгма и Фудзи-яма? Может быть, и вершины наших знаний было бы правильней называть ямами?

— С точки зрения высшей?

— Может быть!

Формула надежды «Может быть!» движет нами. Мы любим созерцать сияющие пики: нам кажется, что смотрим вверх.

Они будут смотреть и ничего не услышат. Они будут слушать и ничего не увидят. Это не о нас сказано:

— Может быть!

Начался этап подъёма. Мы вспоминаем себя Нами. И от того, будем ли мы воздвигать собственные кочки или, калечась, сдирая кожу с ладоней, потянем тяжёлую, колючую, как трос, линию подъёма выше себя, зависит амплитуда твоего духовного взлёта, степь. Обманывай невежд своей плоскостью. Их плоскость пусть тебя не обманет. Под слоем ровной глины — вершины, мы ходим по ним.

*Под круглой плоскостью степи
углами дыбятся породы,
над равнодушием степи
встают взволнованные руды,
как над поклоном —*

*голова,
как стих,
изломанный углами,
так в горле горбятся слова
о самом главном.*

История тюркских кочевых племён напоминает пустыню. Бедную кронами, переполненную сухими корнями.

Альпинист, коченея, вкладывает последнюю записку в каменный тур.

В театральный бинокль с крыльца Академии её не прочесть. Она написана для тех, кто, обдирая лицо об лёд и порфир морен, вползёт на тот пятачок. Моему приятелю не понять знаменитого хирурга, раскапывающего курган, не понять дирижёра, отморожившего ноги на Хан-Тенгри. «Куда вас несёт!» — усмеются те, кто уютно расположился у подножий, обнёс утёсы заборами и сделал созерцание блестящих истин — ям средством для поддержания жизни.

— Лезете в бинокли, членовредители! Заслоняете вершины!

Пирожнику надоело ходить босым. Мы пытаемся вспомнить то, чего нам не расскажут сапожники, молящиеся, как буддисты ноге Будды, тесной колодке индоевропейского сапога.

Незыблемая аксиома «Волга впадает только в Каспийское море» родилась в XIX веке, когда географы ещё не знали, что существует несколько волг. И катается лектор в лодке по Волге-матушке, впадающей в Днепр, и усмехается снисходительно:

— Неправда. Наукой твёрдо установлено, что Волга впадает только в Каспийское море, — и ссылается на авторитетные заявления, а лодку сносит в Чёрное.

Когда удаётся глянуть на послужной список великого годами и степенями тюрколога и увидеть несколько статей, ровных, серых, как асфальт, написанных к датам и в соавторствах, невольно приходишь к грубому выводу — человек не оправдал своего назначения. Я уже не говорю о предназначении, которого, возможно, и не было. Средством, но не целью была для него наука. Он был изворотлив, вертелся, как варёное яйцо, на полированном столе школы.

Я знаю таких светил и отношения к ним скрывать не собираюсь, ибо уверен, что «слабым отрицанием темноты свет верно служит азиатской ночи».

Язык и письменность – громадный, нетронутый материал культуры, накопленный за многие тысячелетия, – ждут новых исследователей.

Может быть, среди десятков юных читателей моих найдутся будущие создатели гуманитарных, но точных наук; люди новой формации, избавившиеся от предрассудков христианских, мусульманских и буддийских знаний, свободные от догм философий расовых и национальных. Тогда слово не будет ни причиной, ни следствием ежечасно меняющихся представлений исторических, а будет – Словом, самым объективным источником.

Постоянная религия, неподвижный быт создают тот искусственный режим, в котором не увядает слово, обладающее золотой структурой. Истлевает письменный материал,

*но вечен знак над лёгким
пеплом букв,
над глинами,*

*над каменной плитой –
изогнутый лекалом мысли
Звук.*

Температура, кислород и давление разрушают физические предметы. Но в условиях с постоянным режимом вещества не разлагаются. В одной египетской пирамиде был обнаружен трогательный венок, ещё не утративший своей первоначальной окраски. «Цветы эти лучше, чем что-либо другое, свидетельствуют о мимолётности тысячелетий», – восклицает Керам. Поверим правде этих слов.

С чем сравнить несокрушимое человеческое слово? С этим венком или золотым предметом, не поддающимся естественному разрушению? Его можно погнуть, сломать, переплавить, механически нарушить форму, но эрозии золото не подвластно.

Молчаливая степь широка, как пень добиблейского древа познания. Пень с разветвлённой подземной системой корней, невидимой столбам с громкоговорителями. Спят века в излучине синклинали. Идёшь по голой степи, наклоняешься у редких выходов скальных пород, откалываешь образцы. Станешь на колени перед родником и, прежде чем припасть губами, увидишь сверк радужной плёнки в клубящейся воде. Отметишь место выхода нефти в маршрутном журнале. Может, случайность? Проезжал кто-то и наследил. Мыл мазутные руки. Место пустынно. Следов машины нет. И сидишь у родника день, а вода не теряет своей бакинской окраски. И замечаешь, камни у ручья черные. Проведёшь пальцем – она. По трещинам поднимается на поверхность с артезианских глубин кочевница-вода, задевая окраину нефтеносного пласта...

Шумер. Усложнённый, затуманенный театральными биноклями, нереальный, голубой, лучистый в космосе косности и – близкий, шершавый, как степной валун, на котором высечены памятные слова.

...Недавно, ночью, я спустился в кладовку. Годами в коробках из-под мебели, длинных, вместительных, как гробы, складывался мой шумерский архив. Дверь была распахнута, замок сорван. Я посветил фонариком. Черный бумажный пепел покрывал пол. Валялись бутылки из-под вермута, консервные банки. Кто-то гулял и жёг жгуты из рукописей. Жмурясь, заслоняясь руками, выбирались ребятки и их помятые, заспанные подруги из архивных гробов. Меня покорила символика факта. Произведения наконец-то светили живым ясным огнём, разгоняя мрак кладовки. История помогала современности. Там, в кладовке, я понял афоризм – жизнь бьёт ключом. Когда тебя за Шумер – в печень, ты стоишь за него, как за родину. Как за родину – отвечаешь.

...Я собрал уцелевшие страницы. А ящики наполнил книгами, пухлыми томами индоевропейцев. Пускай на них теперь выспятся. Им необходимо давление сверху и с боков, может, вырастут, сопротивляясь тяжким задач действительности. Эта ночь окончательно убедила меня в том, что надо сесть и попытаться обобщить чувства и мысли, накопленные за годы занятия Шумером.

ПЕРВЫЕ ОТЗЫВЫ

Хайрулла МАХМУДОВ,
доктор филологических наук, профессор

ОЛЖАС СУЛЕЙМЕНОВ – ПОЭТ И ФИЛОЛОГ

«Простор», 1969, № 6

Специальность геолога наложила определенный отпечаток на круг интересов О. Сулейменова, на осмысление явлений. Он научился мыслить масштабно, потому что геология – это наука о земле, это миллионы лет, это история нашей планеты. Потом спецкурс по «Слову о полку Игореве». Два спецсеминара по текстологии. Особое внимание к древнерусским памятникам письма и языка. «Слово о полку Игореве» он читает глазами человека, глубоко заинтересованного, увлечённого, зачарованного...

Что это? Биография поэта? Да, творческая биография поэта, пришедшего в науку. Без таких приверженцев, которые дня не могут прожить без словесных открытий для себя, в филологии было бы, по крайней мере, скучно. Побольше бы их, геологов и поэтов, ищущих, влюблённых в языковедение.

Итак, «Слово о полку Игореве». В нем есть непонятные или спорные места. Стал вчитываться. Библиотека Ленина. Своя программа изучения памятника. И что-то начинает вырисовываться.

Найден, установлен, доказан для себя первый тюркизм – «кашей».

Помогло знание казахского языка. И это одно из многих доказательств подлинности «Слова о полку Игореве», потому что фальсификаторы XVIII века не могли знать этих тюркизмов; тогда тюркология делала первые шаги. Помнились слова известного польского востоковеда А. Зайончковского: «От дальнейшей совместной работы славистов, главным образом с востоковедами, будет зависеть окончательное суждение о памятнике».

Тюркология только в современном её состоянии стала способна объяснить тюрко-половецкие элементы в «Слове о полку Игореве».

Первые стихи поэта Олжаса Сулейменова появились в подборке Леонида Мартынова в Литературной газете (1959 г.) и в «Казахстанской правде» (1959 г.), в том же году о них можно было прочесть в журнале «Простор» (№ 10) в обзорной статье Н. С. Ровенского.

Сулейменов одновременно писал очерки, рассказы, статьи на разные темы, больше по лингвистике.

Работа над стихами занимала основное время. Эти стихи зазвучали во всем мире, хотя ни одно центральное издательство не издало ни одного сборника. Первый сборник «Избранная лирика» Олжаса Сулейменова объёмом всего в один печатный лист вышел в феврале 1969 года в издательстве «Молодая гвардия».

Олжас Сулейменов заговорил сразу своим голосом. Что же составляет голос, почерк того или иного поэта? Отвечаем: его художественный творческий контекст может быть творческим и нетворческим (называют иногда риторическим). Любой член Союза писателей может написать художественное произведение, но бывает, что оно, несмотря на многочисленные и лестные рекомендации, не живёт, оно мертворождённое...

Другое дело – творческий художественный контекст.

Это уж от делания автора не зависит. Поэтами рождаются!

Отношение к миру, времени, преломление этих категорий в художественном сознании писателя находит непосредственное выражение в контексте. Писатель не может вырваться за пределы языка (и для него фонетические, лексико-грамматические и стилистические законы языка и речи обязательны), он должен в рамках данного языка мыслить, чувствовать и действовать; в языке он находит, вырабатывает определенную систему речевых фактов, связывающих его с миром. Эта система, поэтическая концепция художника принадлежит только ему одному.

Это не язык писателя, не речь, не стиль – это его творческий контекст.

Писатель не может исчерпать всё богатство языка, все возможности речевой деятельности коллектива (рода, племени, народности, нации), он может не знать о многих фактах языка, которые известны, скажем, лексикологу (лексикографу) или историку языка (А. Х. Востоков или В. И. Даль куда больше знали, чем Пушкин! Притом оба знаменитых филолога написали немало художественных произведений в стихах и прозе, но у них не было своего творческого контекста). Художник слова может оперировать ограниченным числом языковых единиц: его словарь может не превышать одной десятой (сотой) доли слов этого языка, но если у него есть свой авторский творческий контекст, своя оригинальная, поэтико-речевая система, мы можем говорить о новом литературном факте.

Вспомним: единственный сборник стихов поставил Тютчева в один ряд с великими русскими поэтами XIX века; первыми тонкими сборниками стихов Сергей Есенин обозначил свой живописный участок в истории русской поэзии XX века.

Олжас Сулейменов своими книгами, притом изданными только казахстанским издательством, по праву встал в ряд лучших современных поэтов.

Некоторые критики считают, что в первых стихах Олжаса Сулейменова слышится неуверенность и прочее. Это неверно. Поэт рождается сразу, далее лишь совершенствуется. В сборниках «Аргмаки» и «Год обезьянь» голос один и тот же, т. е. один авторский творческий контекст.

Художник слова, выступая в разных жанрах, остаётся носителем одного и того же творческого контекста, иначе он не может. И не случайно произведения, написанные под псевдонимом или анонимно (например, Достоевским, Лесковым и другими), как правило, не вызывают сомнений у специалистов по стилистике относительно своей авторской принадлежности. Иногда писатель, маскируясь, нарочито ломает свой творческий контекст. Но и в этом случае тщательный анализ позволяет распознать автора.

В творческом контексте большого мастера обновляются даже древнейшие поэтические средства языка (катахреза, гипспалага, синекдоха, метонимия, метафора, сравнение и др.), которые у рядового автора в художественном, но не творческом контексте выглядят устаревшими и банальными.

Обычно считают истёртыми глагольные рифмы. Однако в стихах Олжаса Сулейменова никто не чувствует их истёртости, например:

*Развешаны картины Левитана
в лесах,
река холодная горит,
неторопливый грохот Левитана
о молнии потухшей говорит.*

Ср. у Б. Пастернака:

*Вас чествуют. Чуть-чуть страшит обряд,
Где вас, как вещь, со всех сторон покажут,*

*И золото судьбы посеребрят.
И, может, серебрить в ответ обяжут.*

У Олжаса Сулейменова: горит-говорит, у Б. Пастернака: покажут-обяжут.

Но описание черт творческого контекста любого самобытного поэта – дело чудовищно трудное. Как трудно описать голос того или иного человека и его лицо. Посредственный представитель кино или изобразительного искусства даёт более близкое воспроизведение голоса, лица и картины, чем самое подробное словесное описание, принадлежащее перу гениального художника слова, такого, например, как Лев Толстой. В этом сказывается абстрагирующая природа языка.

Говорят, будто Олжас Сулейменов идёт от Велимира Хлебникова. Да, что-то общее объединяет его творчество с творчеством математика, лингвиста (по профессии) и рыцаря поэзии, которого В. Маяковский, В. Каменский, Н. Асеев и другие считали своим единственным учителем. Он творил стихи и новые стилистические единицы речи, или стилемы. Разрезал слова, складывал отдельные фонемы, и самые неожиданные вариации звуко сочетаний выражали новые понятия и оттенки отношений, некоторые из них прочно вошли в поэтический обиход. Хлебников считал, что каждый звук стиха должен обладать своей семантикой, и некоторые исследователи именовали строй стиха Хлебникова не фонетическим, а фонематическим.

Новые элементы инструментовки стиха, размер или рифмы в русской поэзии во многом восходят именно к хлебниковской поэзии, это относится и к размерам и рифмам В. Маяковского (бы вода – повода – Х.; бомбы – лбом бы – М.).

Олжаса Сулейменова объединяет с Хлебниковым масштабность (часы столетий под курганом – Х.; на покато и скользком глобусе все сегодня поют «Алабаму» – С.; у Олжаса аналогичных примеров много. Если идти по этому пути, можно привести примеры, говорящие и о влиянии В. Маяковского: Наполеона поведу, как мопса – М.; меня водят пешком, как собаку, по городу – С.). Это сходство внешнее и внутреннее. Но Олжас Сулейменов – явление новое, это знаменательный литературный факт, он идёт всё же от Олжаса Сулейменова, а не от Хлебникова.

Если Хлебников и Маяковский создавали семантические, лексические и фразеологические неологизмы (цель – создать стилистические единицы речи, стилемы), то для Олжаса – это не характерно, хотя и не совсем чуждо.

Ср., например:
*Но прежде чем свалят, затопчут, залюбят,
зарубят, протяжно и тяжко
в ночах прокричат ярославны.*

Олжаса с Хлебниковым объединяет стремление оживить слова и выражения. Как известно, слова языка данного периода мы делим на активные, пассивные и резервные. Любые слова – историзмы, архаизмы, диалектизмы – могут ожить, перейти в пассивный или даже активный разряд лексики. При этом они в век мотыги входят как мотыга, в век плуга как плуг, в век ракеты – как ракета. Например, Пастернак оживил слово «зегзица» (кукушка в «Слове о полку Игореве»):

*Ты край, где женичины в Путивле
зегзицами не плачут впрёдь...*

Олжас наряду с древнерусскими словами вводит и древнетюркские (в том числе и казахские) слова, кальки слов и выражений, некоторые из них, безусловно, войдут в язык поэзии и общенародный литературный язык. Вот почему Олжас Сулейменов бьётся над этимологией слов и выражений в языке древнерусских письменных памятников, особенно в языке «Слова о полку Игореве». Эти слова

с течением времени, несомненно, им будут использованы, и значительная часть, как надеется поэт, войдёт в пассивный, а может, и активный разряд лексики современного русского литературного языка. Например, Олжас Сулейменов не раз употребляет выражение: «Я как меч обнаженный», которое восходит к казахской поговорке: «Қынысыз кылыштай» во «Втором слове» Аубакира Молды: «Қырықта қынысыз кылыштай жалаңдайсын» – «В сорок лет поблескиваешь, как меч обнаженный» (о мужчине в сорок лет).

*Если с материнским молоком добрым тебя сделать нелегко
это зло в тебя вошло здоровьем, всем земным, вселенским всем коровам.*

В основе этого четверостишья лежит казахская пословица: «Ана сүтімен енбеген, тана сүтімен келмейді» – букв.: то, что не всосано с материнским молоком, не войдет с молоком телки.

Олжас называет Алма-Ату белогорлой (казахское «актамак» характеризует красавицу, букв.: белый подбородок и передняя часть шеи).

В этой связи хочется подчеркнуть, что настала необходимость детального изучения казахизмов в языке Олжаса Сулейменова.

Казахские слова и выражения Олжас использует, т. е. доводит до определенного обобщения, придаёт им стилистическую однозначность в контексте всего стихотворения. Аналогично использование резервного слова «зегзица» и мн. др. у Пастернака, что, конечно же, резко отличается от простого употребления слов и выражений.

Олжас Сулейменов – казахский национальный поэт. В его произведениях имеет место синтез русской и казахской речевых стихий. Казахская система образов. Олжасовским стихам характерны звуковые повторы, они составляют, если хотите, основную опорную точку. Их три типа:

а) унисонный, где в качестве корреспондирующих (перекликающихся) единиц выступают однотипные гласные, согласные или звукосочетания одного порядка:

*Бросим
робким
тропам
Грохот копыт в лицо!*

б) контрастирующий, где в качестве корреспондирующих элементов выступают, противопоставляются разнотипные (по месту и способу образования) звуки и звукосочетания:

*Вон вороны бродят
В ливнях сухой травы.*

в) гармонический – закономерное чередование в качестве переключающихся элементов унисонного и контрастирующего типов:

*Ветер раздует пламя
В жаркой крови аргамака.
Травы
сгорят
под нами.
Пыль
И копытный цок.
Твой аргамак узнает, что такое атака.*

Самые различные виды рифмовки Олжаса мы склонны отнести к указанным выше типам звуковых повторов.

В поисках резервных слов

«Слово о полку Игореве», бессмертное творение древнерусской литературы, привлекало и привлекает литературоведов, лингвистов и историков. Оно породило огромную исследовательскую литературу. Но, несмотря на это, отдельные строки, слова и даже целые куски из этого памятника всё ещё не нашли удовлетворительного толкования исследователей.

О. Сулейменов опубликовал целый ряд статей по «Слову о полку Игореве». Наиболее существенные из них следующие: «Кочевники и Русь» (Простор, 1962, № 10), «Босый волк и напевы готских дев» (Простор, 1962, № 11), «Тмутаракань, мечи харалужные. Карна Жля» (Простор, 1963, № 60), «Синяя мгла и синие молнии» (Простор, 1968, № 9). Некоторые статьи, небольшие по объёму, но существенные для прочтения отдельных строк «Слова», О. Сулейменов опубликовал в центральных газетах: «Невидимые слова», «Где река Каяла» (Литературная Россия, 1968, 20 сентября), «Слово о полку Игореве» (Литературная газета, 1963, 24 декабря).

Я далёк от того, чтобы одинаково восторженно относиться к каждому толкованию О. Сулейменова. Более того, есть такие положения в его статьях, с которыми трудно согласиться. Но имеются настоящие находки, на которые хотелось бы обратить внимание специалистов.

Первой по времени является статья «Кочевники и Русь». В ней уже намечаются те основные пути, которыми пойдёт О. Сулейменов в исследовании «Слова о полку Игореве». Его интересует система выразительных средств «Слова», невидимые тюркизмы. История кочевников и Руси, запечатлённая в этом памятнике. Филологическому анализу подвергаются две строчки памятника.

Одно из этих толкований нужно отнести к числу несомненных удач исследователя. Говоря о пребывании Игоря у половцев, автор «Слова» указывает, что «Игорь князь выседе из седла злата, а в седло кощиево». Большинство комментаторов сходятся на том, что прилагательное «кощиево» образовано от слова «кощей» в значении «обозный, слуга, раб» (происходит от тюркского слова «кош» — обоз, «кошчи» — состоящий при обозе, погонщик, व्योчник). Привлекая факты современных тюркских языков, О. Сулейменов показывает, что справедливей связывать его с казахским «кош» — «кочевье, кочевка». Отсюда «кощей» — это одно из древних собирательных имён степняка.

Убедительным представляется и следующее замечание О. Сулейменова: «Вспомним старые русские сказки о “нечистой силе”, Кощее бессмертном, налетавшем с огнём и мечом на деревни и города. Кощей стал олицетворением зла, коварства, символом агрессии. И действительно, трудно согласиться с тем, будто этого Кощея древние славяне отождествляли с “обозным”, “слугой”, “рабом”, “пахарем”».

Ниже в «Слове» есть такое употребление этого существительного: «Кончака — поганого кощея». Как нам кажется, именно это выражение, которое обходит О. Сулейменов в этой статье, может выступить несомненным доказательством правомерности его толкования. Совершенно очевидно, что слово «кощей» применительно к Кончаку имеет значение «кочевник», а не «обозный», «слуга», «раб».

В других своих статьях О. Сулейменов разбирает слово «харалужный». Харалужные мечи сближаются с традиционным сочетанием тюркского фольклора «кара клычи» (хараклыш — харалыш — харалуж) в значении «великий меч», «чёрный меч». По мнению О. Сулейменова, автор «Слова» мог заимствовать эту постоянную половецкую формулу и применить её уже бессознательно к русскому оружию.

В статье «Невидимые слова» О. Сулейменов, отказываясь от этого толкования, предлагает новое. Приводится интересная система доказательств, в частности, обращает внимание исследователей на тот факт, что все предметы вооружения получают в «Слове» указание на принадлежность: «шеломы аварские», «шеломы литовские», «стрелы хиновские», «сулицы лядские», «мечи литовские» и т. д. Этот путь

поисков приводит к вопросу о том, какой народ на Руси мог выступать под именем «харалужки»? Автору статьи представляется закономерным связать это слово «с древнерусской диалектной формой корлязы – так называли Францию и французов».

«Карляжные» и «харалужные», по мнению О. Сулейменова, суть диалектные формы одного и того же названия. Отсюда «харалужные мечи» – «французские мечи».

В дальнейшем Олжас Сулейменов, сравнивая эпитеты «Слова» и «Задонщины», находит, что авторы «Задонщины», при заимствовании данного устойчивого сочетания «копья харалужные», «переводят» эпитет «харалужные» термином своего времени «фрянзские». Вывод заманчивый, но не бесспорный.

С оценкой этого вывода в печати выступил А. Югов в статье «Тайна стального клинка» (Комсомольская правда. 1968. 23 ноября). Прежде всего, А. Югов не согласен с мнением о том, что «русские мечи XI–XIV вв. были западноевропейской работы», и, в свою очередь, утверждает, «что именно русские мечи и кольчуги были важной статьёй экспорта Древней Руси. Их выделка превосходила и западную, и восточную технику». Следовательно, «харалужные» – это не французские? Обращаясь к В. Г. Анастасевичу, А. Югов утверждает, что слово «харалужные» следует производить от калмыцкого «харал» – брань, война. Это объяснение можно было бы принять, если бы оно не наталкивалось на тавтологическое сочетание – воинские, боевые, бранные мечи. Если иметь в виду, что автор «Слова» весьма точен и экономен в употреблении определений, то приведённое сочетание является недопустимой роскошью в поэтической системе «Слова».

Вернемся к тому толкованию «харалужных мечей», которое предложено О. Сулейменовым. Сделаем предварительную оговорку: О. Сулейменов, анализируя то или другое слово в памятнике, пытается связать его со всеми случаями употребления в тексте (в одной из статей это требование выдвигается в качестве исходного в анализе «Слова»). В этом свете остаётся непонятным, почему не учитывается следующая строчка из памятника: «Баю храбрая въежестоцвъ харалуже скована, а въбуеси закалена». По нашему мнению, она делает невозможным толкование «харалужные» как «французские». Мы склонны согласиться с теми исследователями, которые связывают «харалужный» как «харлут» с тюркским словом «каралык» – чернота (чёрная, вороненая сталь). «Харалужный» – стальной, булатный, «харалут» – сталь особого рода, закалки, черненная сталь.

Только в этом толковании слово «харалут» становится прозрачным сочетанием «в жестоце харалуте».

Сомнительна возможность возникновения этого слова из тюркского «кара клыш», которое рассматривается О. Сулейменовым в его ранней статье «Мечи харалужные» как наиболее возможный вариант возникновения лексемы «харалут».

В 1962 году вышла статья О. Сулейменова «Босый волк и напевы готских дев». Она была с интересом встречена такими известными исследователями «Слова», как В. Ф. Соболевский и В. И. Стеллецкий. Анализируя строчки «Скочи съ него босымъ влькомъ» и «Поють время бусово», О. Сулейменов приходит к выводу о том, что слова «босый» и «бусово» в них образованы от тюркского «босу» (в значении – массовое бегство целого племени или народа). Как нам кажется, сюда же может быть отнесена и форма «босуви»: «Всю ночь съ вечера бусови врани възгряху».

Выражение «Поють время бусово» является важной составной частью целого отрывка из «Слова», условно именуемого «Время бусово». Толкование слова «бусово» во многом определяет его прочтение в целом.

*«...готьскыя красныя девы выпеша
на бреже Синему морю,
звоня рускымъ златомъ,
поють время Бусово,
лелеють мечь Шароканю».*

Большинство исследователей считают, что в этом отрывке слово «готъскыя» употреблено в значении этнонима, а притяжательное прилагательное «бусово» связано по образованию с именем антского князя Божа. Этой точки зрения придерживается и В. Ф. Соболевский в своей статье «Готские девы» в «Слове о полку Игореве» (Простор. 1963. № 5), которая является откликом на разбираемую работу О. Сулейменова. Смысл отрывка трактуется В. Ф. Соболевским следующим образом: «Вот здесь и выступает действительный общий замысел «Слова» – подействовать на патриотические чувства всех русских князей, напоминая им о тех далёких временах, когда антский король Бус отражал набеги готов, а также о более близких “жирных временах”, когда были разгромлены половецкие орды во главе с Шаруканом».

По-иному трактует этот отрывок О. Сулейменов. Он исходит из того, что «гот» – это не этническое имя, а суммарное определение, подобное скифам, печенегам, половцам... Причерноморских скифов, печенегов и половцев греки именовали готами. Термин «гот» мог употребить автор «Слова», обозначая причерноморских кочевников-половцев. Связав такое толкование термина «гот» с пониманием слова «бусово» как «массового бегства целого племени или народа», О. Сулейменов так объясняет этот отрывок: готские-половецкие девы поют, то есть скорбят о «времени босовом» и радуются за отмигнённого Шарукана – половецкого предводителя, разбитого в 1106 году Владимиром Мономахом. «...Удар Мономаха был так ужасен, что только через поколение кипчаки смогли вернуться к русским границам. Их вёл сын Артыка, внук Шарукана – Кончак». Именно такую трактовку отрывка, со ссылкой на О. Сулейменова, принимает В. И. Стеллецкий (Слово о полку Игореве: Просвещение. М., 1965. С. 160–161). В указанной выше статье В. Ф. Соболевского В. И. Стеллецкий справедливо назван среди тех ученых, которым принадлежат наиболее поздние и лучшие переводы «Слова о полку Игореве». Принятие В. И. Стеллецким точки зрения О. Сулейменова говорит, безусловно, в её пользу. Правда, толкование слова «босый» в сочетаниях «босый волк» и «босови врани» В. И. Стеллецкий связывает не с «босу», а с тюркским же «бос» (в древнерусском языке «бось» – дьявол; см.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1). Но в этой части О. Сулейменова поддерживает В. Ф. Соболевский, который пишет: «Глубокий и очень интересный лингвистический розыск О. Сулейменова в отношении понятия “босу” ценен лишь в первой своей части в толковании выражения “босый волк”».

Указанные соображения ведущих исследователей «Слова о полку Игореве» говорят о том, что О. Сулейменов находится на верном пути в своих поисках. Уместно привести и следующие строчки из статьи В. Ф. Соболевского: «Следует искренне приветствовать творческие поиски О. Сулейменова, столь ярко и глубоко приобщившего к делу исследования “Слова” и братский нам казахский язык... Его поиски позволяют утверждать о возможности дальнейшего обогащения исследовательской литературы о “Слове” пока ещё скрытыми материалами, в том числе среди языков казахского, персидского, черкесского и других. Этот факт особенно значителен, поскольку уже слышны унылые голоса о том, что исследование “Слова” зашло в тупик ввиду использования “всех имеющихся материалов”.

Конечно, не все толкования, которые даёт О. Сулейменов, являются бесспорными. Мы согласны с мнением В. Ф. Соболевского о том, что нельзя считать удовлетворительным объяснение О. Сулейменовым слов «посуху» и «шпереширь» в следующем отрывке древнего текста: «Ты бо можеша посуху живыми шереша стреляти, удалыми сыны Глебовы». До сих пор ни у кого не вызывало сомнений значение слова «посуху». Во всех лучших переводах «Слова» оно оставлено без изменения (см. переводы Н. К. Гудзия, И. П. Ерёмкина, С. К. Шамбинаго и В. Ф. Ржиги, В. И. Стеллецкого).

Нам представляется такое решение верным, поскольку появление слова «посуху» вполне подготовлено здесь предыдущим текстом. Великий князь Всеволод может Волгу вёслами расплескать, Дон шеломами вычерпать, а посуху он может стрелять живыми шереширами, удалыми сыновьями Глебовыми. О. Сулейменов предлагает «посуху» заменить на «босуху», считая, что «посуху» – это искажённое в процессе бесчисленных переписок слово «босуху», которое представляет собой внимательный падеж от «босу».

Такое понимание слова «посуху» дает О. Сулейменову возможность по-новому толковать слово «шереширь», которое до сих пор не нашло удовлетворительного объяснения у исследователей. По мнению О. Сулейменова, «шереширь» – это воины, потомки Шарухана (Сару-Хана), т. е. кочевники, форма образована от тюркского «сару» при помощи суффикса «ши», эквивалентного русскому «ич». В целом отрывок толкуется в статье О. Сулейменова следующим образом: итак, «шереширами» презрительно, с горечью и отчаянием автор «Слова» называет ненавистных половцев, напоминая им и внуку Мономаха о разбитом в своё время Шарухане и указывает Всеволоду на возможность – сделать врагу Руси «шереширу» ещё одну «босуху». Такое прочтение отрывка не может быть признано удовлетворительным, поскольку в нем не учитывается форма творительного падежа (видимо, в значении орудия действия), в которой стоит интересующее нас слово. В этой же форме использованы и другие слова в тексте, связанные со словом «шереширь», которые не могут быть объяснены при таком понимании текста. И всё-таки статья О. Сулейменова вносит определенный вклад в историю изучения «Слова» и в этой своей части. В ней приведён веский довод, отрицающий широко распространённое толкование слова «шереширь». Многие исследователи памятника связывают его с персидским словом «тир-ичерх», которым обозначаются стрелы огромных самострелов-катапульт. О. Сулейменов пишет: «Орудия, именуемые тир-ичерх и-черх упоминаются только в XIII веке, в описаниях походов Чингисхана». Это замечание О. Сулейменова не может не учитываться исследователями «Слова».

Статья «Босый волк и напевы готских дев» открывает новые перспективы для обогащения литературы о «Слове».

В «Литературной России» за 20 сентября 1968 г. напечатана статья О. Сулейменова «Где река Каяла». Есть мнение, что кипчакское название реки забыто. О. Сулейменов считает, что «оно прошло стадию русификации и живо в новом качестве на карте Приазовья».

Автор статьи исходит из конструкции «Су Каяла», так как в тюркских языках гидроним строится по схеме «название реки + детерминатив». Видимо, существовало тюркское название Су + Каялы, которое обозначает не реку, а пространство между двумя сливающимися реками. Оно и могло войти в текст «Слова» как река Каяла, по мнению О. Сулейменова, в русской языковой среде это сочетание было подвергнуто народной этимологизации и получило иную разбивку: Суха ялы.

Отсюда Суха Ялы – Сухы Ялы – Сухие Ялы. Река под таким названием есть на картах Приазовья. Она находится в тупом углу, образуемом Доном и северо-западным побережьем Азовского моря.

На эту статью О. Сулейменова есть отзыв Приазовского краеведческого музея, который подтверждает реальность высказанного предположения.

Последней по времени и, как нам кажется, наиболее интересной по содержанию, является статья «Синяя мгла и синие молнии». Автор нашёл новый путь для доказательства оригинальности «Слова». В своём исследовании он идёт от образной системы памятника, от особенностей его поэтики. Рассматривая сочетание «синяя мгла», О. Сулейменов задаёт закономерный вопрос: насколько оно было возможно в древнерусском языке и что им обозначалось? Большинство исследователей, не ставя под сомнение цветное значение слова «синий», по-разному трактуют слово

«мгла» – тьм, туман, туча, облако. О. Сулейменов показывает, что ни одно из названных существительных не могло определяться эпитетом «синий» в его современном значении, «ибо средневековая поэзия не признавала таких неопределённых полутонов, как «синяя чернота». Она была резче, мужественней, примитивней...»

Следовательно, в толковании словосочетания «синяя мгла» надо идти не от значения существительного «мгла», а от значения прилагательного «синий». Рассматривая все случаи употребления этого прилагательного в «Слове» (синее море, синие молнии, синяя мгла), О. Сулейменов высказывает, на наш взгляд, совершенно справедливое предположение о том, что оно выступает в памятнике в ином, более древнем, ныне утраченном значении «сияющий, сверкающий, искрящийся, блестящий, яркий». Если это действительно так, то высказанное соображение может служить одним из несомненных доказательств оригинальности «Слова о полку Игореве».

Итак, не синее море, а сверкающее море, не синие молнии, а сверкающие молнии, не синяя мгла, а сверкающая мгла? А существовало ли вообще выражение «синяя мгла» в подлиннике «Слова о полку Игореве?» – спрашивает автор статьи. Поставленный вопрос приводит его к анализу строк из памятника, посвящённых князю Всеславу, в которых употреблено словосочетание «синяя мгла»: «клюками подпрься о кони и скочи къ граду Киеву, и дотчесь стружнемъ злата стола Киевского. Скочи оть нихъ лютымъ зверемъ в полночи изъ Белаграда, обесися сине мгле»... Приведённая часть текста «Слова» вызывала оживленные споры у исследователей и считалась «действительно испорченным местом» (акад. А. С. Орлов).

Анализ этого тёмного места, приведённый О. Сулейменовым, опирается на исторические факты, на летописный материал, на древние формы и значения слов, на некоторые палеографические сведения.

Предполагая, что слово, прочитанное переписчиками XV в. как «кони» (поскольку оно соседствовало с глаголом «скочи», находилось под титлом «кни»), О. Сулейменов предлагает расшифровать его как «кыяне», «кияни», позже «киевляне». Наличие местоимения «от них» в следующей строчке является доказательством правомерности прочтения.

Особый интерес представляет толкование О. Сулейменовым последней части этого текста: «Обесися сине мгле...» Автор видит здесь неправильную разбивку позднейшими переписчиками сплошной древнерусской строки на отдельные слова. По его мнению, основанному на исторических фактах, эту строку нужно разбить следующим образом: «обесися сыномъ Гле...», т. е. обняв, буквально – обвесив себя сыном Глебом. «Строчка, по-видимому, оборвана. Безвозвратно потеряна какая-то информация, касающаяся, надо полагать, и второго сына» (там же).

Предложенное толкование проясняет и строчку, которая предшествует этому тексту: «Взьми Всеславъ жребий о девицу себе любу...» Видимо, нужно согласиться с высказанным в статье мнением о том, что Всеслав мечет жребий о «двююцк себе любу», т. е. двух любимых сыновьях, с которыми он сидел в тюрьме.

Статья «Синяя мгла и синие молнии», как нам кажется, это несомненная удача молодого исследователя.

Круг интересов О. Сулейменова становится всё шире. От «Слова» он идёт к истории кыпчаков, древних тюрок. Уже недостаточно читать только древнерусские памятники. Нужны византийские, грузинские, арабские источники... И потом всё глубже и глубже в историю тюрок, которая нигде не записана. О. Сулейменов ищет её в языке, в словаре. Поиски привели к этрусским надписям и скандинавским рунам.

И вот статья О. Сулейменова «Склонен к предположению» (Простор, 1968, № 5). Не всё в ней представляется одинаково доказанным и приемлемым, но есть положения, которые по-настоящему интересны.

Во-первых, автор высказывает любопытное предположение о том, что этруски не были одноязычным народом и в этрусской федерации могли участвовать в числе других тюркоязычные и славяноязычные племена. Поэтому объяснение некоторым этруским надписям следует искать в тюркских языках (в статье анализируются три таких надписи).

Во-вторых, О. Сулейменов интересно и, на наш взгляд, вполне убедительно анализирует ряд слов, найденных в Этрурии на гранях игральных костей: и-ва-ест-орти-канус-уолоте. Этрускологи заметили, что в ряду каждое последующее слово на одну букву длиннее предыдущего. Было предположено, что это названия числительных, в которых само количество букв символизирует какое-то число. Принцип был найден, но слова не объяснены. По мнению О. Сулейменова, «этрасские писцы для числительного ряда и-ва-ест-орти-канус-уолоте использовали существующую прежде тюркскую традицию надписей на игральных костях – “вар-ика-ес-торти-каиус-олоте”, которую в результате применения механического буквенно-числового принципа передачи чужих числительных превратили в искусственный ряд слов-цифр: и-ва-ест(т), орт(и), канус, уолоте». Мы согласны с мнением О. Сулейменова, который считает, что случайным совпадением явное соответствие терминов этрусских костей с тюркскими числительными объяснить нельзя.

О. Сулейменова интересуют и скандинавские руны (IV в. н. э.). Они найдены на камнях Финляндии, Швеции, Норвегии, Дании. Найдены, прочитаны, но не поняты, потому что исследователи пытаются объяснить эти надписи языками тех народов, которые живут там сейчас. А может быть, в расшифровке их помогут тюркские языки, так как исторически известно, что гунны доходили и до Скандинавии. Этой статьи пока нет. Она на очереди.

А вот ещё одна гипотеза. Поэта интересует тот первый этап развития человеческого рода, который нигде не зафиксирован, и, следовательно, любая гипотеза, относящаяся к этому периоду, находится в области предположения. И тут начинаются предположения, гипотезы, фантастика, ничем не ограниченная, безудержная... до таких предположений, что в саму древнюю эпоху, именуемую автором эпохой природного языка, человеку не надо было изобретать слова.

«И человеку оставалось лишь запомнить их самоназвания, которые превратились в первые слова человеческого языка, т. е. первые пласты человеческой речи состояли из названий животных...» Их названия были перенесены на те знаки, которые символизировали соответствующих животных. Выбитые из камня изображения рогов обозначали быка, а перевёрнутые рога – корову («убитого быка»). Поэтическая философия языка у Олжаса основывается на том, что самоназвания животных были перенесены на знаки, изображающие этих животных. Схожесть знаков с другими предметами, окружавшими людей, определила перенос их наименования на эти предметы. Рассеялся по земле человек. Рассеялись знаки с их названиями, затем переносимыми на схожие предметы из окружающей действительности. Отсюда возможность самых отдалённых языковых сопоставлений. Эти идеи – плод отрицательной реакции на теорию Н. Я. Марра, на его положение о глоттогоническом процессе. Отсюда возможность самых неожиданных этимологий.

Фантастично? Да.

А почему мы должны, не подумав, не попытавшись проверить, отказываться от любой, пусть самой крайней фантазии, если она пытается уяснить те вопросы, объяснение которым не найдено в письменных источниках и которые, следовательно, можно представить себе только гипотетически? Сколько раз то, что окazyвалось фантазией и вызывало возражения, становилось со временем общепринятой теорией.

Бывает, оказывается, и другой подход к делу. Например, в «Русской речи» появилась заметка И. Г. Добродомова «Половцы и поле». Автор возмущается воль-

ностями, которые позволил себе Олжас Сулейменов в толковании этнонима «половец», и «опечатками», которые превращают реку Немигу в Немичу, а загадочные хиповские стрелы в ещё более загадочные хиповские (Русская речь. 1968. № 6). Сколько иронии! Буквы Г и Ч, И и П смешаны.

«На самом деле, – пишет И. Добродомов, – слово “половцы” образовано от прилагательного “половый” (жёлтый) и представляет собой дословный перевод половецкого самоназвания куман (жёлтый).

Слово куман производная форма от кум или кун. А если мы вспомним о таких распространённых словосочетаниях, как кзыл кум(ы), кара кум(ы) (песок), то станет ясно, что куман значит – из песков, степняк, а если же от кун, то почему не сравнивать с кун – казах., солнце, день; или от кум со значением “народ” (ср. кумык)».

Интересно, почему это И. Г. Добродомов позволяет себе говорить от имени всех тюркских языков (...никакому тюркскому языку не известен)? Есть у нас некоторые тюркологи, более известные в официальных языковедческих органах, которые тоже любят говорить от имени всех тюркских языков, хотя ни одним из них как следует не владеют! А тюркских языков много, около сорока живых языков и диалектов, а мёртвых, очевидно, не менее.

И. Г. Добродомов пишет: «“Слово о полку Игореве” – поэтическое произведение. И это об Олжасе Сулейменове, который считает поэтическими все произведения Владимира Мономаха, Иллариона, Кирилла, Даниила Заточника, летописи и даже грамоты, восторженно воспринимает такие сильные образные выражения, как дал блюдо серебряно в тридцать гривен серебра и велел быть в него на обеде, коли игумен обедать (1128 г.); а лихих бы есте людей не слушали, которые имуть вас сваживати (слова Ивана Калиты); а немцам ганям и всему латинскому языку гостити в Новгород без пакости (Александр Невский, 1262-1263 Т.)». Любовь Олжаса Сулейменова к «Слову о полку Игореве», именно как к поэтическому произведению, граничит, мне кажется, с наваждением.

В конце заметки делается вывод, совершенно не вытекающий из «позитивных» результатов её автора: «Очень жаль, что важная и серьёзная тема о восточных словах в языке “Слова о полку Игореве” получила на страницах “Комсомольской правды” недостаточно квалифицированное освещение». Ничего не скажешь: любят у нас ещё все употреблять слово “квалификация”. Как научный руководитель О. Сулейменова я знаю – он изучает языки: русский и все славянские, все романские, все германские, все угрофинские, все тюркские, заинтересовался японским. Для него «всякое слово – чьё-то изобретение, духовная и материальная ценность». Он овеществляет, опредмечивает слово и фетишизирует его. Настоящий культ слова!

Любовь к слову, особенно поэтическому слову, у казахов общеизвестна. «Лучшее искусство – красноречие» (казахская поговорка). Тюркологи в прошлом отменяли казахское красноречие; казахи, безусловно, выделялись этим талантом среди других тюркоязычных народов. Эту особую любовь к слову у Олжаса Сулейменова подметила известная переводчица казахских писателей на французский язык Лили Дени: «Я прочла, – пишет она, – в “Годе обезьяны” Олжаса Сулейменова, тридцатилетнего поэта, то, что является одновременно прошлым и будущим: “Европа, потеряв органическую связь со мною, кинулась воссоздавать утерянный примитив. Меня спасают корни. Правда, не всегда”. Теперь я понимаю, что это за корни, которые спасают Олжаса Сулейменова, и какой мост обеспечивает преемственность казахской культуры. Этим мостом является любовь к слову»¹...

Доброго коша тебе, Олжас, удачных поисков и счастливых находок!

¹ Дени Л. Леттр Франсез. 1968 г. 17 июля. С. 16. Париж.

Сергей МАРКОВ,
поэт, писатель, историк

КАРНА И ЖЛЯ

...За ним кликну Карна и Жля
Поскочи по Русской земли...
Слово о полку Игореве

Олжасу Сулейменову

Я мерил жизнь (и этим горд!)
И на степной салтык.
Живя в стране трех древних орд,
Я слушал их язык.

В бессмертном «Слове о полку»,
Как буйная трава,
Вросли в славянскую строку
Кыпчакские слова.

На них таинственный покров
Набросили века...
Я раскрываю тайну слов
Чужого языка!

Кыпчакским полчищам верна,
Поднявшись над бугром,
Огромная труба – Карна
Извергла медный гром.

От грома вздрогнула земля
И ринулась, звеня,
Жалын – желеу или Жля –
Завеса из огня.

Ещё напишет в добрый час
О пламенной строке
Мой юный друг – кыпчак Олжас –
На русском языке!

1970

Рашида ЗУЕВА,
доктор филологических наук, доцент

Светлана ШТЕЙНГРУД,
поэт, критик, публицист

«ВРОСЛИ В СЛАВЯНСКУЮ СТРОКУ КЫПЧАКСКИЕ СЛОВА...»

«Ленинская смена», 9 июля 1975 г.

Трудно определить жанр новой книги Олжаса Сулейменова «Аз и Я». Это глубокое научное исследование, написанное талантливым поэтом, язык которого свободен от штампов, а ум – от научных предрассудков. Это поэтический трактат, созданный учёным, сочетающим в одном лице и лингвиста, и историка, и этнографа.

«Осознать космос культуры, в котором, как ядро, плавает слово, это и есть наука чтения. Не освоив её, невозможно писать самому», – утверждает О. Сулейменов в предисловии к своей книге. И, читая «Аз и Я», мы невольно вспоминаем его стихи и поэмы. Интерес к древним пластам истории, культуры, языка питает музу поэта, а поэт, в свою очередь, помогает учёному ярче и образнее увидеть отдалённый веками предмет.

Слово – и древнее, и современное – для Олжаса Сулейменова не просто Знак, Символ, обозначающий то или иное понятие. Слово – объёмно, оно имеет запахи и краски своей эпохи. В юношеском сборнике Олжаса Сулейменова «Солнечные ночи», который был издан в 1962 году, есть пронзительные стихи, они начинаются так:

*Слово – медленный блик
человеческого поступка,
Высоту, глубину и цвета
извергает язык.
Повторятся в словах*

*И глоток,
И удар,
И улыбка,
Стук копыт через век
И наклон виноградной лозы.*

Эти строки можно было бы поставить эпиграфом ко всей книге «Аз и Я», и в особенности к её первой части, посвящённой изучению «Слова о полку Игореве». В них определена закономерность интереса поэта к слову и к тем литературным памятникам древности, в которых истоки поэзии, истоки культуры. Ведь не случайно, что один из таких памятников – «Слово о полку Игореве» – вот уже в течение двух последних веков вызывает самый оживлённый интерес не только славистов, но и филологов всего мира. Литература, посвящённая «Слову», огромна. Лингвисты, литературоведы, историки, крупнейшие писатели XIX–XX веков принимали живейшее участие в спорах об этом памятнике. «Слово» оказало огромное влияние на славянскую литературу, искусство, культуру в целом. Но, к сожалению, текст этого уникального произведения до сих пор не имеет единого прочтения и толкования. И по-прежнему в мировой научной литературе ставится под сомнение оригинальность «Слова о полку Игореве» как памятника XII века. Поэтому его изучение так актуально, поэтому каждое новое исследование этой области с большим интересом и нетерпением ожидается не только специалистами, но и широкой читающей публикой.

Новая книга Олжаса Сулейменова – результат долгого кропотливого научного поиска. «Более десятка лет я пытаюсь покрыть расстояние между собой этой Вещью (Вещь – мудрость, древнерусское)», – пишет поэт. Начиная с 1962 года у него вышло более десяти статей, посвящённых «Слову». Среди них – «Синие молнии и синяя мгла», «Где река Каяла» и другие.

Все опубликованные статьи Сулейменова неизменно вызывали большой интерес учёных.

Среди толкований «тёмных» мест «Слова», предложенных им, есть такие, которые уже вошли в научный обиход. Так, В. И. Стеллецкий в одном из наиболее авторитетных изданий «Слова» в комментариях принимает прочтение Сулейменовым выражения «время босово» и литературно-исторический анализ всего этого куса текста. Стеллецкий цитирует поэта: «В казахском языке как раз и сохранилось точное определение такого массового бегства целого племени или народа, какое пришлось испытать кыпчакам после разгрома, учинённого Мономахом. Оно называется “босу”. “Время босув”, или, если взять конструкцию “Слова”, босово – босово».

Строго научная работа с привлечением доказательств филологического, исторического, этнографического и других планов, книга Сулейменова читается как захватывающий роман.

Автор щедро делится с читателем радостью исследования, узнавания. Открытия словно происходят на наших глазах, и мы становимся свидетелями этого блестящего «приключения» мысли.

Прочтение «тёмных» мест памятника, предложенное Сулейменовым, в большинстве случаев убедительно, но и спорные его решения представляют несомненный интерес. Сулейменов ещё раз аргументированно доказывает оригинальность этого памятника XII века, излагает общую теорию взаимоотношения Киевской Руси с кыпчаками, половцами. Широко пользуясь историческими, этнографическими данными, привлекая языковедческий анализ, Сулейменов показывает, что русичи и кыпчаки не только воевали друг с другом. Они обменивались экономическими и культурными ценностями.

Столь тесное соседство и взаимодействие отразились на языке обоих народов. Отсюда в «Слове о полку Игореве» тюркизмы – видимые и невидимые. Первые ранее описаны и классифицированы учёными, Сулейменов исследует вторые – невидимые, скрытые тюркизмы, и это исследование помогает ему прочесть многие «тёмные» места «Слова». По мнению Сулейменова (и оно весьма убедительно), невидимые тюркизмы могли быть непонятыми переписчиками. Поэтому «Слово» – в том варианте, который дошёл до нас, сохраняет наслоения XVI и XVIII веков.

Автор разбирается в этих пластах и показывает, как видоизменяется текст «Слова» под пером переписчика сначала XVI, а потом XVIII века. Он пытается восстановить текст XII века, который, к сожалению, не дошёл до нас. И это направление поиска – убедительно успешно. Сулейменов удачно сочетает в себе качество русиста и тюрколога, и поэтому ему удалось распознать скрытые тюркизмы под внешней русской оболочкой.

Обнаружение таких древних тюркизмов – одно из наиболее перспективных направлений при решении вопроса об оригинальности «Слова». Известный польский востоковед А. Зайончковский писал: «От дальнейшей совместной работы славистов главным образом с востоковедами будет зависеть окончательное суждение об этом памятнике».

Среди наиболее удачных толкований «Слова» хотелось бы отметить перевод микропоса, названного «Сон Святослава», или такие фразы, как «в мытекъ бываеъ» и «до куръ Тматорокания».

Очень важно и то, что в «Слово» долгие годы вчитывается поэт, ярко и образно мыслящий. Ведь многие места «Слова» были не поняты потому, что поэтические метафоры прочитывались буквально, без учёта всего поэтического строя памятника, без учёта художественного контекста. Не всегда в появлении «тёмных» мест виновен переписчик XVI века. Возникают они и от неверного членения строки.

По признанию Мусина-Пушкина, разобрать рукопись «было весьма трудно, потому что не было ни правописания, ни строчных, ни раздробления слов», – так начинается глава «Изяслава на кровати». И далее Сулейменов рассматривает слу-

чай, когда «неправильная разбивка привела к рождению ложной метафоры». Сулейменов цитирует отрывок из «Слова», где речь идёт о князе Изяславе, который «И схотию на кров и рекъ» – то есть неожиданно укладывался на кровать (на поле боя!) и произносил речь.

Сулейменов приводит несколько переводов и толкований этого места, предложенных другими учёными, вплоть до перевода Стеллецкого «И с милою на кровать». Метафора ложна, смысл её нелеп.

«Если бы мне пришлось иллюстрировать “Слово”, – пишет поэт, – я воплотил бы в красках все сочинённые толкователями образы. И этот эпизод просится под кисть. Степь, политая кровью трава, разбросаны тела литовцев с помятыми шлемами. Среди поля широкого стоит деревянная кровать с никелированными шпешечками. На ней лежит Изяслав с любимым человеком (признаки пола коего прикрыты фиговым щитом). А вокруг кровати – трупы, а на них воронь».

Сулейменов доказывает и грамматическую, и литературную недостаточность предложенных вариантов разбивок. И предлагает свою. «Исхоти юна кров. А ты рекъ» – «Исходил юной кровью. А тот сказал». И далее поэт заключает: «Исходить кровью – устойчивое сочетание во многих славянских языках. Вместо ужасной кровати на поле кровавой битвы, – простой известный фразеологизм, точно вписывающийся в образный строй и стилистику эпического текста».

Размеры газетной статьи лишают нас возможности цитировать книгу. И попытка такая могла бы привести только к одному: желанию процитировать большинство её глав. Поэтому мы завидуем читателю, который ещё не прочёл эту книгу и ему только предстоит увлекательное научное, поэтическое путешествие в глубокую древность.

Вторая часть книги, «Шумер наме», идёт в развитие общей темы, хотя и, казалось бы, несколько в сторону. Кроме «Слова» Сулейменов занимается многими другими вопросами, связанными и историей народов и языков. От «Слова» он пошёл к истории кыпчаков, древних тюрков. Занялся изучением орхон-енисейской письменности, руническим письмом.

Вскрывая культурные пласты тех «доисторических» эпох, он размышляет о проблеме письменности и языков, религии и культуры. В полемически заострённой форме ставит вопрос о культурных и языковых контактах населения древней Передней Азии (шумеров и прототюрков).

Сулейменов сопоставляет большую группу шумерских лексем с тюркскими, факты, известные из раскопок шумерских погребений и курганов Сибири и Казахстана, приводит составленную им сопоставительную таблицу «60 слов и одно», ставит вопрос о необходимости не смешивать культурное родство языков с генетическим. Дальнейшее изучение этих вопросов может иметь большое значение в плане изучения классификации языков, их истории.

Впервые в научной литературе сделана попытка восстановить облик религии шумеров и прототюрков.

Он поднимает совершенно новую тему – сопоставление культур и языков, разрозненных в пространстве и времени, которая сама по себе необычна, а значит, и полемична. Но писатель берётся за эту колоссальную работу, потому что его волнуют глубинные пласты человеческой истории, и он умеет их сделать достоянием широкого круга читателей. Его парадоксы – неожиданно логичны, а логика, порой кажущаяся парадоксальной, удивляет дерзостью и непредвзятостью.

С некоторыми положениями его можно поспорить, иные пока кажутся утопичными. Но и сам Сулейменов не претендует стать «истиной в последней инстанции».

Значительность книги «Аз и Я» не только в тех глубоких и важных выводах, толкованиях, которые делает автор, но и в той горячей, страстной приверженности к поискам Истины, на пути к которой правомерны и ошибки, и заблуждения, но невозможно только одно – равнодушное топтание на месте.

Сулейменов смело отказывается в своей книге от тех положений, которые утверждал в некоторых собственных статьях несколько лет назад, поскольку за это время он многое узнал и пересмотрел. Если и в этой книге позднее что-то покажется ему неверным, он пересмотрит свои выводы с той же смелостью, что и положения других.

У поэта есть стихи на тему «Быть и казаться». Это – важная для него тема во всем творчестве, и в книге «Аз и Я» – тоже. Нужно – быть, а не казаться! – утверждает поэт. Хотя казаться – намного легче и удобней. К чему крушить авторитеты и общепризнанные истины! Но самоуспокоенность для Сулейменова равносильна духовной смерти, в движении – радость бытия, радость творчества.

Любое достижение в науке, искусстве превращается в мёртвую схему, если оно не дополняется, не развивается дальше, утверждает Олжас Сулейменов в своей книге, и в этом – её подлинный пафос, её гражданственность и современность.

Эдуард ДЖИЛКИБАЕВ,
журналист, писатель, исследователь

ТАИНСТВО СЛОВА

«Вечерняя Алма-Ата», 14 июля 1975 г.

Непросто в коротком отзыве даже просто перечислить, о чём идёт речь в новой книге Олжаса Сулейменова «Аз и Я». Но сначала о пути поэта к этому своеобразному сплаву исследования и исповеди с вкраплением сводки политических событий Киевской Руси эпохи «Слова о полку Игореве», сопоставительного тюркско-шумерского словаря и многого, многого другого. Первые стихи Олжаса Сулейменова появились в печати тогда, когда в поэзию входили Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко, Булат Окуджава, Белла Ахмадулина. Стихи О. Сулейменова поразили тогда редкой неординарностью дарования.

Этому помогало уникальное двуязычие поэта. Сразу обозначились коренные темы О. Сулейменова, и в их числе внимание к кардинальным проблемам культуры. Так поэт пришёл к новому взгляду на многие вещи, в частности на ранее непонятные строки замечательного памятника средневековой русской литературы «Слово о полку Игореве». Появляются статьи О. Сулейменова. Они замечены. Некоторые толкования загадочных мест были приняты такими известными учёными, как В. И. Стеллецкий и О. В. Творогов.

В самом начале своего творческого пути О. Сулейменов выступил с интересной книгой прозы «Солнечные ночи». Это были краткие, энергично написанные эссе, строки которых открывали русскому читателю новый мир восточной культуры. Эпиграфом к давней книге вполне можно поставить нынешние слова поэта «Осознать космос культуры».

И вот перед нами новая книга прозы: «Аз и Я».

Это – самоотчёт об интеллектуальном возмужании, построенном конфликтно, когда признанные и нашедшие себе вроде бы постоянное, неизменное место явления намеренным усилием души поворачиваются нераспознанной гранью, и тогда всё выше взлёт откровения, всё полнее и плодотворнее контакт с сердцевинной непогибающей духовности мира. Наиболее зримо процесс обострённого понимания сущности духовного наследия стало возможным показать, рассказывая о поисках историко-лингвистического характера, связанных с текстом «Слова о полку Игореве».

Вот что пишет об этом сам О. Сулейменов: «“Слово” – уникальный памятник, в котором сохраняются многие тюркские лексемы в их самых первых значениях. Не-

видимый тюркизм – одно из главных доказательств подлинной древности «Слова о полку Игореве», в основе языка которого лежит южнорусский диалект XII века».

Это о конкретной лингвистической задаче, итогом которой – задача пока не выполнена окончательно – должен стать этимологический словарь «1001 слово». А сверхзадача страниц, посвящённых «Слову», сформулирована такими строками поэта: «“Слово” – своеобразный текст, проверяющий знания, мировоззрение и творческие способности читателя, его психологическую подготовленность к встрече с историей... “Слово” – формировало моё миропонимание. “Слово” – ввело в историю и позволило увидеть другими глазами многие стороны современности».

Думаю, что О. Сулейменов более многих приблизился к пониманию художественной личности автора «Слова о полку Игореве».

Там, где останавливается лингвистическое исследование, работа над осмыслением текста продолжается при помощи цельного понимания сущности великого литературного памятника. И тогда оказывается, что синее вино – это огненное вино, толковины – кочевники, таинственные «доски без князька» оборачиваются идиоматическим выражением, угрожающей формулой дворцовых интриг древнерусского Киева «Престол без князя!», «серые воронь» на самом деле «бусурмань» – обобщённая кличка половцев, совершенно непонятная «дебрь Кисанова» оказывается прозрачным тюркским словосочетанием «железные пути, кандалы». И то, что раньше читалось: «По русской земле “простёрлись” половцы как гнездо пардусов (барсов) и в море погрузились и этим придали великое буйство хинове, т. е. себе же», теперь получает такой вид: «Белозанавесный (княжеский) шатёр погрузился в море и тем придал великую гордость половцам». Этим не ограничивается толкование непонятных мест «Слова».

Всем нам памятен «Сон Святослава»: «Этой ночью с вечера одевали меня чёрной паполомой (покрывалом) на кровати тисовой, черпали мне синее вино, с горем смешанное, осыпали меня крупным жемчугом из пустых колчанов...» Но возникновение этой странной церемонии никак не объяснялось. И насколько расширяется смысл самого сна, насколько усложняется и делается величественнее метафорика «Слова о полку Игореве», когда О. Сулейменов доказывает нам, что Святославу приснился погребальный обряд, распространённый среди кочевников. Святослава во сне хоронят по тенгрианскому обряду, славянского князя готовят к погребению враги – язычники.

Глава «Тенгрианство» – одна из наиболее интересных в книге. По словам О. Сулейменова, «термин “тенгрианство” не появлялся до сих пор в научной литературе. Самая древняя религия на планете, оформившаяся как философское учение уже в 4 тысячелетии до рождения христианского бога, ставшая матерью семитских и индоиранских религий, заметно повлиявшая на древнеегипетские культы, – тенгрианство уже давно ждёт своих исследователей».

Глава «Тенгрианство» входит во вторую часть книги, озаглавленную «Шумер-наме». Эта часть посвящена культурному родству шумерского с нынешними тюркскими языками. Но за лингвистическим родством всё время отыскивается более сложное, более одухотворённое родство символов, единиц духовного наследия. Погружение в глубины цивилизации, возвращение к истокам человеческой культуры – занятие невероятно сложное, но необходимое. Тема формирования культуры на ранней стадии истории человечества вызвала к жизни грандиозную тетралогия Томаса Манна «Иосиф и его братья». С особенной ясностью аналогичная тема возникает на последних страницах книги «Аз и Я».

Одно только постепенное возникновение различных имён, в каждом из которых неуклонно просвечивает первоначальный непогасающий смысл, способно дать представление читателю о Великом Пути мировой культуры. Древнеегипетскую богиню жизни Ишт древние греки называли Ист. Персы превратили её в Изиду. Она же – переднеазиатская богиня жизни, земли и плодородия

Иштхор. Но превращение имени на этом не прекратилось: Иштар, Истер, Астарат, Аштарт, Астарт – целое созвездие богинь разных народов: от эллинов до финикийян. Кстати, и о созвездии – вылепленное из глины тело богини Иштхор помечалось определительным знаком божества – восьмиконечной звездой. Так возникли европейские названия звёзд: от латинской «астры» до английской «стар». Остроумно заключает автор книги: «...именем старинной богини определили понятие древность – История».

Есть у О. Сулейменова точная и обоснованная научная позиция, есть подробная и корректная полемика, есть гневные выпады против того, что А. С. Пушкин обозначал, как «мы ленивы и нелюбопытны». Но особенное очарование придаёт книге именно лирическая позиция, позволившая автору ввести в книгу трагический конфликт. Здесь, в книге «Аз и Я», именно трагичность некоторых откровенных страниц побуждает читателя к обострённому размышлению о собственной ответственности перед культурой. Столкновение хрупкой нетленной культуры с безразличием, с варварством в парадоксальных формах XX века – вот проблема, которая заявлена в книге с достаточной прямоотой и суровостью.

Скорее всего, книга будет воспринята читателем неоднозначно. Но чтобы сопоставить позиции автора и его противников, чтобы сделать выбор, чтобы самостоятельно добраться до истины, читателю непременно придётся обратиться к первоисточникам. Такое обращение явится проникновением в суть и смысл культуры. Ради приобщения современного человека к драгоценным крупянам духовного наследия предков и написана эта интересная и необычная книга.

Константин СИМОНОВ,

*поэт, драматург, киносценарист, журналист, военный корреспондент,
Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии
и шести Сталинских премий*

ПИСЬМО В ПОДДЕРЖКУ ПОЭТА

21 сентября 1975 г.

Дорогой Олжас!

«Азию» нашёл у себя на столе в Москве, вернувшись из поездки по Северному морскому пути, и взял с собой сюда, под Сухуми, где и прочёл не быстро, за неделю – быстро эта книга не читается – и с величайшим интересом к книге и уважением к Вам.

Обо многом в книге мне трудно судить с достаточной долей точности хотя бы потому, что я не обладаю тем, чем в совершенстве владеете Вы, тем блестящим двуязычием, которое, будучи приложено к смелому уму и истинному таланту, открывает, как это до предела ясно из Вашей книги, столько возможностей, относящихся и к науке, и к литературе в равной степени.

Язык наших летописей я когда-то, в студенческие годы, более или менее знал – не столько из лекций, сколько просто из терпеливого, параллельного с переводами чтения.

Этим чтением занимался года два. Но оставило оно больший след в сознании, чем в прямой, связанной с языком памяти. В общем, древнеславянского я сейчас не знаю, не помню. Разве что в какой-то мере чувствую. Так что и с этой стороны научная моя компетенция оставляет желать лучшего. Словом, не

буду вдаваться в подробности, боясь неточностей и даже благоглупостей. Хочу сказать о том главном впечатлении, которое оставила Ваша книга.

Первое Впечатление, как я уже сказал, – впечатление смелости ума. Второе – талантливости находок и догадок, и самих по себе, и того, как о них сказано в книге. Мне всё интересно было в Вашей книге, но всё-таки самое для меня главное в ней – это подход к истории – жёсткий и в то же время сочувливый, в общем-то, что самое главное, справедливый, отмеченный и печатью национальной гордости, и печатью национального самосознания, и печатью того взгляда на вещи, при котором интернационализм и историческая справедливость становятся синонимами в тех случаях, когда взгляд интернационалиста повернут в историю, изобилующую всякого рода национальными осложнениями, с которыми все не стоит даже и пытаться разобраться, если дух интернационализма осеняет тебя только в момент произнесения соответствующих официальных речей или тостов, а в остальное время тебе ни к чему.

Постановка вопроса в Вашей книге, взгляд на историю, которая отнюдь не дышло – куда повернул, туда и вышло, как это некоторые привыкли в наше время считать, – да и не только в наше – давно привыкли, – мне близки и дороги как советскому писателю, как русскому интеллигенту, наконец, просто как человеку, с детства пристрастному к истории своего народа, такой, какая она есть, и со сладким, и с горьким.

Книга Ваша, конечно, как говорится, малость резковатая, но, наверное, она и не могла быть иной, иной бы и не написалась. Говорю это просто к тому, чтобы Вы знали, что предвижу вокруг этой книги историко-литературные бои и в случае чего в той или иной форме готов принять в них участие главным образом по общим принципиальным вопросам, а не по лингвистическим, в которых не сведущ.

Многое из упомянутого Вами в книге в разное время читал. Читал и некоторые из наиболее поздних сочинений, посвящённых теме «Русь, степь и старина» – в издании «Слова о полку Игореве», имея в виду Гумилёва и Зимина. Так что, в общем, памятуя об этом, могу себе представить разворот, быть может, предстоящих Вам баталий.

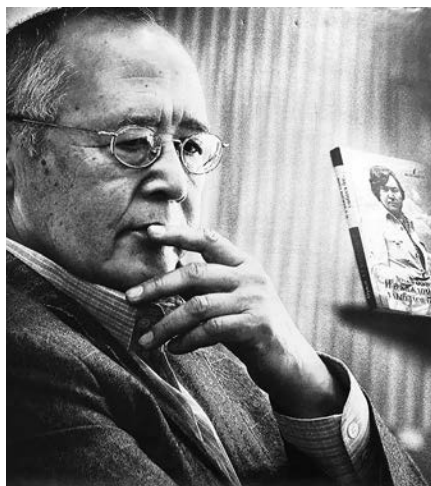
Крепко жму руку.

Ваш К. СИМОНОВ.

* * *

Страна моя родимая,
Такие мы нерадивые,
Как будто ты не родимая,
Мы в поисках за правдою
Всё где-то за Непрядвою,
За Калкой, за Каялой...
А рядом пруд стоялый,
Пруд кривды современной,
Вот так, брат Сулейменов!
Спасибо, что напомнили,
Дай бог, чтоб верно поняли! –
Не потащив на плаху
От имени Аллаха!

1975

Мурат АУЭЗОВ,
кандидат филологических наук,
культуролог, создатель Молодежного
движения «Жас Тулпар»

...ОСЕНЁННЫЙ ВЫДОХОМ ВЕЧНОСТИ – СЛОВОМ

Новая книга Олжаса Сулейменова заставляет вспомнить эпитеты, от которых казахский читатель, не избалованный в последние годы частыми достижениями родной литературы, возможно, уже и отвык. Перед нами – выдающееся произведение.

О. Сулейменов предстаёт в нём в величии своего интеллекта, редчайшей культуры художественного и научного мышления, высококравственного мировоззрения.

Обострённое чувство справедливости и мужественная, бескомпромиссная борьба против «тупого поспрапа в сфере историко-философических наук» определяют его этическую позицию. Блестяще реализовалась в книге уникальная, неоспоримая способность О. Сулейменова улавливать дыхание поэтического слова, ощущать его сердцебиение.

Жанр книги не поддаётся традиционному определению. Логическую последовательность и научную аргументированность её можно поставить в пример многим академическим трудам, так же как широкий кругозор и профессиональную компетентность её создателя. В то же время это, безусловно, художественное произведение, и по степени воздействия на чувства читателя оно не уступает лучшим образцам «мыслящей поэзии», мастером которой О. Сулейменов признан давно и безоговорочно. Проблема соотношения поэтического и научного начал в мышлении поднимается в книге неоднократно, и мы вряд ли ошибёмся, назвав протест против их категоричного противопоставления одним из главных внутренних импульсов, побудивших автора создать её такой, какой она явилась в мир.

«Почему-то повелось: поэзия – глуповата, наука – умновата. Забыли, что стихи глупца не станут притчей», – рассуждает О. Сулейменов в одном из монологов. «...Забыли, что смыслы “учёный” и “поэт” разделились недавно. Они выражались одним словом, в Европе – артист, в Средней Азии – чаляби от позднетурецкого чаляб – бог. Омар Хайям писал пространные математические трактаты, может быть, потому ему так удавались в конце жизни четырёхстрочные рубаи – стихи сжатые и всеобщие, как формулы. Аль-Фараби, этот узел поэзии, философии и математики? Кто они были – поэты или учёные? Чаляби. Умеющие отгадывать символы, потому что создали их. Люди чувственного ума. В средние века в Средней Азии за науку не платили: единственная привилегия, которой добились Омар Хайям и аль-Фараби, “счастье познания”». Привилегии счастье познания добился и Олжас, благодаря своим выдающимся способностям, помноженным на интенсивнейшую работу ума.

И всё же он не просто чаляби – идеальный инструмент познания символов мира. Он – преобразователь действительности. Его книгу легко читать и нетрудно понять. И невозможно не признать за ней мощь реально созидательной силы. Возможно, этот эффект достигается преодолением заведомой условности, игрового начала, к которым в век дифференцированных форм сознания всё более склоняется художественное творчество. Результат, во всяком случае, налицо. Читая

книгу, ощущаешь и подземный гул, и колебание почвы под ногами, ощущаешь сдвиги и процесс образования новых игр... С библейского откровения «В начале было Слово» Сулейменов снимает оттенок метафоричности. Он возвращает действительную силу искрящемуся кристаллу человеческого слова, этой соли земли, озарённой поэтическим прозрением и открытием разума.

Затея изложить содержание книги была бы равносильна попытке уместить горный поток в аквариуме. О. Сулейменов представлен в ней многолико, и простое перечисление его проявлений потребовало бы множества специальных гнёзд: в одном – славист, тюрколог, шумеролог; в другом – историк, лингвист, литературовед, философ; в третьем – этнограф, палеограф, знаток летописей, в четвёртом – поэт, драматург, публицист, в особой графе – гражданин, общественный деятель и т. д. Объединяясь в одной личности, эти грани формируют собеседника ушедших и грядущих времён, воскрешая в памяти образ универсального мозга исторических ситуаций Возрождения.

Проницательно, с большой любовью к великому «Слову о полку Игореве» прочитаны в книге «тёмные» места гениальной поэмы. Меня, как казаха, согревает обнаруженная и обоснованная Сулейменовым причастность тюркского языка XII века к созданию шедевра русской литературы, неоспоримо подтверждающая его подлинную древность.

Но в большей мере восхищает осуществлённое им восстановление первозданной поэтики «Слова», в ряде мест подвергшейся стерилизации под пером позднейших переписчиков и толкователей поэмы. Очищенное от наслоений, «Слово» предстаёт монолитным произведением высокого драматического звучания. Общечеловеческое значение имеет её центральная, как убедительно показывает Сулейменов, нравственная проблема: «свой – неправ». Это редчайший в мировой литературе средних веков случай преодоления этнических пристрастий, пойти на которое мог действительно гениальный художник, любящий свой народ как частицу рода человеческого.

В скальных породах славистики Сулейменов добывает истину, круша на своём пути всё, что стоит на ложных подпорках псевдонаучности и зауженного патриотизма. Но вот его исконное тюркологическое русло выходит на простор безмятежных равнин отечественной тюркологии. Боевой пыл сменяется досадой, язвительный сарказм – горькой иронией, утверждение истины – просвещением. Тяжёлый вздох слышится в признании: «Как хотелось бы начать статью о шумерско-тюркских контактах вот с этой страницы, спокойно, не растекаясь мыслью по грустной современности нашей, но, к сожалению, в тюркологии невозможно решить самый частный вопрос, пока хотя бы не поставлены проблемы самые общие». Ещё вспыхивают гневные молнии в части «Шумер-наме», разя «сапожников» от тюркологии, «молящихся, как буддисты ноге Будды, в тесной колодке индоевропейского сапога», но в целом интонация в корне изменилась. В ней улавливается забота о создании новой тюркологии, подлинно научной, свободной от пожизненного школярства, от расовых и национальных предрассудков.

Намеченный для себя отрезок пути по тюркологической пустыне Сулейменов заставляет валунами шумерской лексики и, проверив их «неувядающей структурой» тюркского слова, высказывает гипотезу о культурном родстве носителей двух языковых систем. Таблица сопоставления шумерско-тюркской лексики, предложенная в книге, представляет собой итог кропотливой, добросовестной работы зрелого лингвиста. Она подтверждает предположение Сулейменова о существовании прототюркских и шумерских племён в составе единого культурного региона во времена, которые в представлении современных тюркологов ассоциируются с колодезной глубиной в безлунную ночь. «Шумер-наме» побуждает мысль к дальнейшим исследованиям «раздражая», озадачивая её множеством

новых вопросов, возникающих при взгляде на сабельный срез толщи неведомых столетий. Сулейменов великолепно демонстрирует плодотворность своего направления, вытягивая из глубины пяти с лишним тысяч лет золотую нить тенгрианства – первой в истории народов монотеистической религии, духовного стержня тюркомонгольских кочевых племён, позволявшего им на долгом историческом пути смотреть сквозь встречавшиеся религиозно-мировоззренческие системы. Кстати, здесь-то и смыкаются сюжетные линии двух частей книги. Сулейменов вспоминает сон великого князя Святослава Всеволодовича из «Слова о полку Игореве», в котором тот видит собственное погребение по тенгрианскому обряду. Неизбежное для совершенной книги композиционное решение состоялось. Встречное свечение её частей озарило атмосферу произведения, обнаруживая его последовательность и логическую завершенность. Активное участие тюркского этноса в культурных контактах с народами евразийского материка оказалось прослеженным на временной дистанции.

Проблемы, поднимаемые Сулейменовым в части «Шумер-наме», в целом носят постановочный характер. Он сам это хорошо понимает и делает оговорку: «Работа над восстановлением биографии тюркских языков, по сути, находится в самом начале своего пути». Характерно внимание Сулейменова к начинающим лингвистам, которым он предлагает решить несколько задач в ключе новой тюркологии. Эти задачи, так же как целый ряд других вычлененных и сформулированных им вопросов, – горсть готовых к буйному восходу зёрен в руке опытного сеятеля. Тюркология «находится в самом начале своего пути». Благословен путь, имеющий такое начало.

Для сборника по эстетике тюркских кочевых племён, подготовленного к печати в Институте философии и права АН КазССР, мне довелось написать статью с анализом аккадского «Эпоса о Гильгамеше». Меня привлекла фигура Энкиду, «в степи рождённого», могучего побратима Гильгамеша, царя «стеной ограждённого» Урука. Внимательное прочтение величайшей древневосточной поэмы не оставляет сомнения в том, что проблема единства и распада миров, кочевья и оседлости является в ней стержневой, а скорбный плач по поводу кончины Энкиду, умерщвлённого богами Урука, – эмоциональным лейтмотивом эпоса. Теперь, после прочтения книги Сулейменова, я вижу возможность сопоставления драматических линий «Слова о полку Игореве» и «Эпоса о Гильгамеше». Аккадский эпос ясно и недвусмысленно осуждает богов Урука в ситуации «свой – неправ». Не только слово, в своей структуре, в своём значении, несёт эстафету времён, но и оформленные им поэтические произведения. В двух литературных шедеврах, между которыми легли тысячелетия, с болью, с художественным прозрением трагических последствий изложена драма распада былого единства.

В «Энкидиаде» духовное оформление проблемы «кочевье – оседлость» рассмотрено на историческом фоне событий, всколыхнувших интеллектуальную жизнь народов евразийского материка в середине I тысячелетия до н. э. Это время, названное К. Ясперсом «осевой эпохой», характеризуется поразительной синхронностью аналогичных, по существу, духовных движений в среде различных народов на огромной территории от Китая до Эллады. Роль кочевых племён в появлении пророков и задумчивых мыслителей, вынужденных определить своё отношение не только к оружию, но и к мировоззрению пришельцев, очевидна. Ситуация формировала характер рождающихся религий и философских систем, оказавших глубочайшее влияние на дальнейший ход истории. Я и сейчас считаю, что внимание тех историков культуры и философии, которые стремятся осмыслить важнейшие этапы становления мировой цивилизации, должно быть привлечено к этой эпохе. Но вижу, вместе с тем, принципиальную правоту Сулейменова, не замыкающегося на ограниченном плацдарме одного

исторического времени, рассматривающего и сам этот плацдарм как часть единого исторического процесса. Понимаю – чтобы рассматривать историю так, как Сулейменов, нужны новые усилия, новые знания, добытые в свободном, неустанном поиске. Это единственный путь, ведущий к подлинному знанию. Убеждён, что все, кому истинно дорог мир мыслящего слова, с появлением книги «Аз и Я» пересмотрят требования, предъявлявшиеся к себе прежде.

«Начался этап подъёма. Мы вспоминаем себя Нами. И от того, будем ли двигать собственные кочки или, калечась, сдирая кожу с ладоней, потянем тяжёлую, колочую, как трос, линию подъёма выше себя, зависит амплитуда твоего духовного взлёта, степь». Этот принцип подъёма, сформулированный Сулейменовым, в условиях современной казахской культуры выпущу степь реализации нашёл в его собственном творчестве.

Неоднократно напоминаемая Сулейменовым необходимость знать исторический космос, в котором существовал и существует тот или иной факт, имеет методологическое значение и для понимания феномена «Олжас Сулейменов».

Мы помним, какое глубокое влияние оказали ещё ранние стихи Сулейменова на становление новой казахской литературы исторического жанра. То было время, когда растущее национальное самосознание остро нуждалось в знании исторической ретроспективы, чтобы яснее видеть перспективу. Популярной для чтения литературой стали художественные и научные произведения, отвечавшие новым запросам. Обращение к истории по форме носило просветительский характер. Но по существу имело гораздо более глубокие следствия, чем простое ознакомление с древнейшей историей предков казахского народа. Принципиальное значение имело то обстоятельство, что преодолёнными оказались рубежи, в которых замыкалась современная казахская художественная мысль в периоды своего младенчества и затянувшегося ученичества. Перейдя черту, она оказалась в чаще новых фактов, осмысление которых требовало от неё самостоятельности. Испытание было не из лёгких. Читателям довелось быть очевидцами того, как титулованная зрелой, реалистической, казахская литература в освоении исторической тематики оказалась вынужденной обратиться к помощи методов, мало совместимых с её высоким, узаконенным литературоведами, статусом – к беллетризированному переложению учебников истории и популярному просветительству с откровенным романтическим привкусом. Пожалуй, только Сулейменов, благодаря мощи своего поэтического таланта, был свободен от типичных недугов той поры.

Тем не менее это движение, поначалу уязвимое, дававшее повод для критических выпадов, было глубоко прогрессивным по своей сути и плодотворным по своим результатам. Оно оказало сильнейшее влияние на различные формы общественного сознания, сумев привлечь их внимание к истории, к её прошлым и современным проблемам. Общение с прошлым мускулирует мозг национальной культуры – теперь мы можем говорить об этом, исходя из собственного опыта, – и готовит его к более точному и глубокому пониманию современной действительности.

Реальный процесс, набирающий силу, даёт основания подвести первые итоги культурного движения 60-х годов, основными из которых, видимо, следует считать: 1) активное отношение к духовной жизни народа, способность видеть в ней процесс, знание и использование его закономерностей; 2) способность выявлять актуальные проблемы развития и осмысливать их самостоятельно; 3) усиление взаимодействия форм общественного сознания, позволившее, в частности, осуществить единство и своеобразие в научном художественном освоении исторического опыта; 4) преодоление локальной замкнутости, выход к темам и проблемам, имеющим общечеловеческое значение, навыки мышления в масштабах крупнейших историко-культурных категорий; 5) умение анализировать существующие пред-

ставления, защищаться и вести полемику в случаях, когда нападкам подвергаются национальные и общечеловеческие ценности.

Книга Сулейменова, являясь наивысшим воплощением этих достижений, стимулирует их дальнейшее развитие.

Книге суждена большая биография. Не только потому, что долго в памяти потомков будут жить великие литературные произведения древности – шумерский эпос, поэзия древнетюркского каганата, «Слово о полку Игореве», в исследовании и новом прочтении которых уже никто не сможет не считаться с коррективами Сулейменова. Ещё остаются борющиеся за своё утверждение национальные культуры и остаётся проблема восстановления подлинного родства народов мира в масштабах единой истории человечества. До тех пор, пока будут давать о себе знать рецидивы спекулятивной исторической «науки», превращающей обзор пройденного народами пути в источник шовинизма и национализма, книга «Аз и Я», в самом названии которой заложено представление о единстве мировой культуры, будет служить чистым, как сигнал боевой трубы, призывом к борьбе с лжепатриотизмом и лженаукой.

1976 г.

ОТ ОБСУЖДЕНИЯ – К ОСУЖДЕНИЮ

ПИСЬМО ЗАМЕСТИТЕЛЯ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР
В. СЕМЁНОВА СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС ТОВ. ЗИМЯНИНУ М. В.

Лично
СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС
товарищу Зимянину М. В.

Уважаемый Михаил Васильевич,

Посылаю Вам книгу О. Сулейменова «Аз и Я», выпущенную в 1975 г. тиражом 60 тыс. экз. издательством «Жазуши» в Алма-Ате. Товарищи обращали внимание на серьёзные политические ошибки, содержащиеся в ней. Действительно, даже при беглом ознакомлении с этим произведением, посвящённом в основном «Слову о полку Игореве», а попутно объяснению исторической роли тюркских народов в средневековой Руси, бросается в глаза антимарксистский подход к событиям прошлого, наряду с откровенным охаиванием советской историографии и лингвистики. Фактически это настоящая вылазка националистического, пантюркистского характера, направленная против линии КПСС в области дальнейшего укрепления дружбы народов и советского патриотизма.

О. Сулейменов пишет, что у него имеются «последователи» среди писателей Казахстана. Возможно, это нацелено на сколачивание диссидентов-националистов. Мне думается, что изменения в соотношении национального и этнического состава населения тех или иных районов, в связи с известным «этнографическим взрывом» в странах Азии и Ближнего Востока, могут создавать для этого некоторую почву извне (учитывая, например, события в Ливане).

В приложении направляю аннотацию на эту книгу, написанную здесь доктором исторических наук т. Соловьёвым О. Ф., который ранее работал старшим советником МИД СССР, а ныне находится на одном из идеологических постов в Международной организации труда в Женеве. Аннотация написана при отсутствии в здешних условиях необходимой отечественной литературы, что приходится принимать во внимание.

С наилучшими пожеланиями, Ваш В. Семёнов
«16» апреля 1976 года, г. Женева

Аннотация
на книгу О. Сулейменова «Аз и Я», Алма-Ата, 1975,
издательство «Жазушы»

В документах и решениях XXV съезда КПСС важное место уделено «утверждению в сознании трудящихся, прежде всего молодого поколения, идей советского патриотизма и социалистического интернационализма». Товарищ Л. И. Брежнев специально отметил, что «изживаются отдельные проявления национализма и шовинизма, факты неклассового подхода к оценке исторических событий, проявления местничества, попытки воспевать патриархальщину».

Казахский поэт О. Сулейменов нередко выступает в качестве специалиста по древней истории России и Востока. Отдельные его статьи печатались в разных журналах. Настоящая книга представляет собой своеобразный сборник таких статей, изложенных более полно и в популярной форме. В основу повествования положены вопросы происхождения и трактовки знаменитого памятника древнерусской письменности «Слово о полку Игореве». Одновременно рассматриваются этногенез и роль тюркских народов.

Взгляды автора коренным образом расходятся с общепризнанными в советской и мировой науке. Они, как правило, не подкреплены сколько-нибудь вескими данными и подчас имеют вид примитивных гипотез. При этом полностью отбрасывается марксистско-ленинская методология анализа исторических событий и принцип партийности. Главным в науке считается скептицизм, сводящийся к высказыванию сомнений по поводу любых установленных истин. Уже во введении Сулейменов подчёркивает: «Имею право ошибаться и признавать, и искать новые решения. Имею возможность высказывать свои суждения по табуированным проблемам». И далее: «От того, как ты прочтёшь, чью точку зрения поддержишь, а чью опровергнешь, не должно зависеть твоё бытование. Ты обязан быть предельно свободным в оценках работ твоих учителей» (стр. 8–9). По словам автора, «самая ценная фигура в науке – скептик. Сохранить его – значит продлить жизнь науке» (стр. 16). Сулейменов не находит нужным скрывать и даже кичится тем, что его духовными учителями являются представители т. н. «скептической школы» в России первой половины XIX в., к которой принадлежали столь отъявленные реакционеры, как Каченовский, Сенковский, Катков.

С таких позиций Сулейменов не только нападает на советскую гуманитарную науку, огульно приписывая ей догматизм, начётничество, боязнь всего нового, яркого и талантливого, но в завуалированной форме протаскивает и взгляды, смыкающиеся со стереотипными утверждениями буржуазной пропаганды. Вот один из типичных примеров: «Ошибка тащит меня, не разбирая дороги, вталкивает в кабинеты, где сидят случайные люди, пришедшие на час, пока наука на обеде» (стр. 192). В книге говорится о «ненаучности историографии», конечно, советской.

По словам автора, «к несчастью, учёные предрассудки нигде так не живучи, как в истории и лингвистике» (стр. 174). Далее им рисуется следующий обобщённый образ советского учёного: «Когда удаётся взглянуть на послужной список великого годами и степенями тюрколога и увидеть несколько статей ровных, серых, как асфальт, написанных к датам и в соавторствах, невольно приходишь к грубому выводу – человек не оправдал своего назначения. Я уже не говорю о предназначении, которого, возможно, и не было. Средством, но не целью была для него наука. Он был изворотлив, вертелся, как варёное яйцо, на полированном столе школы. Я знаю таких светил и отношения к ним скрывать не собираюсь» (стр. 197–198). Из контекста видно, что к подобным «светилам» причисляются и выдающиеся советские учёные, справедливо снискавшие мировую известность, академики Б. Д. Греков, Д. С. Лихачёв, Б. А. Рыбаков и многие другие, не разделяющие концепции автора.

Эти концепции, однако, не отличаются ни новизной, ни оригинальностью. За малым исключением, они в несколько трансформированном виде заимствованы либо у западной буржуазной историографии, либо у пантюркистов. Так, у школы французского профессора Мазона и его эпигона А. А. Зимина Сулейменов взял давно опровергнутый фальсификаторский тезис о том, что «Слово о полку Игореве» не есть памятник XII

века, а представляет собой подделку XVI века. От пантюркистов к нему перешла версия о древности происхождения половцев, кипчаков и других воинственных кочевых народов, будто бы обладавших высокой культурой, включая письменность. Попутно возвеличивается Хазарский каганат, который современные сионисты объявили одной из ветвей древнееврейского государства, якобы отличавшегося исключительно развитой цивилизацией (стр. 162, 175).

Согласно интерпретации автора, которая подкрепляется лишь досужими вымыслами, «Слово», хотя и было написано в XII веке, но благодаря позднейшим исправлениям и искажениям при переписке значительно утратило свой первоначальный вид. «Слово», – заявляет он, – старая, ветшанная картина, изображающая реалии XII века, была реставрирована и подкрашена в XVI. Второй этап реставрации «Слово» пережило в XVIII веке» (стр. 84). Грубо искажая важные итоги многолетних научных изысканий советских и зарубежных ученых, Сулейменов сводит всё дело к тому, будто они лишь выясняли, является ли этот памятник подлинником или подделкой. По его словам, спор скептиков и защитников по сути напоминает «известный диспут Остапа Бендера и Ксэндзов» (стр. 10).

Автор не щадит усилий и для извращения подлинного смысла «Слова». Он обрушивается, прежде всего, на идеи патриотизма, содержащиеся в нем. Ссылаясь на летописи, разумеется, без сноски на источник, Сулейменов пишет, что князя Игоря «вели не патриотические чувства, а непомерное честолюбие», ибо был он корыстолюбивым, вероломным и нечестным человеком (стр. 95). Да и откуда было взяться тогда патриотизму, если и Руси, мол, не существовало, поскольку «русский» – в большинстве случаев обозначало «киевский» (стр. 102). Вообще же, «отдельные русские княжества находились по отношению к Полю как бы в вассальной зависимости» (стр. 142). Об этом, по мнению автора, свидетельствуют и княжеские браки. Удельные князья женились на «принцессах Турандот» (т. е. половчанках) и тем самым якобы расширяли «свои земли в Руси». Оказывается, «браки временно усиливали удельных князей, и это объективно ускоряло процесс объединения Руси» (стр. 149). Трудно предположить, что автору неизвестен подлинный характер династических браков. Они, разумеется, преследовали обычно политические цели, но отнюдь не были свидетельством вассальной зависимости одной из сторон.

В стремлении по-своему переписать историю Сулейменов пытается извратить подлинные отношения между Русью и половцами. Он умалчивает о том, что последние вторглись на исконно русские территории и обосновались там, совершая набеги на своих соседей. Автор же утверждает о провоцировании русскими князьями половцев «на ответные удары». С другой стороны, «половцы приходили на Русь, как правило, по приглашению самих князей» (стр. 112, 113).

Книга явно идеализирует половецких ханов, прежде всего, известного Кончака, приписывая им несуществовавшее миролюбие. Половцев он подобострастно именует не иначе как Подем с большой буквы. Выходит, у русских XII века были слишком тесные «кровные, культурные и политические связи с тюрками. Русь срослась с Подем» (стр. 102). Желая во что бы то ни стало возвеличить кипчаков, автор искусственно преувеличивает их роль в отражении татаро-монгольского нашествия.

Однако всё это представляется Сулейменову недостаточным. И тогда он принимается за более широкие, но столь же научно бездоказательные попытки выпятить значение тюркских народностей в истории мировой цивилизации. Для этого он, прежде всего, устанавливает древность их происхождения посредством примитивных лингвистических сопоставлений отдельных слов ныне живых тюркских языков со словами древних шумеров, живших в первом тысячелетии до нашей эры. Отсюда и вывод о некоторых случаях очевидной «зависимости шумерских лексем от тюркских» (стр. 242). Шумеры были, дескать, пратюрками. Впрочем, к ним бездоказательно причисляются и многие иные азиатские кочевники, включая гуннов.

В книге содержатся и другие подобные «открытия», которые, как и приведённые, не выдерживают научной критики.

О. Ф. Соловьёв

РГАНИ, ф. 5, оп. 68, д. 420

26 ноября 1975 г.

СЕКРЕТНО

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ СССР
ОТДЕЛ ПРОПАГАНДЫ

**ЗАПИСКА ГОСКОМИЗДАТА СССР, АН СССР О СЕРЬЕЗНЫХ
ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ОШИБКАХ, ДОПУЩЕННЫХ В РАБОТЕ
О. СУЛЕЙМЕНОВА «АЗ И Я» (АЛМА-АТА, ИЗ-ВО «ЖАЗУШЫ» 1975 г.)
И СПРАВКИ ОТДЕЛОВ ЦК КПСС ПО ЭТОМУ ВОПРОСУ**

Считаем необходимым проинформировать ЦК КПСС о серьёзных идеологических ошибках, допущенных в книге О. Сулейменова «Аз и Я. Книга благонамеренного читателя». Она вышла в 1975 г. в издательстве Союза писателей Казахской ССР «Жазушы» (15,8 уч.-изд. л., тираж – 60 000 экз.). Автор книги – известный поэт, выпустивший несколько стихотворных сборников в Казахстане и в Москве, секретарь правления Союза писателей республики, лауреат премии Ленинского комсомола, Государственной премии Казахской ССР.

Книга О. Сулейменова представляет собой историко-филологическое исследование некоторых проблем о взаимосвязях русской и тюркской культур в раннем средневековье, в частности, о месте в истории культуры славян и тюрков «Слова о полку Игореве». В связи с этим О. Сулейменов пытается не только дать новое прочтение «Слова», но и пересмотреть уже устоявшиеся в науке концепции об этом выдающемся литературном памятнике. Многие страницы книги написаны эмоционально, увлечённо. Некоторые положения автора представляются оправданными. Так, в книге во многих случаях обоснованно говорится о недооценке в русской дореволюционной историографии, а также в ряде исследований советских авторов культурного наследия тюркоязычных народов, населявших в древности территорию СССР, о постоянном культурном обмене между Русью и «степью», о влиянии тюркской культуры на славянское общество. Автор выступает против характеристики тюркских народов в дореволюционной историографии как «диких», «варварских», «грабительских» и т. п.

Автор справедливо указывает и на недостаточную изученность истории культуры тюркоязычных народов, в частности, тюрков-тенгрианцев, кипчаков, хазар, отмечает важную роль этих народов в системе межгосударственных и культурных контактов прошлого, в противодействии агрессии арабов (хазары, половцы), а позднее татаро-монголов (половцы) в районы Восточной Европы. Автор обоснованно критикует работы некоторых советских историков за идеализацию образа Игоря в «Слове». В этом смысле О. Сулейменов опирается на вывод акад. Б. А. Рыбакова, который в одной из своих последних работ отметил: «Игорь не был борцом за Русскую землю и действовал преимущественно в своих интересах».

Несомненно, прав автор и в оценке характера феодальных распри на Руси в XI–XIII вв., когда место того или иного князя, а также участвовавших в этих расправах половцев определялось не противоборством Руси со «степью», а критериями междоусобной борьбы. Однако, высказав ряд интересных положений о прочтении «тёмных» мест «Слова о полку Игореве», взаимоотношениях культур славян и тюркских народов, О. Сулейменов допустил в то же время серьёзные просчёты и ошибки.

Автор не смог удержаться на позициях той объективности, в отсутствии которой резко упрекает в своём труде советских историков и филологов. Говоря о том, что скепсис является ключом к познанию научной истины, О. Сулейменов поддерживает лишь тех «скептиков», чьи взгляды на русскую историю и культуру давно и основательно были разоблачены советской исторической наукой. Этот ряд «скептиков» автор открывает именами Шлецера и Каченовского, а завершает работами француза А. Мазона и советских историков А. Зимина и Л. Гумилёва. О. Сулейменов оказывается не в состоянии «скептически» взглянуть на творчество этих авторов. Он как будто не замечает, что творчество А. Мазона в области изучения «Слова» давно уже вышло

за пределы науки и стало одним из краеугольных камней буржуазной советологии в её попытках дискредитировать русскую культуру. Поддерживает О. Сулейменов и ошибочные работы А. Зимина, относящиеся к изучению «Слова». Более того, автор допускает глубоко ошибочные оценки развития советской исторической науки вообще. Так, он пишет, касаясь выступления советских учёных против неверных суждений А. Зимина: «Любые попытки изменения всеобщего взгляда на биографию “Слова” вызывают немедленную анафему» (стр. 16). Он критически отзывается о «нравственной атмосфере» в науке, лишённой подобного «скепсиса» (стр. 12). О. Сулейменов пытается провести прямую связь между царской официальной наукой и советской историографией. Так, он утверждает, что Б. Д. Греков в работе «Киевская Русь», стремясь представить Древнюю Русь «государством цивилизованным, обрывает все нити, соединяющие его с Востоком» (стр. 173). Далее автор продолжает: «Научная историография зародилась в России, уже принявшей статут империи. Официальная наука, естественно, не позволяла себе даже намёка на возможность иных взаимоотношений в прошлом народов метрополии и колонии». И делает вывод: «К несчастью, учёные предрассудки нигде так не живучи, как в истории и лингвистике» (стр. 174).

Автор допускает оскорбительные выпады в адрес советской исторической науки, видных советских учёных-академиков Б. Д. Грекова, Б. А. Рыбакова, М. Н. Тихомирова, Д. С. Лихачёва. Без особых на то оснований он стремится пересмотреть творчество русского историка В. Н. Татищева, чьи труды досконально изучены советскими специалистами. Об изучении кипчаков в СССР О. Сулейменов пишет: «Историки наши до сих пор пребывают в состоянии летаргической спячки». Вместе с тем О. Сулейменов обходит молчанием те труды советских историков и филологов, которые посвящены изучению истории и культуры тюркоязычных народов, населявших в древности территорию СССР. По меньшей мере странным выглядит абстрактное рассуждение автора о роли идеологии: «Уничтожив главных соперников, воцарившись, идеология становится верой, потом – обычаем. Она эрозирует, стареет, погрязает в быту, прищипывается... Ей, одряхлевшей, заплывшей жиром власти, бесплотные тени древних врагов необходимы для постоянного самоутверждения» (стр. 27).

Автор пытается без достаточной научной аргументации опровергнуть многие выводы советских исследователей, связанные как с изучением «Слова», так и древнерусской истории в целом. Он, в частности, заявляет, будто земледелие на Руси утвердилось лишь в XIV в. (стр. 157), что ставит под сомнение всю исследовательскую работу советских учёных относительно экономического развития Древней Руси.

Справедливо выдвигая вопрос о более глубоком и всестороннем изучении культуры тюркоязычных народов, О. Сулейменов впадает в крайность, стремясь представить эту культуру чуть ли не основополагающей для всего славянского мира. Оказывается, половцы «в течение двух веков прикрывали Русь с юга и востока» (стр. 163). Одну из гипотез об основании Киева автор выдаёт за доказанный факт, утверждая, что город был основан хазарами. В книге усиленно подчёркивается, что культура славян была «предельно насыщена ароматом степного этноса» (стр. 187), что она была двуязычной (стр. 182). Русь, по мнению автора, находилась в полной зависимости от «степи», а тюркские подразделения были «основной ударной силой воинства многих уделов на Руси» (стр. 178, 183), «русские княжества находились по отношению к Полю как в вассальной зависимости» (стр. 142); половцы принесли на Русь «новую мораль» (стр. 163).

«Слово о полку Игореве», по утверждению О. Сулейменова, было написано частично на половецком языке, который в XII веке играл для Руси ту же роль, что французский в XVIII–XIX вв. (стр. 182–183). С явным удовольствием поддерживает автор мнение одного историка о том, что «ордынцы, пришедшие в Юго-восточную или Среднюю Европу, оказывались людьми высшей культуры в сравнении с туземцами» (стр. 180).

Во второй части своей книги О. Сулейменов пытается обосновать тезис об особой роли тюркских народов в истории человечества. Автор негативно оценивает и современную советскую историческую школу, и сотрудничество тюркологов, работающих в республиках Средней Азии с русскими советскими учёными. Первые, пишет он, «не могут удержать свои портки без помочей преданного ученичества, и без конца глухо и слепо повторяют оскорбительные истины благообразных учителей своих».

О. Сулейменов явно не случайно пересказывает слова П. Валери об истории, которая, выражая интересы господствующих в мире наций, дискредитировала себя в глазах ранее угнетённых народов, ибо «слишком долго была прислужницей политики, источником шовинизма и национализма» (стр. 184). По мнению автора, у историков больших наций «неистребимо стремление посмотреть на брата своего сверху вниз» (стр. 188). В отдельных частях книги раздражение против «учителей», стремление во что бы то ни стало выпятить тюркскую культуру приобретает чётко выраженный политический характер и распространяется автором на современные взаимоотношения советских народов: «Летописи войны питают живым огнём наши сегодняшние чувства, обращая их в ненависть», «Иго проклятого прошлого продолжается – мутит души, отравляет сознание», «Смешны попытки иных блюстителей чистоты культуры избавиться от “варварских наносов” – вырубить все частицы меди из бронзы», «Одна война допустима – война поэзии с лжеисторией» и т. д. (стр. 186–189).

Подобные рассуждения наносят существенный ущерб делу укрепления дружбы советских народов, являют собой пример националистического подхода к истории, возбуждают шовинистические настроения.

Справедливо говоря о некоторых односторонних оценках личности Игоря в «Слове», О. Сулейменов ставит под сомнение саму трактовку памятника как древнего патриотического эпоса и пытается утверждать, что патриотизм несовместим с объективным научным исследованием. Он говорит о «насилии патриотического подхода» (стр. 16), «о болоте» патриотических научных произведений (стр. 12). Любая попытка действительно научной трактовки памятника со стороны дореволюционных русских и советских учёных как произведения народно-патриотического оценивается автором иронически. Эти труды обвиняются в «квасном патриотизме».

«Если бы математика и физика, – пишет О. Сулейменов, – испытали такое насилие патриотического подхода, человечество и сейчас каталось бы на телеге» (стр. 16). Упрёк в этом смысле не избежал и К. Маркс, писавший, что «Суть поэмы – призывы русских князей к единению как раз перед нашествием собственно монгольских полчищ» (Соч., т. 29, стр. 16). Это положение О. Сулейменов расценивает как буквализм. Первый раз это делается словами Л. Гумилёва (стр. 85), затем он более пространно говорит, что «сложная диалектика идейного содержания памятника ординарным прочтением упрощена и сведена к прямолинейному стереотипу – призыв объединиться перед лицом варварской степи. Используя этот вывод как универсальную отмычку, иные толкователи пытаются взломать железные ворота, ведущие в мир честного “Слова”» (стр. 110). Суждения К. Маркса, таким образом, сравниваются с отмычкой.

Кратко и своевольно изложив историю «Слова», О. Сулейменов заявляет, что описываемые в «Слове» события «воспитанию патриотизма ... не способствовали и, следовательно, были бесполезны; если не вредны» (стр. 23).

Автор без каких-либо доказательств утверждает, что «в последние десятилетия советская “славистика” находится в состоянии динамичной статики, природа которой не в самой науке, а возле неё» (стр. 15). И главная причина неудач, по мнению О. Сулейменова, – патриотизм защитников подлинности «Слова»: «За два века ораторства в библиографии по “Слову” накопилась не одна сотня названий, в которых, как в болоте, буксуют одни и те же аргументы, не всегда научные, но всегда патриотические» (стр. 17). Несостоятельность этого высказывания очевидна. Патриотический подход учёного к оценке того или иного памятника древности не только не противоречит его научному пониманию, а напротив содействует выявлению истинно народных демократических тенденций, в русле которых этот памятник создавался.

Вызывают возражения многие положения последнего раздела книги О. Сулейменова «Роса и раса», в котором автор рассуждает о величии древнееврейской культуры, о заимствовании христианами древнееврейских слов и выражений, о глубокомыслии семитских знаков, к восприятию которых не были готовы «славянские общества». Здесь мы снова видим субъективистский подход к взаимодействию культур разных народов, их противопоставление друг другу.

Таким образом, автор скатывается к проповеди национальной исключительности тюркских народов, демонстрируя пренебрежительное отношение к другим наро-

дам, в частности, к славянам и величайшему памятнику их культуры «Слову о полку Игореве», 175-летие издания которого недавно отметила советская многонациональная общественность.

Известно, что идеологи современного империализма, теоретики антикоммунизма и антисоветизма особое внимание обращают на развитие националистических чувств у народов Советского Союза, стремятся использовать любые проявления национализма. В этой связи книгой О. Сулейменова могут заинтересоваться различные антисоветские центры за рубежом, которые «доказывают», что национальный вопрос в СССР решён неправильно и что у нас проводится «ассимиляторская политика».

Следует обратить внимание на то, что после выхода книги в свет некоторые центральные и республиканские печатные органы поспешили выступить с положительными рецензиями на неё. Вместо объективного и всестороннего анализа работы О. Сулейменова, в них дана поверхностная апологетическая оценка книги. Так, газета «Комсомольская правда» от 9 октября 1975 г. опубликовала обширное интервью с поэтом (автор В. Злобин), которое, по существу, носит рекламный характер; республиканские газеты «Ленинская смена» от 9 июля 1975 г. (авторы рецензии тт. Зуева и Штейнград), «Вечерняя Алма-Ата» от 14 июля 1975 г. (автор рецензии т. Джукебаев), журнал «Простор» № 10 (автор рецензии т. Владимиров) также выступили с откликами, носящими в основном положительный характер. Кроме того, книга получила одобрение в отдельных выступлениях участников Пленума Союза писателей Казахстана, который состоялся 16 октября с. г.

Госкомиздат СССР указал Госкомиздату Казахской ССР на недостаточный контроль за идейно-политическим содержанием издаваемой в республике литературы, в том числе ведомственными издательствами. Госкомиздатом принимаются меры по улучшению рецензирования и редактирования книг по проблемам истории культуры народов СССР как в республиканских, так и центральных издательствах.

Докладываем в порядке информации.

Председатель
Госкомиздата СССР

Б. И. Стукалин

26 ноября 1975 г.
№354/18

24 марта 1976 г.

АРАН, ф. 457, оп. 1, д. 674

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
121019, Москва, Г-19, Волхонка, 18/2, тел. 202-66-25

24.03.1976 №14400-243-106

ЦК КПСС

Направляем докладную записку об итогах обсуждения книги О. Сулейменова «Аз и Я» на совместном заседании Бюро Отделения литературы и языка и Бюро Отделения истории АН СССР 18 февраля 1976 г.

И. о. академика-секретаря
Отделения литературы
и языка АН СССР
член-корреспондент АН СССР
Г. В. Степанов

Академик-секретарь
Отделения истории
АН СССР
академик
Е. М. Жуков

Докладная записка

об итогах обсуждения книги О. Сулейменова «Аз и Я» (Алма-Ата, изд-во «Жазушы», 1975) на совместном заседании Бюро Отделения литературы и языка и Бюро Отделения истории СН СССР 13 февраля 1976 г.

Присутствовали: академик-секретарь Отделения истории АН СССР академик Е. М. Жуков, и. о. академика-секретаря Отделения литературы и языка член-корреспондент АН СССР Г. В. Степанов, академики А. Н. Кононов, А. Л. Нарочницкий, Б. А. Рыбаков, Л. В. Черепнин, академик АН Казахской ССР А. Н. Нусупбеков, члены-корреспонденты АН СССР О. Н. Трубачев, В. Г. Трухановский, Ф. П. Филин. Кроме того, на заседании присутствовали учёные из различных научно-исследовательских институтов АН СССР и вузов, а также представители Союза писателей, редакколлегии журналов и издательств – всего 41 человек. На обсуждении выступили 17 человек.

Книга О. Сулейменова состоит из двух частей. В первой части автор пытается по-своему истолковать происхождение, идейное содержание и смысл величайшего памятника древней Руси «Слова о полку Игореве», во второй – по-новому объяснить некоторые факты истории языка шумеров, народа, жившего 5 тыс. лет тому назад в Южной Месопотамии.

Соединение в одной книге столь различных вещей, как памятник славянской культуры XII века и историко-языковые факты 5-тысячелетней давности потребовалось автору для решения наиболее общей из поставленных им задач: осветить **роль тюркских племён и народов** (в том числе и современных казахов) в мировой истории и культуре. Другую задачу автор видел в том, чтобы, пересмотрев сложившиеся в русской и советской науке представления о «Слове о полку Игореве» как о памятнике патристическом, отражающем в художественной форме определенный этап русской и – шире – славянской истории, обосновать собственную, противоположную точку зрения на **характер взаимоотношений славян и тюрков**. Обе эти задачи – по существу, научные, а потому и постановка их и – главное – способы их решения требовали оценки с научной точки зрения. С этой целью и было организовано обсуждение книги, в котором приняли участие крупные учёные: историки, литературоведы, языковеды.

По мнению специалистов, в книге имеется ряд положительных моментов. Автор правильно обратил внимание на то, что в истории славян и тюрков (в частности, русских и половцев), в освещении феодальных распрей и междоусобиц, в толковании «Слова о полку Игореве» (в частности, в толковании образа князя Игоря) есть ещё вопросы, требующие углубленного изучения. Некоторые суждения автора, касающиеся частных фактов истории, представляются оправданными. Разбор ряда «тёмных», ещё нерасшифрованных мест поэмы, предложенный О. Сулейменовым, заслуживает внимания. В книге приводятся некоторые интересные факты и соображения.

Однако вместе с тем в книге содержится ряд серьёзных недостатков и ошибок, которые не только не помогают решить поставленные задачи, но запутывают их и вводят читателей в заблуждение.

Главная ошибка т. О. Сулейменова состоит в **выборе неправильного метода** изучения и освещения обсуждаемых вопросов. Сложность задач исторического, идеологического, политического характера требовала от автора чёткой марксистско-ленинской базы и классового подхода к разбираемым явлениям. Однако т. О. Сулейменов взял на вооружение принцип скептицизма. («В этих условиях самая ценная фигура в науке – скептик» – пишет он на стр.16.) На деле этот принцип означает пропаганду сомнения, колебаний, недоверия к тому, что достигнуто русской и советской наукой в изучении «Слова о полку Игореве» и истории отношений славянских и тюркских народов.

Неверно выбранная общая позиция автора и отсутствие классового подхода приводят его к **ошибкам теоретического характера**, особенно ярко проявившихся в непонимании того факта, что патриотизм и интернационализм – диалектически свя-

занные понятия, что национальное самосознание народа не имеет ничего общего и с национализмом, ни с т. н. «казённым (т.е. шовинистическим) патриотизмом». По Сулейменову же получается так, что если русские и советские учёные на основании веских доводов считают «Слово о полку Игореве» памятником патриотическим, то они будто бы искажают или замалчивают подлинную историю, перестают быть интернационалистами, становятся «казёнными патриотами». «С ростом национального самосознания, – пишет автор на стр. 11, – наука нередко становится на службу казённому патриотизму, тогда историография начинает отходить от истории. Факты или неверно освещаются, или фальсифицируются в угоду возникающему на прошлое взгляду». По мнению автора, патриотический подход к «Слову о полку Игореве» сыграл не положительную, а отрицательную роль в трактовке этого народно-патриотического произведение: «За два века ораторства в библиографии по «Слову» накопилась не одна сотня названий, в которых, как в болоте, буксуют одни и те же аргументы не всегда научные, но всегда патриотические» – пишет О. Сулейменов на стр. 17. С таким противопоставлением научного подхода и патриотического подхода (как якобы ненаучного) нельзя согласиться, как нельзя согласиться и с тем, будто патриотический подход является помехов в любой науке: «Если бы математика и физика испытали такое насилие патриотического подхода, – пишет автор на стр. 18, – человечество и сейчас каталось бы на телеге».

Ополчаясь против патриотизма русских и советских исследователей «Слова о полку Игореве» (таких, как автор «Истории Российской» В. Н. Татищев, академики Б. Д. Греков, Б. А. Рыбаков, Д. С. Лихачёв и др.), О. Сулейменов игнорирует тот факт, что патриотическое чувство – один из величайших двигателей прогресса в науке, и не понимает, что интернационализм не только не отменяет патриотизма, но является источником всякого подлинного патриотизма.

Объявляя себя «новатором в науке», автор в сенсационном духе ведёт спор с так называемыми «догматиками», к которым он причисляет почти всех крупных русских и советских учёных, занимавшихся «Словом о полку Игореве» и историей взаимоотношений славян и тюрков. Трактовка О. Сулейменовым идейного содержания, социально-исторического смысла «Слова о полку Игореве» явно ошибочна и резко противоречит оценке, данной К. Марксом, который писал: «Суть поэмы – призыв русских князей к единению как раз перед нашествием собственно монгольских полчищ» (Соч., т. 29, стр. 16). Советские историки и филологи взяли на вооружение этот тезис Маркса и руководствуются им в своих конкретных исследованиях «Слова» и его оценке. Похоже, что О. Сулейменову неизвестно это ёмкое, точное и глубоко историческое определение «сути поэмы», иначе он вряд ли позволил бы себе легковесно утверждать, полемизируя с советскими учёными, нечто совершенно противоположное: «Сложная диалектика идейного содержания памятника ординарным прочтением упрощена и сведена к прямолинейному стереотипу – призыв объединиться перед лицом варварской стихии» (стр. 111). Полемика ведётся автором в недопустимом тоне. Так, например, деятельность знаменитого историка В. Н. Татищева квалифицируется как деятельность русского интеллигента, почувствовавшего обиду за «подлое прошлое» своего народа (стр. 98), древнерусские учёные-книжники сравниваются с «бездарными капельмейстерами духовых оркестров» (стр. 24), научные выводы акад. Б. А. Рыбакова о вкладе Древней Руси в мировую культуру и историю автор пренебрежительно называет хвалебными «тостами». Обращая внимание на эту сторону обсуждаемой книги, вице-президент АН Каз.ССР А. Н. Нусупбеков имел все основания сказать: «Поражает высокомерное, с позиции абсолютного скептика, отношение к взглядам видных учёных, ... отдавших десятки лет подвижнического труда для изучения «Слова о полку Игореве» и его эпохи».

Смешивая патриотизм с национализмом, автор **искажает исторические факты**, что проявилось в тенденциозном преувеличении роли тюркских народов и в ничем не оправданном принижении роли Руси и русских в развитии мировой культуры и истории.

Произвольно и субъективно переименовая хорошо известные в науке факты и оценки, автор вопреки истине утверждает, например, что «Киев ... основали хазарь» (стр. 176), что будто бы только благодаря тюркскому племени кипчаков, а не собствен-

ному героическому сопротивлению славяне были спасены от орд Чингис-хана, что в большинстве случаев опустошительные набеги тюрков на славянские земли были спровоцированы самими славянами и т.д. и т.п.

Огульно реабилитируя набеги тюрков (кипчаки, половцы) на Русь, автор приписывает предкам русского народа комплекс национальной неполноценности (стр. 187), подчёркивает его невежество, доверчивость и робость (стр. 188), определяет его прошлое как «подлое» (стр. 98) и т. д. Давая оценку подобного рода высказываниям, акад. Б. А. Рыбаков сказал: «Здесь в ряде случаев мы явно чувствуем антирусскую направленность. Да автор, по-моему, этого особенно и не скрывает и смело идёт в открытую в данном вопросе. Он издевается над патристической наукой».

В русской и советской науке всегда хорошо понимали значение контактов восточных славян, а позднее русских, с тюркскими народами, и стремление О. Сулейменова «Возвысить тех, кого русские никогда не унижали, а тем более русские учёные», – как выразился акад. А. Н. Кононов, – не имеет под собой никаких оснований, ни научных, ни тем более политических. О. Сулейменов придерживается другой точки зрения. По его мнению, в науке, где «все весы перекошены», и поныне будто бы принижается национальное достоинство отдельных народов СССР и живёт неистребимое «стремление посмотреть на брата своего сверху вниз». Подобная тенденциозность сквозит и в оценке взаимоотношений советских народов в таком, например, высказывании автора: «Иго проклятого прошлого продолжается – мутит души, отравляет сознание... Летописи Войны питают живым огнём наши сегодняшние чувства, обращая их в ненависть» (стр. 188).

Для доказательства своих положений, претендующих на научность, автор привлекает данные славянских, тюркских, шумерского языков, материалы исторические и литературные, проявив при этом **либо неумение оперировать фактами, либо невежество**.

На обсуждении книги и в письменных отзывах на неё учёные справедливо отмечали политическую неуместность использования автором – без всяких объяснений и оценок – чуждой нам, интернационалистам, фразеологии и символики в отношении «исторической миссии» еврейского народа, который называется то «Главным народом», то «избранным народом во вселенной», (стр. 290, 295), чья судьба является особенно «многогранной» (стр. 288) и т. д.

Таким образом, обсуждение показало, что книга О. Сулейменова, несмотря на некоторые положительные моменты, в научном отношении несостоятельна, а в идейно-теоретическом плане ошибочна. В связи с тем, что книга, к сожалению, выпущена большим тиражом (сначала изд-во выпустило 60 тыс. экземпляров, а затем ещё 100 тыс. экземпляров) членами Бюро Отделения литературы и языка и Бюро Отделения истории АН СССР было принято решение: «Опубликовать материалы состоявшегося обсуждения в академических журналах – “Известия АН СССР. Серия литературы и языка”, “Вопросы истории” и “Вопросы литературы”, что будет способствовать правильной оценке книги как у нас в стране, так и за рубежом».

Сообщаем в порядке информации.

И. о. академика-секретаря
Отделения литературы
и языка АН СССР
член-корреспондент АН СССР академик
Е. М. Жуков

Академик-секретарь
Отделения истории
АН СССР
Г. В. Степанов

АП РК, ф. 708, оп. 139, д. 1394 рсч., л. 65-67.

17 июня 1976 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК КОМПАРТИИ КАЗАХСТАНА

О КНИГЕ О. СУЛЕЙМЕНОВА «АЗ И Я»

(тт. Плотников, Нусупбеков, Толмачев, Коркин, Лященко, Жумабаев, Джандосов, Сулейменов, Елеукинов, Имашев, Кунаев)

ЦК Компартии Казахстана отмечает, что издательство «Жазушы» (директор издательства т. Жумабаев А.), Госкомиздат Казахской ССР (т. Елеукинов Ш.) допустили безответственность, издав книгу О. Сулейменова «Аз и Я», содержащую серьёзные идеологические и методологические ошибки. По заключению ведущих советских учёных, в этой книге с внеклассовых, ненаучных позиций рассматриваются некоторые историко-филологические проблемы, вопросы взаимосвязей русской и тюркской культур, место тюркских народов в истории мировой культуры, предпринимаются попытки заново истолковывать содержание «Слова о полку Игореве», опровергнуть принятые в науке представления об этом выдающемся литературном памятнике. Контакты между славянами и тюрками в период Киевской Руси, история взаимоотношений тюркских племён с другими сопредельными народами рассматриваются односторонне, с крайне объективистских позиций. Необоснованному сомнению подвергаются многие выводы советской науки, связанные с изучением «Слова о полку Игореве». Преувеличивается роль семитов в распространении культуры, в искажённом виде освещаются важные вопросы взаимодействия культур разных народов. Ошибочные выводы, содержащиеся в ней, наносят ущерб делу интернационального воспитания. В книге имеется много фактических неточностей, научно несостоятельных выводов, допускаются оскорбительные выпады в адрес советских учёных.

Всё это стало возможным в результате отсутствия должного контроля со стороны Госкомиздата Казахской ССР за деятельностью издательства «Жазушы», принижения требовательности за идейно-художественный уровень выпускаемых книг. По вине издательства рукопись книги «Аз и Я» не была прорецензирована компетентными специалистами. Автору не оказана необходимая помощь в подготовке книги к печати.

ЦК Компартии Казахстана постановляет:

1. Осудить ошибки идеологического и методологического характера, допущенные О. Сулейменовым в книге «Аз и Я».
2. За безответственное отношение к выпуску книги О. Сулейменова «Аз и Я» директору издательства «Жазушы» т. Жумабаеву А. объявить строгий выговор.
3. Бывшему заместителю главного редактора издательства т. Толмачеву Г. И., непосредственно занимавшемуся подготовкой к изданию книги «Аз и Я», и за проявленную при этом безответственность – объявить строгий выговор с занесением в учётную карточку.
4. Указать председателю Госкомиздата Казахской ССР т. Елеукинову Ш. Р. на то, что им не были приняты необходимые меры по предотвращению публикации книги О. Сулейменова «Аз и Я».
5. Принять к сведению заявление члена КПСС О. Сулейменова, что он признает допущенные в книге «Аз и Я» серьезные ошибки и выступит с признанием их в печати.
6. Потребовать от Госкомиздата республики (т. Елеукинов Ш. Р.), от руководителей издательств обеспечить безусловное выполнение постановления ЦК КПСС «О повышении ответственности руководителей печати, радио и телевидения, кинематографии, учреждений культуры и искусства за идейно-политический уровень публикуемых материалов и репертуара».
7. Поручить редакциям газет «Социалистик Казахстан» и «Казахстанская правда» опубликовать материалы, содержащие принципиальный разбор ошибок, допущенных в книге О. Сулейменова «Аз и Я».

РГАНИ, ф. 5, оп. 68, д. 420, л. 11

22 июля 1976 г.

СЕКРЕТНО

ЦК КПСС

О КНИГЕ О. СУЛЕЙМЕНОВА «АЗ И Я»

Государственный комитет Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли (т. Стукалин), Академия наук СССР (тт. Степанов, Жуков) докладывают о серьёзных идеологических ошибках, допущенных в работе О. Сулейменова «Аз и Я».

Книга выпущена в 1975 году издательством Союза писателей Казахской ССР «Жазушы» («Писатель») на русском языке тиражом 60 тыс. экз. Её автор – известный поэт, опубликовавший несколько сборников в Казахстане и Москве, секретарь правления Союза писателей республики.

По поручению Отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС состоялось обсуждение книги на совместном заседании Бюро отделения литературы и языка и Бюро отделения истории Академии наук СССР. В нем приняли участие академики, члены-корреспонденты АН СССР, крупные специалисты в области истории, литературоведения и языкознания. На заседание были приглашены автор книги, вице-президент АН Казахской ССР, зав. отделом науки и учебных заведений ЦК КП Казахстана, представитель издательства «Жазушы». Выступавшие единодушно отмечали, что книга О. Сулейменова, несмотря на некоторые положительные моменты, в научном отношении несостоятельна, а в идейно-теоретическом плане ошибочна. Острой критике были подвергнуты высказывания автора, направленные против патриотизма, его утверждения, что патриотические концепции несовместимы с объективным изучением истории. Говорилось о том, что отдельные выдвинутые автором положения не способствуют укреплению дружбы советских народов. Материалы обсуждения будут опубликованы в журнале «Вопросы истории» № 9 1976 г. С материалами обсуждения, записками Госкомиздата СССР и Академии наук СССР были ознакомлены руководящие работники ЦК Компартии Казахстана.

Бюро ЦК Компартии Казахстана 17 июня 1976 года рассмотрело данный вопрос и приняло постановление «О книге О. Сулейменова «Аз и Я»». В постановлении отмечается, что книга содержит серьёзные идеологические и методологические ошибки. В ней с внеклассовых, ненаучных позиций рассматриваются некоторые историко-филологические проблемы, вопросы взаимосвязей русской и тюркской культур, место тюркских народов в истории мировой культуры, предпринимаются попытки заново истолковать «Слово о полку Игореве», опровергнуть принятые в науке представления об этом выдающемся литературном памятнике. **Контакты между славянами и тюрками в период Киевской Руси, история взаимоотношений тюркских племён с другими сопредельными народами рассматриваются односторонне, с крайне объективистских позиций.** Необоснованному сомнению подвергаются многие выводы советской науки. В искажённом виде освещаются важные вопросы взаимодействия культур разных народов. Ошибочные выводы, содержащиеся в книге, наносят ущерб делу интернационального воспитания. В ней имеется много фактических неточностей, научно несостоятельных выводов, допускаются оскорбительные выпады в адрес советских учёных.

ЦК Компартии Казахстана осудил ошибки идеологического и методологического характера, допущенные О. Сулейменовым в книге «Аз и Я». На лиц, ответственных за её выпуск, наложены партийные взыскания. Редакция республиканских газет поручено опубликовать материалы, содержащие принципиальный разбор ошибок, допущенных в книге. Было также принято к сведению заявление т. О. Сулейменова, что он признает допущенные им серьёзные ошибки и выступит по этому поводу в печати. Отделы пропаганды, науки и учебных заведений, культуры ЦК КПСС счи-

тают решение, принятое ЦК Компартии Казахстана, правильным. Докладываем в порядке информации.

Зам. зав. Отделом
пропаганды ЦК КПСС
(Г. Смирнов)

Зав. Отделом науки
и учебных заведений
ЦК КПСС
(С. Трапезников)

Зав. Отделом культуры
ЦК КПСС
(В. Шауро)

22 июля 1976 г.

Редакция газеты «Казахстанская правда»

ВЫСОКАЯ ИДЕЙНОСТЬ – ГЛАВНЫЙ КРИТЕРИЙ

19 марта 1977 г.

Важнейшим результатом героического пути, пройденного за шесть десятилетий нашей страной – родиной Великого Октября, явилось построение общества развитого социализма. Возникла новая историческая общность людей – советский народ, выковался подлинно братский, нерасторжимый союз народов и наций, сформировался советский человек – горячий патриот и убеждённый интернационалист.

«Утверждение в сознании трудящихся, прежде всего молодого поколения, идей советского патриотизма и социалистического интернационализма, гордости за Страну Советов, за нашу Родину, готовности встать на защиту завоеваний социализма было и остаётся одной из важнейших задач партии», – говорил Л. И. Брежнев в докладе на XXV съезде КПСС.

Известно, какую огромную роль в воспитании советского патриотизма, социалистического интернационализма играют литература и искусство. В общем русле многонациональной советской культуры успешно развивается и казахская литература. Верные принципам социалистического реализма, казахские литераторы создали немало произведений, отличающихся высокой идейностью и художественным мастерством, поднимающих важные проблемы истории и современности.

Большое значение для художественной практики, верного осмысления творческого наследия прошлого, его непростых связей с современностью имеют глубокие научные исследования истории культуры, изучение с марксистско-ленинских позиций закономерностей социального и духовного развития народов, благотворного процесса взаимовлияния и взаимообогащения национальных культур.

Свою лепту в эти исследования вносят и учёные республики, изучающие этот сложный процесс с конкретно-исторических позиций, в правильном ключе ленинских положений о партийности литературы, ведущие наступательную борьбу против объективистских оценок и нигилизма, проповедуемых нашими идеологическими противниками. За последние годы издательствами республики выпущено немало книг, обобщающих богатый опыт развития социалистической по содержанию, национальной по форме культуры казахского народа, осуществление ленинских идей культурной революции в Казахстане, проблемы развития интернациональных взаимосвязей культуры. Эти вопросы нашли своё освещение в «Истории Казахской ССР», в трёхтомной «Истории казахской литературы», во многих монографических работах учёных республики.

Коммунистическая партийность, как выражение осознанной идейно-эстетической позиции, должна определять основу любого исследования по проблемам культуры. Только принципиальный, компетентный подход к издаваемой рукописи, независимо от того, кому она принадлежит, может оградить читателя от литературного брака. Нарушение этого принципа оборачивается появлением в свет неполноценных произведений. Именно так были допущены серьёзные идеологические и методологические ошибки в книге известного поэта Олжаса Сулейменова «Аз и Я», выпущенной издательством «Жазушы».

Названная книга содержит отдельные положения, заслуживающие внимания. Вместе с тем ни издательство, ни автор не проявили достаточной ответственности к

выпуску этого труда. Книга увидела свет без необходимой научной редакции и должного обсуждения среди специалистов. В работе с внеклассовых, ненаучных позиций рассматриваются некоторые историко-филологические проблемы, вопросы взаимосвязей русской и тюркских культур, место тюркских народов в истории мировой культуры, предпринимаются попытки опровергнуть принятые в науке представления о «Слове о полку Игореве».

Подойдя к «Слову» как к поэтическому произведению, отдавая должное его художественным достоинствам, О. Сулейменов обращает внимание на тюркизмы в тексте «Слова» и на основе их толкования предлагает своё прочтение отдельных «спорных» мест в памятнике. Предлагаемые им некоторые варианты, к сожалению, построены на догадках, иногда и любопытных, однако научно несостоятельных.

Ничем не оправдана претенциозная попытка О. Сулейменова пересмотреть идейное содержание «Слова о полку Игореве», которое в течение двух столетий единодушно определялось как патриотический призыв к объединению русских земель. Суть этого памятника, по общеизвестному высказыванию К. Маркса, – «призыв русских князей к единению как раз перед нашествием, собственно, монгольских полчищ».

Нельзя согласиться с ненаучным утверждением автора «Аз и Я» о том, что идея объединения привнесена в «Слово» позднее, так как в XII веке такой идеи якобы не могло существовать, что в поход Игоря «вели не патриотические чувства, а непомерное честолюбие», что «до XIV века русские не вели общенародных, национальных (с известной поправкой) войн» и т.п. Автор «Слова» создал не хронику похода, а поэтическое произведение, в котором князь Игорь выступает не просто реальным историческим лицом, а как литературный герой. Говоря о «Слове», О. Сулейменов не раз подчёркивает его поэтический жанр, нередко прибегает к доказательству ссылками на поэтический характер повествования, но при анализе идейного содержания смотрит на памятник уже не глазами поэта, утверждая, что Игорю некоторыми учёными «приписываются чувства и мысли, ему не свойственные». Попытка «побить» художественный образ его реальным прототипом, пренебрежительное отношение к известным трудам советских учёных по истории русской материальной и духовной культуры X-XVI веков, прежде всего, посвящённым «Слову о полку Игореве», не делает Олжасу Сулейменову чести ни как исследователю и ни как поэту.

Чтобы оправдать своё «особое мнение», ему понадобилось ввести зловещие фигуры переписчиков XVI и XVIII веков, которые, по его утверждению, «покрыли цветной штукатуркой древнюю фреску» и «небезуспешно придали достаточно патриотический характер в духе своего времени». Но предлагаемая им «методология» реставрации памятника ничуть не лучше позиции тех, кто сомневался в подлинности «Слова», ибо она вместе со «слоем штукатурки» напрочь отбрасывает идейно-патриотический замысел поэмы.

В книге немало некритических ссылок на источники сомнительного свойства, ошибочных положений, справедливо отвергнутых в своё время.

Следует отметить неправомерность авторских суждений о так называемом «избранном народе во Вселенной» – иудеях – реакционное содержание этого антинаучного тезиса общеизвестно.

Книга «Аз и Я» написана и выпущена в свет без чувства ответственности перед историческими фактами и взыскательным читателем. Научно несостоятельные, ошибочные выводы, содержащиеся в ней, не способствуют делу интернационального воспитания, говорят о проявленном автором несерьёзном, дилетантском подходе к весьма важным темам, требующим не только всестороннего осмысления, но и большого научного знания.

Издательство «Жазушь» проявило ничем не оправданную поспешность, выпустив в свет недоброкачественную в идейном и научном отношении книгу. Об этом справедливо говорилось в печати и при обсуждении этой книги на совместном заседании Бюро Отделения литературы и языка и Отделения истории Академии наук СССР.

Повышение научного и идейно-художественного уровня выпускаемой литературы – первостепенная задача как авторов, так и издателей. В тесном содружестве они обязаны добиваться органического сплава высокой идейности, подлинной художественности и научной полноценности выпускаемой литературы.

Олжас СУЛЕЙМЕНОВ,

поэт, заместитель председателя

Комитета по связям с писателями стран Азии и Африки

КОЧЕВНИКИ И КУЛЬТУРА: КАЗАХСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Вестник ЮНЕСКО, ноябрь 1977 г.

Я родился и живу в Алма-Ате. Алма-Ата насчитывает в настоящее время свыше миллиона жителей; её территория в 10 раз менее обширна, чем территория Парижа. Это приятный и очень красивый город, где природа ещё не уничтожена. Белокаменные дома, тенистые улицы, как аллеи. Ночью шёпот листвы тополей, баюкающий плеск воды в арыках. Утром в окне видишь зеленые горы, верхушки которых покрыты вечными снегами. Воздух полон щебетания ласточек и воркования голубей. Сады не огорожены. Сады повсюду – вдоль улиц растут абрикосовые деревья и яблони, яблони, яблони...

Он вырос незаметно, мой город, вместе со мной. Ещё 30 лет назад это был только сад, где скрывалось какое-то количество саманных и деревянных домишек.

Мои предки с материнской стороны были саманщиками. Много домов в Алма-Ате построено их руками. Бадельбаевы, можно сказать, живут в Алма-Ате с первого дня её истории. Не раз город разрушался землетрясениями, уносился наводнениями, но упорно отстраивался на том же месте. Строителям всегда хватает работы. История Алма-Аты многоэтажна: культурные пласты перемешались со слоями песка и камня. Когда копают грунт, чтобы поставить фундаменты больших домов, рабочие находят следы материальной культуры далёких веков.

Вазы в пепле X века, затем пласт бесплодной земли: город был разрушен, сожжён, и затем десятки и десятки лет ни одной живой вещи. Затем вновь появились кирпичи, звенья глиняных водопроводов, жернова ручных мельниц, ожерелья, затем слой гравия, смешанный с лессом... Эпохи оседлого образа жизни сменялись периодами кочевничества.

Этот геологический клубок иллюстрирует историю тюркских племён кипчаков, аргынов, усуней, тама, найманов, кереев, из которых сформировался в XV веке казахский народ. Города внезапно возникали в степи и опустошались, иные исчезали навсегда. Бытует в научных кругах неправда: народы, которые называют кочевыми, скитались без жилищ по всей степи со времён Адама. Даже «чистые» кочевники начинали двигаться только с весны, чтобы идти со своими стадами от пастбища к пастбищу до самой осени. Половину осени и всю зиму они вели оседлый образ жизни в городах или в небольших селениях.

У казахов есть чувство истории: в каждом доме бережно хранят шежиры, родословную, восходящую до 7-го колена.

Мои предки с отцовской стороны были поэтами, музыкантами и воинами. Один из них, Жаяу Муса (Пеший Муса), счастливо соединял в себе все дары, которые были отличительной чертой этой линии: он сочинял стихи и музыку, которую сам же исполнял. Участвовал в военном походе в Европу с русской армией. Служил в пехоте, и отсюда его прозвище, насмешливое прозвище в устах кочевников. Но до сих пор в Казахстане поют его песни.

Олжабай-батыр, в честь кого я ношу свое имя, командовал правым крылом конницы хана Абылая.

Олжабай-батыр отличился в войне против джунгар (монголы Китая, которые вторглись в степи Казахстана в XVIII веке). Во время военного совета, который происходил перед окончательным сражением, взбешённый нерешительностью некоторых вождей племён, он велел поймать гадюку и откусил ей голову перед ошеломлённым советом, выплюнул её и, не вытирая кровь змеи со своих губ,

воскликнул: «Вот так мы завтра отхватим голову дракону, если будем объединены, как братья, как вот эти зубы!»

Дракон был эмблемой знамени джунгар. Легендами внушали детям уважение к образным словам и символическим жестам.

Казахи испытали великий поворот в социальной истории: последние тюркские кочевники стали оседлыми. Однако часть народа ещё полукочевая (та, которая занимается разведением овец). Другая пашет, работает на рудниках, заводах, служит в городах.

* * *

Наша старая пословица гласит: «Народ меняется в полвека».

Психология и философия народа изменяются, но сохраняют свои самые выразительные черты. Моральный кодекс выражается в пословицах и притчах, которые играют важную роль в воспитании, начиная с детства и до старости. Слово играло особую роль в социальной жизни казахов. И не надо путать понятия «культура» и «цивилизация»; культура – это искусство быть Человеком среди людей. «Будь с гордым горд: он не сын пророка; будь с робким робок: он не раб твоего отца». Вот один из фундаментов моей личной культуры, внушённый матерью. Через какие тяжёлые испытания должен был пройти мой народ, чтобы, как вывод из тысячелетнего опыта, высказать эту мудрую поговорку: «Если бьют камнем, ответь угощением». («Таспен урса, аспен ур!»)

Отрицание библейского закона «Око за око, зуб за зуб», который был основой отношений между людьми на протяжении тысячелетий.

Это вывод, сделанный из истории, попытка почти христианская – торжество благородного варварства над ожесточённым сердцем. Нет, не горожанин, а кочевник мог увещевать своих потомков таким образом: «Если встретишь человека, обрадуй его: может быть, ты видишь его в последний раз».

Таково подлинное гостеприимство степи.

Я люблю читать сказки различных народов: это захватывающее занятие – расшифровка мировоззрения народа метафорами древних авторов. Основная мораль большинства сказок такова: надо делать добро, и тебе добром воздастся. Но я люблю сказки, в которых проповедуется добро бескорыстное. Я не имею намерения противопоставлять традиционную культуру современной технической цивилизации. Одно из решений этой комплексной проблемы можно показать на примере биографий представителей новых поколений социалистической казахской нации. Я сам инженер-геолог и профессиональный писатель. Занимаюсь историей и лингвистикой с единственным намерением определить своё место среди своего народа и место моего народа в человечестве. Вторая часть программы много труднее, нежели первая. Самосознание народное и личное определяется вкладом во всемирную культуру. Мы начинаем видеть в культуре определяющий фактор прогресса, и это может объяснить силу интереса, который проявляется в наши дни к прошлому Народа, не имевшего записанной истории. Хочу знать, с каким багажом мы пришли в XX век.

«С котомкой ничего!» – мне ответили историки.

Возвращаясь к теме этой статьи, не думаю, что её можно полно выразить несколькими страницами. Как бы ни был продолжителен разговор по этому поводу, он всегда будет иметь предварительный характер, но его надо начинать, необходимо настаивать, ибо для многих специалистов «кочевник» и «культура» понятия несовместимые.

В самом деле, столько говорилось в научных публикациях, в сочинениях, введённых в обиход, о варварстве кочевников и о их культурной бесплодности, что это мнение укоренилось в мыслях историков. Выражение его можно найти, в частности, в трудах некоторых известных специалистов, которые изучали связи между славянскими народами и тюрко-монгольскими. В недавнем труде, озаглавленном «От кочевий к городам», А. Плетнева утверждает без обиняков, что кочевники не могли быть творцами культуры и что они всегда играли одну-единственную роль – разрушителей. Это суждение не вызвало спора, настолько совпадает с идеями, с давних пор укоренившимися.

По моему мнению, основная ошибка тех, кто высказывает подобные идеи, состоит в том, что они смотрят на свой предмет только сквозь призму средневековых хроник, даже не пытаясь применить другую оптику.

Историк должен сомневаться во всех научных стереотипах. И чем более долгая у стереотипа жизнь, тем он больше вызывает подозрений. Нет ничего более стереотипного в культуре, чем язык. Поэтическая практика меня научила свободному чтению слов, чтобы пытаться открывать новые фонетические и семантические возможности. Этот поэтический опыт я переношу на все, чем занимаюсь. Возможно, исторический фактор, увиденный глазами поэта, всегда является более комплексным, более рельефным.

Совсем не обязательно быть большим специалистом, чтобы поставить под сомнение правильность постулата А. Плетневой. Даже если рассматривать понятие культуры под количественным углом, не надо забывать, что поэзия и музыка всегда были и останутся в числе её основных составных частей. Когда стали обобщаться результаты европейской историографии, обосновали как открытие то, что поэзия родилась в среде пастушеских племён. Другие то же самое говорили о музыке, сравнивая мелодии тюркских народов, этнически очень близких, из которых одни стали вести оседлый образ жизни в XVI веке, другие продолжали кочевать до XIX века; эти последние сохранили наиболее чистую музыку, тогда как у оседлых тюрков она приобрела прикладной характер, стала аккомпанементом слова (песня) и жестов (танец).

В введении к своей книге, посвящённой влиянию тюрко-монгольских эпосов на эпопеи Западной Европы, великий русский востоковед XIX века Г. Потанин воскресил свидетельства времён, когда «ордынцы» приходили на берега Сены как носители высшей культуры по сравнению с «туземцами».

В западной литературе слово «гунн» в течение долгого времени было синонимом варвара. Но мы всегда забываем, что германские племена той эпохи находились на более низкой ступени социального и культурного развития, чем новоприбывшие. Германцы заимствовали у гуннов не только слова, предметы, но и мировоззренческие системы.

Почему А. Плетнева, которая говорит о фатальном отсутствии культуры у кочевников, о их безразличии к линиям и цвету, упускает из виду, например, скифов, чьё искусство является гордостью Эрмитажа? Они ведь были классическими кочевниками.

У меня создалось впечатление, что такое отношение, скорее более эмоциональное, нежели научное, внушено А. Плетневой средневековыми хрониками, в частности, летописями Древней Руси. Полагаясь безоговорочно на свидетельства летописцев, позволяя себе проникнуться их чувствами и суждениями, учёные рискуют воскресить мировоззрения забальзамированного мира, принять преднаучное мышление. Странная вещь, но, кажется, именно это происходит с целым рядом современных историков. Для них кочевники только нехристи (не христиане), следовательно, не люди. Или, если они люди, то сыны дьявола, выпавшие из ада. И не случайно тюркские кочевники, которые на протяжении многих веков поддерживали тесные связи с племенами восточных славян, не оставили своих многочисленных этнонимов в летописях Древней Руси, а известны по насмешливым прозвищам, например «татар» (или тартар), которое применялось к многим соседним тюркоязычным народам Руси. И эта традиция увековечена: зовут «татарами» в русской литературе ещё XIX века не только потомков булгар с Волги и ногаев Крыма, но даже азербайджанцев, дагестанцев, чеченцев и ингушей Кавказа.

В Советском Союзе придают большое значение изучению прошлого народов «неисторических» и, в частности, тюркоязычных. Академии наук Азербайджана, Узбекистана, Казахстана, Киргизии, Татарии, Туркмении собрали многочисленные археологические материалы, свидетельствующие о богатых культурных традициях жителей степей, которые простираются от восточных границ Монголии до равнин Венгрии. Это документальное подтверждение является доказательством того, что тюркоязычные кочевники имели значительные по времени культурные

контакты с аграрными цивилизациями Китая, Индии, Ирана, со славянской Европой, с Византией. Существование связей между кочевым востоком и славянскими народами оставило неизгладимые следы в этнографиях и в языках.

Сегодня невозможно серьёзно говорить о связях между Древней Русью и кочевниками, игнорируя эти новые сведения и основываясь единственно на односторонних данных, содержащихся в средневековых хрониках.

* * *

Ставя эту сложную проблему, я стараюсь её крайне упростить, рассматривая составные части раздельно.

Кто такой кочевник? Для ума, воспитанного историческими трудами, кочевники – это скитающиеся орды, которые не имели никакого понятия о границах или о собственности на землю. Они питались, главным образом, сырым мясом, которое отбивали в скачке под седлом своих лошадей. Исчезали с лица земли города, имевшие несчастье вставать на их пути, и повсюду, где они проходили, оставалась пустыня. Они не были знакомы ни с моралью, ни с правом.

И, естественно, не ведали таких высоких духовных категорий, как вера, честь, совесть, любовь...

Я сам верил этому образу моего предка. И, должен признаться, мне поначалу даже нравилась грубая определённости черт его характера, простота потребностей и целей. Мир был открыт перед ним, он скакал, рвал зубами конское мясо, рубил врагов, брал женщин и не задумывался о смысле своего существования. Я упивался стихами Киплинга, в которых находил совершенное выражение простой философии кочевников.

<i>С бород мы стёрли бараний жир,</i>	<i>Великие вещи, все как одна:</i>
<i>Легли на ковры, и сошёл в нас мир,</i>	<i>Лошади,</i>
<i>На запад тёк разговор и на юг,</i>	<i>Женщины,</i>
<i>И дым ему вслед посылал чубук.</i>	<i>Власть, Война.</i>

Не без грусти я прощался с героями, созданными ребяческим воображением историков, но факты мне говорили, что образ кочевников фальсифицирован. Скороспелая гипотеза превратилась в аксиому.

Ученический карандашный набросок был принят за законченный портрет. И я понимаю разумность своего нынешнего «патриотизма»: я не любил своего предка, но я сочувствовал ему в его роли, осужденному антидемократическим методом без помощи адвоката, исходя единственно из показаний свидетелей обвинения. Отныне я выступаю не только в качестве защитника, но даже как осуждаемый кочевник, который требует права последнего слова после приговора, вынесенного историками.

Для того, чтобы настоять на необходимости пересмотреть «тяжбь», я написал свою книгу «Аз и Я».

Я хотел, не имея академических возможностей, решить весь комплекс вопросов одним махом, подготовить дорогу для новых честных исследователей. Я говорил – в хрониках находят место только драматические моменты истории народов, войны. Мирное время – не историческое. Его трудно описать. Мир не остаётся в памяти. Если бы сложить годы, в которых славяне и кочевники жили рядом, мирно, занимаясь торговлей и культурной деятельностью, собрались бы целые века. Но эти века не записаны в хроники, а малейшие баталии отмечены. И эти пристрастные свидетельства монахов-летописцев ложатся в основу приговора, о котором я говорил выше.

Желая восстановить летопись мира, которую никто не писал, я начал прибегать к словарям, чтобы в них найти подтверждение своим идеям о существовании вековых традиций сотрудничества между кочевыми тюрками и славянами. Язык – наиболее богатый резервуар исторической информации, избежавший произвола писцов. Источник наиболее беспристрастный. Он даёт полную картину взаимодействия культур, которая противоречит безжалостному наброску историков. Вы утверждаете, что славяне всегда имели враждебные отношения с кочевниками? Тогда почему такие тюркские слова, как «товарищ» и «друг», перешли в славянские языки?

Критики ожесточённо нападают на меня из-за этих примеров.

«Вы в самом деле думаете, что славяне не знали столь простого понятия, как дружба, и они не были способны её обозначить своими собственными средствами?» Но дружба не является понятием столь простым. И некоторые языки пытались не раз обозначить её более точным способом. Возможно, в будущем славяне заменят и этот термин новым словом, но, наверно, оно будет не изобретено, а заимствовано у какого-нибудь соседа.

Почему сами тюрки не сохранили форму «друг», а используют иранское «дост»?

Я заметил, что слова часто не остаются в языке, в котором они родились, заменяются словами (вокабулами), пришедшими со стороны. Но продолжают существовать в других языках. Я объяснил этот феномен тем, что каждый язык стремится к абстракции.

Идеальное слово то, которое является структурным и семантическим монолитом. Иначе говоря, идеальное слово невозможно этимологизировать произносящему средствами его языка. Это причина того, что тюркские языки сохраняют славянские сложные лексемы, тогда как славянские языки допускают тюркские сложные слова, которые больше не используются в самих тюркских языках. Эта схема годна, мне кажется, для всех развивающихся языков мира.

Когда некоторые патриоты с энтузиазмом говорят о своей собственной культуре, что она «самобытна», я отказываюсь разделять их восторг. «Самобытная» культура может существовать только на острове, затерянном где-то посредине океана, куда никакой корабль не причаливал в течение тысячелетий. Лишённая контактов с другими культурами, «самобытная» культура, т. е. островная, всегда слаборазвита и язык, её выражающий, крайне беден.

Развитие во взаимодействии – это не новая концепция. Все великие культуры, которые искусственно прервали контакты с миром, останавливались в своём прогрессе и приходили в упадок. История человечества может дать тому многочисленные доказательства.

Процветающая культура – это продукт непрерывного, многотысячелетнего контакта с другими. Это относится в равной степени и к языку.

Заимствования никоим образом не являются признаком бедности языка, это естественный фактор его развития. Эти очень простые истины должны бы преподаваться в школах на уроках родного языка.

Нужно, по моему мнению, внушать одновременно с любовью к своему языку сознание того, что он является только одним среди других.

И без них существовать не мог. Основы такой истории языка в своих наиболее доступных выражениях должны приобретаться на школьной скамье. Тогда, надеюсь, англичанин не надорвёт свою душу, узнав однажды, что его словарь, которым он бесконечно гордится, больше чем наполовину состоит из романских слов. И француз не отчаётся, узнав, что язык Виктора Гюго и Стефана Малларме содержит 30% арабизмов и 30% германизмов.

Узость специализации в историографии является поразительным явлением. Специалист, который исследует, скажем, Киевскую Русь XII века единственно на основе старинных русских летописей, не сможет добиться подлинно научных результатов. Сегодняшний историк должен расширять свой кругозор, чтобы хорошо знать свой предмет. Киевская Русь имела столь тесные отношения с пограничными странами, так же как и с более отдалённым средневековым миром, что невозможно её изучать изолированно, не считаясь с её связями даже с Дальним Востоком. Не говоря о ближних соседях, союзниках и врагах, какими были тогда тюркские кочевники. Но «узких» специалистов почему-то устраивает незнание иных контактов, кроме как воинственных, с этими народами. То, что известно славистам, «узкие» тюркологи игнорируют. То, что знакомо тюркологам, не интересует славистов. Один из моих оппонентов, специалист по Киевской Руси, искренне верил, что письменность и кочевничество несовместимы. И если все-таки письменность была приобретена тюрками, это только после того, как они осели в Центральной Азии и в Анатолии. И он не проявил даже любопытства, когда тюрколог, живший на соседней улице, показал ему атласы, воспроизводившие древнетюркскую алфавитную письменность, датируемую V и VIII веками. Для него вопрос был решён давно и пересмотру не подлежал.

Тем не менее исторический кочевник становится научной реальностью, которая приобретает с каждым днём всё большую сложность.

Отныне ему тесно в рамках традиционных представлений. Уже можно начинать говорить о некоторой позитивной роли, которую он играл в истории мировых цивилизаций.

Мы ещё представляем его в виде дикого всадника, одетого в шкуры и вооружённого кривым клинком. Да, я допускаю, что он был и таким, но мне уже трудно поверить, что он был только таким. Всё чаще я его вижу держащим в руке письменный тростник и в глазах его отражение пронизательной мысли, одной из тех, которая приходит раз и только одному представителю рода человеческого, будь он грек или африканец; она ударит сверху, как гром и молния, и неважно, во что эта небесная энергия трансформируется – в слово, в предмет, в музыку или в жест. он создаёт культуру.

Какой замечательный литературный язык сохранили надписи, высеченные на гигантских стелах, сооружённых в VIII веке на берегах Орхона и Енисея! Это язык гибкий и могущественный, способный в совершенстве выражать мощные чувства и передавать самые тонкие нюансы поэтической мысли. Письменный литературный язык является первой отличительной чертой государственности. Многочисленные оседлые народы Европы и Азии тогда ещё не обладали подобным богатством. Государства кочевников разрушались и затем снова создавались, поколения следовали одно за другим, племена объединялись, затем вновь расставались, но язык древних кочевников дошёл до наших дней во всем блеске своей грамматической структуры и своего лексического богатства, воплощаясь в живые тюркские языки, доказывая таким образом, что нет в культуре феномена более прочного и длительного, чем литературный язык.

Даже если бы кочевники не создали ничего другого, кроме этих нескольких орхонских и енисейских текстов, они могли бы с полным правом требовать места среди народов, которые внесли значительный вклад в мировую культуру. Они не завещали нам великолепных храмов, они не изобрели ни пороха, ни бумаги, но кто осмелится сказать, что поэтическая мысль, высеченная навсегда в камне или даже в народной памяти, является элементами культуры менее значительными?

Тюркские кочевники почти тысячелетие боролись с исламом. И в нескончаемом списке истреблённых культурных ценностей во время этой борьбы может фигурировать тюркская письменность. Памятники рунического письма сохранились только на территориях, которых не достигло мусульманское влияние, – на Алтае, в Сибири, в Монголии. Несколько исписанных камней открыты в горных, пустынных, труднодоступных районах Казахстана и Киргизии. А в Узбекистане, в Азербайджане, в Турции, где ислам торжествовал победу в течение долгого периода времени и проник во все поры культуры, не найдено никаких рунических надписей. Религиозные фанатики истребили всю древнейшую тюркскую литературу как «написанное дьяволом».

(Возможно, христиане подобное же творили с протославянской письменностью, редкие следы которой находят археологи).

Мусульманские летописи присоединились к хору христианских свидетельств. Для них тюркские кочевники также были врагами и, следовательно, невежественными людьми. Представьте усилия, которые необходимо сделать специалистам, чтобы восстановить забытые, уничтоженные главы истории, чтобы освободить ум от бремени прежних, преднаучных суждений. Русские учёные XIX века (Радлов, Потанин, Веселовский) и XX века (Бартольд, Малов, Гумилёв) много сделали в этом смысле. Немалая работа проводится в советских республиках и в Турции, где некоторые труды, к сожалению, перегружены шовинизмом, мешающим подлинно научной ориентации исторической мысли.

* * *

Но всего найденного новым подходом ещё недостаточно для того, чтобы исключить общепринятую мысль, согласно которой «кочевник равен варвару». Это верно, как то, что Вийон – разбойник. Но Вийон также поэт. Что считать важнейшим? Судья, который вынес приговор, сделал то, что нужно было сделать. Он прав по закону. Но так же правы последующие многочисленные поколения, которые прославляют Вийона.

Тогда что выбирать? Шекспировское «Остаться навсегда самим собой» или альтернативное «Открывать лучшее в себе»?

Таков вопрос, который задан сегодня новой казахской нации, которая развивается в тесном контакте с давно уже оседлыми народами нашей страны.

Знание истории, как знание самого себя, необходимо для современного развития, потому что оно даёт возможность глубже почувствовать грусть неизбежных утрат, но, вместе с тем, готовит дорогу прогрессу.

Париж, ноябрь 1977 г.

**ТРИ ПИСЬМА О КНИГЕ О. СУЛЕЙМЕНОВА «АЗ И Я»
(ПЕРЕПИСКА В. СОКИРКО¹ С Д. С. ЛИХАЧЁВЫМ)**

В. В. Сокирко

Письмо 1

Уважаемый Дмитрий Сергеевич!

Друзья подарили мне Вашу последнюю книгу «Слово и полку Игореве» и культура его времени» – (в основном, из-за 20 страниц критики книги Сулейменова «Аз и Я») – и я с благодарностью прочёл её, однако моё восторженное отношение к Сулейменову Ваша критика рассеять не смогла. Ниже я попытаюсь объяснить «почему» (уяснить это для себя и для друзей). Мне кажется, что дальнейшее Вам будет читать неприятно, поэтому не обижусь, если Вы бросите это письмо в урну без ответа. Для меня важно только, что Вы имели возможность узнать отрицательное мнение одного из рядовых читателей.

Вкратце, моё мнение состоит в следующем: Вы правы в мелочах, Сулейменов прав в главном; Вы правы в своих частных возражениях, но защищаете громадную неправду, умалчивая о главном.

А теперь объяснения. Украинец по крови, я – русский по языку, воспитанию и культуре, и книгу казахского писателя прочёл со стыдом, как заслуженную пощёчину своему русскому шовинизму. Воспитанный в ненависти к «поганым половцам и прочим татарам» и, след., в презрительном снисхождении к их потомкам, я вдруг услышал свободный голос потомка этих самых «поганых половцев», голос, убедительно ткнувший меня в мерзкие дела моих предков, того же самого Игоря Святославовича, а с другой стороны – показавший славу своих предков – половцев, а самое главное – вскрывший наш сегодняшний эгоизм, нестерпимое и ни на чем не обоснованное высокомерие европейца перед азиатом, разоблачивший ту ложь, вернее, искажение исторической правды, на которой только и зиждется его высокомерие.

С самого начала мне было ясно, что многие, если не все, из текстологических доказательств Сулейменова будут высмеяны и отвергнуты как дилетантские и ошибочные. При такой богатой истории изучения одного письменного памятника, при такой массе толкований и сомнений иначе и быть не может. И Ваша книга в этом смысле не дала ничего нового, она только подтвердила ожидание отрицательной реакции «официальной науки». Но не повредила книге Сулейменова, для которой текстологические аргументы были не столько доказательством, сколько демонстрацией возможности и правдоподобности сулейменовской концепции.

Даже если все эти аргументы будут бесспорно отвергнуты (а до этого ещё далеко), то и тогда главная правда, высказанная Сулейменовым, останется непоколебленной. А именно: на протяжении многих веков существования ненависти к половцам и степнякам, последняя не могла не влиять на переписчиков и продолжает сегодня влиять на интерпретаторов «Слова о полку Игореве», продолжает искажать правду об «Игоревом времени». Чтобы опровергнуть Сулейменова, надо доказать или, что ненависти к половцам и степнякам у русских переписчиков и позднейших учёных комментаторов никогда не существовало, или, что эти переписчики и учёные не могли влиять и не влияли на смысл и букву «Слова».

Доказывать отсутствие неприязни к Полю Вам, её современному адепту – смешно, а искажающую, т. е. творческую практику переписчиков и комментаторов Вы тоже не отрицаете. Но из этих очевидных посылок столь же строго и очевидно вытекает и следствие: по характеру вековых интересов и пристрастий переписчиков можно судить и об основном характере эволюции памятников – вносимых в него искажений. Вот то главное, что сказал Сулейменов. Историческую правду о русско-половецких отношениях, возможно, искажали не только переписчики и комментаторы. Сам автор, наверное, тоже не был беспристрастным и, возможно, на нем лежит главная

¹ Виктор Владимирович Сокирко (1 января 1939, Харьков, СССР – 5 января 2018, Москва, Россия) – советский инженер, экономист, известный участник правозащитного движения в СССР.

ответственность, но и для Сулейменова, и для читателей (кроме Вас и Ваших коллег) второстепенным вопросом является, кто несёт главную ответственность за искажение исторической правды в современном прочтении «Слова»: сам ли древний автор, или средневековые соавторы-переписчики, или их современные преемники-толкователи. Гораздо важнее восстановить саму историческую правду жизни и избавиться от вековых искажений её. И выполнить эту задачу мог только человек, совершенно независимый от таких пристрастий, или даже наоборот, придерживающийся противоположных интересов, т. е. не русский, а потомок их врагов, т.е. половцев. Им-то и стал Сулейменов. В «научный» спор прокуроров как бы вошла, наконец, адвокатом обвиняемая сторона и сказала своё веское слово.

Я убеждён: именно в этом первом «половецком» выступлении в науке о «Слове» и состоит научное значение книги «Аз и Я», большее, чем многих профессиональных книг на эту тему. Повторяю: главное доказательство Сулейменова – историческое и логическое. И оно не опровергнуто. Вы, во всяком случае, отклонились даже от попытки такого опровержения, от анализа фактических событий, рисуемых в «Слове». Конкретные обвинения Сулейменовым князя Игоря как антигероя Вы тоже игнорируете. Но ведь и летопись рисует Игоря иначе, чем «Слово» (скорее, как Сулейменов). Я верю, антиполовецкие влияния в будущем будут доказаны и текстологическим анализом, и если последний пока не удался Сулейменову, то удастся следующему «половцу», и в конце концов правда откроется и наш русский шовинизм на древней почве будет посрамлён.

Вы совершенно напрасно иронизируете над популярностью книги «Аз и Я» – она производит переворот в душах, рассеивает шовинистические предрассудки, заблуждения, убеждает богатством содержания и глубиной анализа эпох бывшей и нынешней. Взаимоотношения Руси и Поля, людской чести и подлости, политика наведения князьями половцев на свою землю в качестве будущего господина-царя (как страшно повторена эта политика потом Иваном Калитой и как помогла она созданию величайшей и могущественной в мире деспотии), история патриотических поисков внешних врагов ради обоснования и укрепления единства, вернее, деспотизма, история забвения уроков прошлого – как всё это нужно нам, сегодняшним людям – для собственной жизни и поведения! Книгу Сулейменова сегодня невозможно достать, за неё платят в десятикратном размере, но достать могут не все (впрочем, влияет и указание властей для магазинов – скупить «Аз и Я» – не для продажи, а для уничтожения. Об этом я сам слышал в Алма-Ате от продавщицы в книжном).

Простите, но каким контрастом лежит на столе Ваша книга – может, одного из лучших наших «словистов». При таком объёме – и такая узость взглядов, такое равнодушие к животрепещущим проблемам, волнующим всех читателей. Какая пустыня! Над важнейшими вопросами нашей истории при чтении Вашей книги можно размышлять только против воли автора. Так, при обсуждении терминов «чести и славы», вернее, осуждении этих «феодалных качеств» в сравнении с благом России, я думал о том, сколь далеко зашли корни российского рабства ещё в те давние, дотатарские времена, что, прервав княжеские междоусобицы («поиски чести»), Москва прервала и выработку в России чувства личного достоинства и чести и этим обусловила деспотическое развитие. Но Ваша книга не стимулирует такие размышления, а забивает их давно известными штампами – о необходимости единства, о противостоянии «врагам», о вредности браков с половчанами, о гениальности наших предков и недобросовестности всех, кто в этом сомневается, – и морем малоинтересных частных фактов.

Впрочем, узость содержания и мелкость тем можно извинить, ссылаясь на известную болезнь профессионализма, но глухота к боли и страданию нашего половецкого современника непростительна. На всю Сулейменовскую боль Вы нашли возможным лишь снисходительно проронить насмешливое: «Меня, как русского, очень трогает стремление О. Сулейменова вложить в «Слово о полку Игореве» черты своего, тюркского этноса». Далее Вы продолжаете в том же насмешливым тоне: «Трогают меня и другие проявления любви О. Сулейменова к «Слову...», хотя знаете о законности его гипотезы («А. Н. Робинсон выдвинул... обширно и серьёзно

аргументированную гипотезу о «Слове» как памятнике культурного пограничья между Русью и Половецкой степью» – это Ваши слова!) Больше всего меня удивляет – почему «Аз и Я» не вызвала отклика в Вашей душе, почему Вам, русскому, не стало стыдно так же, как мне, как и многим другим русским читателям? А ведь поводов для этого, наверное, у академической науки не меньше, чем у рядовых читателей... Сейчас книгу Сулейменова уничтожают, его самого заставили выступить с галлилеевским отречением в газете. И в наших условиях Вы всё же считаете возможным выступить с критикой «поверженного половца», со своих академических высот потретировать его как жалкого дилетанта, хотя для реальных читателей соотношение выглядит обратным... Бог Вам судья! Наверное, я и вправду глуп, что пишу Вам это письмо. Но нет, я – русский по языку и культуре и пишу русскому учёному, твёрдо веря, что среди учёных найдутся люди, способные понять «половецкую правду», подхватить Сулейменовское начало. Обязательно найдутся!

17 августа 1978 г.

Д. С. Лихачёв
Письмо 2

Уважаемый Виктор Владимирович!

Я получил Ваше письмо по возвращении в Ленинград только сегодня (6.X.78) и тотчас отвечаю Вам.

Вы плохо осведомлены во всем, о чем пишете.

1. Почему Сулейменов потомок половцев? Казахи не потомки половцев, хотя и близки к ним этнически.

2. Когда и в чем проявлялось презрение русских к половцам? От половцев оборонялись, воевали с ними, но ни в одном случае я не встретил в древних памятниках презрения к ним.

3. Какое отношение имеют войны XII в. к современности? Все воевали со всеми! Русские в прошлом всегда уважали тех, с кем воевали. Самый высокий памятник на поле Бородина – французам. Знаете ли Вы это? Памятник шведам – на поле Полтавской битвы. Прекрасное французское кладбище существовало в Севастополе и пр.

4. Следы половецкого эпоса и тюркские элементы в «Слове о полку Игореве» изучали Пархоменко, Приселков, Мелиоранский, Гордлевский, Корш, Кононов. Сейчас – Робинсон и многие др. русские учёные. Только они это делали грамотно и со знанием тюркских языков (кроме Робинсона). Тюркских языков Сулейменов не знает. Он человек русской культуры и пишет только по-русски. Он не знает работ о половцах и о следах половецкого эпоса.

5. Русские для изучения языков сделали гораздо больше, чем сами тюрки.

6. Шовинизм и презрение к русской науке проявляет именно Сулейменов.

7. Никто (кроме Бородина в опере) не идеализирует Игоря.

8. Стыдно за нападки на русскую науку должно быть именно Сулейменову. Стыдно потому, что он не знает русского востоковедения и его великих традиций, а самоуверенно бранит. Традиции же в русском востоковедении не только научные, но и гуманистические.

9. Вы не знаете, что я всю жизнь в разных формах борюсь с шовинизмом (в том числе и русским) за истинный патриотизм.

10. Вы не знаете, что я не занимаю высокое положение, а именно Сулейменов. Он катается по всему миру и сразу после скандала с его легкомысленной книжкой поехал в Париж, о чем сразу же была в «утешение» помещена статья в «Литгазете» с фотографией, а меня не пустили даже на съезд славистов в Югославии в этом году и во множество других мест. Вот мои «академические высоты» и вот «поверженный половец».

Желаю Вам быть более осведомлённым в тех вопросах, о которых с кондачка берётесь судить и рядить. Подпись: Д. Лихачёв. 6.X.78 г.

Вы написали своё письмо на машинке в нескольких экз. Очевидно, с гордостью показываете его своим друзьям. Имейте мужество показать им и мой ответ.

В. В. Сокирко
Письмо 3

Уважаемый Дмитрий Сергеевич!

Ваше письмо было для меня неожиданностью и наказанием. Мне стыдно за причинённую Вам боль и обиду, но поверьте, я не был злонамерен. Конечно же, Ваше письмо я распечатал в том же количестве экземпляров (и высылаю подтверждение). Однако ещё раньше друзья успели упрекнуть меня за письмо к Вам, ссылаясь, главным образом, на соотношение Вас и Сулейменова в официальном мире в сравнении со сложившимся у меня представлением. Но я писал лишь как рядовой читатель и судил лишь по Вашей и Сулейменова книгам. Для миллионов существуют только эти книги.

Дмитрий Сергеевич! После Вашего письма я понял: Вы погружены в академическую науку, в мир древних текстов и толкований и не замечаете той массовой культуры, в которой варимся мы, миллионы. Вы не видите ненависти и презрения к иностранцам вообще, к татарам, половцам и прочим азиатам – в особенности, людей, воспитанных со сложившимися учебниками, худлитературой, популярной историей и т. п. Мой современник в подавляющем большинстве знает только о степных хищниках-половцах, о зверях-монголах, вызвавших нашу отсталость от Запада вплоть до последнего времени, а крымских татар считает турецкими наймитами и немецкими прислужниками и т. п. Мне не надо это доказывать. Я учился в обычной школе (мне 39 лет) и брал книги в обычной библиотеке. Да, русские уважают тех, с кем воевали, именно те, кто воевал. Но не те, кто позже писал об этом и обрабатывал народное сознание в «патриотическом духе». Конечно, это не наука. Но наша наука в этом вопросе или молчит, или подтверждает распространённые шовинистические предрассудки, в то время как её прямая гуманистическая обязанность – выступить против этих предрассудков. Иначе, зачем нужна историческая наука, если она мирится с такой неправдой в народном сознании, как, например, реальный облик князя Игоря Святославовича. Вы пишете, что никто не идеализирует этого князя, кроме Бородина в опере. Какое заблуждение! – Его идеализируют миллионы – весь народ: и слушатели оперы, и школьники, изучающие «Слово о полку Игореве», которое в его нынешнем толковании представляет Игоря героем. Я был рад узнать из Вашего письма, что русская наука много сделала для изучения тюркских языков и половецкого эпоса в «Слове...» Видимо – для выявления правды в русско-половецких отношениях. Но почему об этом никто не знает? Почему школьные учебники не снабжаются объективными характеристиками Игоря? Почему только Сулейменову удалось громко крикнуть об этом?

– Может, не пропустила цензура? – Но нет, такое препятствие не чувствуется (даже по Вашей книге). Просто Вы не видите той неправды об Игоре, в которой мы живём и которой формируют наши души («и на заре нации у неё были злобные враги, справиться с которыми можно только единством и деспотизмом...»), и не желаете её исправлять. А вот Сулейменов захотел в силу своего степного происхождения (какое имеет значение, прямой ли он потомок половцев или побочный – он чувствует себя преемником их и это даёт ему силу) и сделал это. И я благодарен ему, несмотря на то, что сегодня от Вас и от своих друзей узнал порочащие его обстоятельства. Потому что я благодарен не просто высокопоставленному казаху – О. Сулейменову, а автору книги «Аз и Я». Сулейменов не шовинист, он просто националист, поскольку принадлежит к малой и подчинённой нации. Его «дерзкие нападки на русскую науку» – есть дерзкая защита от великодержавной интерпретации этой науки (а мы, читатели, только её и знаем)...

Я хотел бы быть благодарным и Вам, Дмитрий Сергеевич, за открытие правды: кто же были наши предки, Игорь Святославович и другие, и что заложили они в основу нашей Родины?.. Потребность в этой правде у всех огромная. Буду рад услышать Ваш голос. И ещё. Вы упрекаете меня в малой осведомлённости – чтобы «судить и рядить». Но сузу я только по малоинформативным книжкам и Ваш упрёк переадресовываю Вам и Вашим издателям. Что же касается «судить и рядить» – то не следует ли мне отказаться и от размышлений, от откровенного высказывания своего мнения? Не следует ли стать равнодушным и не писать больше «глупых писем»? Неужели лучше молчать?

С уважением, В. Сокирко

16 октября 1978 г.

**ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА
ЧЛЕНУ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС, ПЕРВОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК КП
КАЗАХСТАНА Д. А. КУНАЕВУ, ЧЛЕНАМ БЮРО ЦК КП КАЗАХСТАНА**

17 июня 1976 г.

Дорогой Динмухамед Ахмедович!

Дорогие товарищи!

В связи с создавшейся по выходу книги «Аз и Я» ситуацией (критической как для автора, так и для товарищей, причастных к изданию) обращаюсь к Вам с письмом, в котором как коммунист и советский писатель прошу Вас учесть некоторые моменты, знание коих необходимо, на мой взгляд, при справедливом, неальтернативном разрешении сложного вопроса.

В критических статьях, появившихся на страницах журналов «Молодая гвардия», «Москва», «Знамя» (в меньшей степени в журнале «Русская литература»), в газете «Литература Грузии», в части материалов устного обсуждения в АН СССР и в ряде других – неопубликованных, ставятся под сомнение и творческие способности автора, и, главное – идеологическая направленность, цели данной работы.

Книга в ряде выступлений прямо определяется как националистическая, пантюркистская и даже – проникнутая духом сионизма.

К сожалению, не принимается во внимание и противоположное мнение, высказывавшееся и за «круглым столом» журнала «Дружба народов», на заседании совета по критике в Союзе писателей СССР, и в других обсуждениях, и во многих статьях, не увидевших света, на том основании, что написаны они не специалистами. Но и авторы некоторых рецензий не являются специалистами ни в той области историографии, которая затрагивается в книге, ни в литературоведении, ни тем более в лингвистике. Поэтому их мнение, оказавшее влияние на общественное благодаря большим тиражам изданий, я могу уравнивать в правах с мнением других: известного литературоведа академика А. Новиченко, тюрколога-историка действительного члена АН Узбекской ССР М. Нурмухамедова, секретарей СП СССР Ч. Айтматова и Э. Межелайтиса, Р. Рождественского, Н. Федоренко, многих писателей и учёных из Москвы, Ленинграда, Киева и Баку, Казани и других братских республик.

Позволю себе процитировать одно письмо (прошу прощения у автора): «Самое для меня главное в книге – это подход к истории – жёсткий и в то же время совестливый, в общем-то, что самое главное, – справедливый, отмеченный и печатью национальной гордости, и печатью национального самосознания, и печатью того взгляда на вещи, при котором интернационализм и историческая справедливость становятся синонимами в том случае, когда взгляд интернационалиста повернут в историю, избилующую всякого рода национальными осложнениями, с которыми все даже и пытаться разобраться невозможно, если дух интернационализма осеняет тебя только в момент произнесения соответствующих официальных речей или тостов, а в остальное время тебе ни к чему.

Постановка вопроса в Вашей книге, взгляд на историю, которая отнюдь не дышло – куда повернул, туда и вышло, мне близки и дороги как советскому писателю, как русскому интеллигенту, наконец, просто как человеку, с детства пристрастному к истории своего народа, такой, какая она есть, и со сладким, и с горьким... Ваш Константин Симонов, 21 сентября 1975 г.».

...За год, прошедший после выхода моей тринадцатой книги, я много передумал. Особенно после обсуждения в АН СССР, состоявшегося тринадцатого февраля. Меня не поразила горячность, с которой большинство выступавших целиком отвергали все до единого положения книги. Это было зеркальное от-

ражение стиля, присущего многим страницам книги, где, не приводя особых доказательств, автор покушался на устои всей индоевропеистики, археологии и тюркологии. Что таить, автор надеялся – у него потребуют доказательств, научно обосновывающих те публицистические заявления, которыми изобилует «Аз и Я».

Я не раз обращал в книге внимание читателя на то, что она адаптирована для несведущего в специальных вопросах лингвистики и потому на ней не стоит гриф академического издательства; это книга писателя, и адресат у неё определенный. Цель её – заинтересовать широкого читателя кругом проблем, не выходящих за пределы академических институтов. Может быть, слишком горячо протестовал против превращения истории и лингвистики в кабинетные науки. Мечтал привлечь к ним одарённых людей, будущих деятелей этих наук, результаты которых прямо обращены на воспитание мировоззрения. И в качестве доказательства обоснованности моих гипотез я предполагал сразу же опубликовать труды, написанные вполне «научно».

Но расчёт мой не оправдался. Книга, задуманная как эмоциональное предисловие, начало триптиха, неожиданно для меня была воспринята в качестве самостоятельной величины, где высказано окончательное суждение по всем вопросам, в ней обозначенным. И, соответственно этому, невежливость по отношению к трудам некоторых специалистов была воспринята как проявление вопиющей невежественности. И, более того, – недобросовестности автора, намеренно вводящего неподготовленного массового читателя в заблуждение. Поэтому полагаю необходимым вкратце остановиться на истории создания книги со столь неблагоприятной судьбой. Более пространно я рассказывал о ней в интервью корреспонденту «Комсомольской правды» (9 октября 1975 г.).

Время от времени все науки испытывают счастливые (в конечном счёте) для науки покушения со стороны «дилетантов». При этом, естественно, затрагиваются интересы учёных, годы и годы посвятивших следованию традиционным теориям. Среди них и большие таланты, которые, даже сомневаясь в правоте догм, сочли более выгодным для себя «плутать со многими, чем искать дорогу одному». Этот цинизм делает их наиболее яростными приверженцами устаревших теорий, давно вступивших в конфликт с практикой научных исследований. И тогда любое сомнение «со стороны» воспринимается как ненаучное, так как критерием научности (т. е. истинности) часто служат условные рамки установлений господствующей школы. Примеров тому накопилось множество. Академик Остроградский остался в истории науки своей фразой, которую он произнёс на обсуждении работы дилетанта Лобачевского: «В этом, с позволения сказать, труде все, что верно, то – не ново, а все, что ново, то – неверно».

Да простят меня, что невольно ставлю себя в один ряд и с английским офицером, не имевшим даже низшей научной степени бакалавра, но открывшим тайну древнеперсидской письменности, и с банковским клерком, расшифровавшим ассирийские клинописи (а это позволило прочесть и шумерские письмены, отодвинувшие историю человечества на несколько тысячелетий вглубь). Но ведь жили и трудились во времена клерков и офицеров-самоучек сотни выдающихся профессиональных учёных, кому истина тем не менее не явилась. И, как ни печально для специалистов, но большинство открытий, качественно подвигавших вперёд науки, особенно историко-лингвистические, были сделаны «неофициальными лицами», которые не загромождали своё сознание беспрекословной верой в догматы школ, а подходили к ним критически. Они по наивности открывали новое, иногда просто не ведая законов, воспрепятствующих тратить на то усилия. А профессионал с вузовской скамьи твёрдо усваивает правила – это можно, а это нельзя.

Эйнштейн, когда его спросили, как ему пришла такая простая мысль о всеобщей относительности, ответил совершенно искренне: «Я не знал, что этого нельзя делать. А другие знали».

Нет в науке проблем неразрешимых, но есть неразрешённые. Синонимично: недозволенные положениями господствующей на этом этапе научной школой.

Понимаю, что даю ещё один повод обвинить меня в нескромности. Я мог бы вспомнить ещё десятки имён учёных божьей милостью, чей жизненный подвиг, самоотверженное, бескорыстное служение человеческой культуре, их деятельность, направляемая мировоззрением, свободным от предрассудков, в том числе и научных, — служат мне примером. Те, кто молча присягнул правде, обязаны помнить и высочайшую общежитейскую скромность таких учёных, как Маркс, Энгельс, Ленин и их великую до самоотречения нескромность в работе. Мы различаем два ситуативных понятия, ведая, что смысл слова «скромность» — ограниченность.

«Романсы» сочинять «доходней и прелестней», как однажды с горечью заметил Маяковский, и мне история «в зубах навязла», но во имя чего я пятнадцать лет перерывал библиотеки, «становясь на горло собственной песне»? Неужели, как выясняется, только для того, чтобы бросить несколько камешков в академический огород? Или для того, чтобы бросить тень на дружбу моих родных народов, честным, преданным сыном которых я себя считал и считаю?

Предок Чокан Валиханов сделал первым содержанием моего интернационализма мысль о кровном историческом братстве казахов с русским народом. Мой предок Абай учил меня «учиться у русских». И я учился у Ленина, Толстого, Пушкина, Маяковского, как учусь и сейчас у лучших представителей русской и всей советской культуры — широте взглядов, принципиальности и мужеству в борьбе за идеалы человека и человечества. И выросший в самой многонациональной республике, в атмосфере равенства и братства, я, патриот ста народов, советский патриот, считаю себя, как и каждый, наследником всех прошлых и новых цивилизаций человечества. Так меня воспитала советская школа, комсомол и партия. И потому протестую против деления истории человечества на национальные уделы. Полагая, что выводы каждой науки рассчитаны на человечество, а не на племя; полагая, что нет национальных физик, химий и философий, я относился к историографии любого народа как к одной из неотторжимых частей живого целого — биографии человечества.

И как геолог, рассматривающий алмазосодержащие породы, найденные в Конго и в Якутии, как философ, изучающий развитие социальных форм обществ, обретавшихся во всех краях земли, я пользовался материалами разных языков и разноязычных источников с одинаковым чувством, вполне условно применяя термины «славянская», «тюркская», «семитская», «германская» и любая другая — «культура». Это позволило пристрастным критикам из разных республик обвинять меня одновременно в «пантюркизме» и в «сионизме», и много пришлось писем с обвинениями в «панславизме». Одни уподобляют меня печатно «скотине, допущенной в русские древности», другие непечатными словами уличают меня в том, что я «продался русским за комсомольские премии». Прав был Тютчев, писавший, что поэты не знают, «как слово наше отзовется».

Пусть простят мне учёные критики, но в такой неадекватной реакции на мысли, высказанные в книге, повинен не только автор, но и историография, и лингвистика, со школ воспитавшие сознание «самостийности» каждой культуры, не внушившие через школьные и вузовские учебники марксистско-диалектический взгляд на историю, согласно которому любая большая и малая культура не упала готовой с неба, а явилась результатом, обобщением бесконечной череды взаимодействий, в которых процессы отталкивания не преобладали над процессами притяжения.

Ни самые решительные административные меры, ни огульная критика, ни даже авторское публичное покаяние, увы, не способны остановить развитие разноречивых, подчас враждебных нашей идеологии толков, но дадут лишь новую острую пищу таковым.

Голое, самоуничижительное признание автора в правомерности предъявленных обвинений, во-первых, противоречит моим убеждениям, и, во-вторых, будет понято и теми, и другими читателями как результат насилия над творческой личностью. И те, и другие воспримут это (одни – с удовлетворением, другие – с разочарованием) как проявление слабости моей, а не как итог внезапного прозрения.

Неправильному истолкованию книги может помешать только следующая книга того же автора, в которой, с учетом всех ранее непредвиденных обстоятельств, будут описаны вполне научным языком открытия культурных взаимоотношений славяно-балтских, тюркских, германских, семитских, индоиранских и угро-финских народов в I тысячелетии до н. э.

В этой книге я применяю новый метод этимологии (науки о происхождении слов), выработанный мною в процессе нескольких тысяч этимологий. Он позволяет этимологизировать и все известные науке этнонимы (народные самоназвания), в том числе и такие, как «славяне», «Русь», «тюрки», которые благодаря несовершенству метода лингвистического анализа подвергаются случайным истолкованиям; ими пользовались и пользуются фашиствующие идеологи в разных странах. Например, в гитлеровской Германии для воспитания особого отношения к славянским народам была в ходу этимология индогерманистов, производивших «славян» от случайно совпадающей латино-германской формы со значением – раб. Мой анализ опровергает это толкование, так же как, к примеру, производство русского диалектного слова «чукча» от названия северного народа «чукча» и многих других, подобных этим, произведений современной лингвистики, вольно или невольно служащих целям уже не научным.

Лингвистику называют «лопатой истории», но, как показывает опыт недавний и сегодняшний, лопата может стать орудием и колодцекопателя, и могильщика. Запретить мне довести начатое дело нерачительно по отношению к нашей культуре, к возможностям человека, который может дать науке значительно более важные ценности, чем иным может показаться с первого, раздражённого, взгляда.

...Мне исполнилось сорок лет. Наступило время оценки и серьёзных решений. Какие бы чудовищные молвы обо мне ни ходили, я считаю недостойным их опровергать. Но теперь я вынужден опротестовать те, что напрямую касаются моего мировоззрения и важных черт личности.

В прожитые годы у меня были минуты и часы, которых я стыжусь. Но в этом откровенном письме товарищам по партии я хочу заявить: как человек и мужчина горжусь тем, что всегда был честен в поступках своих; никогда ни при каких обстоятельствах не предавал ни убеждений, ни дела, которому клялся в верности; ни слова, данного человеку. Более всего я страдал, когда из-за меня страдали другие, невинные люди, и порукой тому единственная моя собственность – жизнь.

Пишу эти слова с полным осознанием того, что с течением времени они будут восприниматься как человеческий документ нечастного значения. И эта ответственность заставляет меня быть искренним, не стесняясь опасности непонимания...

С искренним уважением Ваш Олжас Сулейменов

«НАРОД МЕНЯЕТСЯ В ПОЛВЕКА...»

Динмухамед КУНАЕВ,
Первый секретарь ЦК КП Казахстана

ИЗ КНИГИ «О МОЁМ ВРЕМЕНИ»

1992 г.

...Долгие годы вопросами идеологии в стране занимался М. А. Суслов. В печати его теперь называют «серым кардиналом», и он поистине долгие годы держал на контроле всю литературу, искусство, общественные науки, периодическую печать.

Суслов неусыпно следил, чтобы в этих сферах не были допущены к публикации художественные произведения и научные труды, а также театральные спектакли, кинофильмы и пр., если в них содержалось что-либо идущее (с его ортодоксальных позиций) вразрез с официальной идеологией, дабы не нанести ущерба сознанию трудящихся масс.

В поле его зрения входили даже местные издательства в союзных республиках. Например, именно из-за позиции М. Суслова мы чуть не получили своего казахского диссидента Олжаса Сулейменова. В издательстве «Жазушы» вышла его книга «Аз и Я». К сожалению, в Москве выход книги вызвал бурную отрицательную реакцию. Многие известные русские учёные и критики поспешили объявить эту книгу националистической. В журналах «Москва», «Молодая гвардия», «Звезда», «Русская литература» и других изданиях хлёстко и зло критиковали О. Сулейменова. Я прочитал книгу Олжаса. Прочитал с интересом и удовольствием. Талантливая работа! Подумал: поругают-порогут Олжаса, да и угомонятся. В литературных кругах такие драки не редкость. Но однажды я пришёл к Суслову поговорить об открытии новых издательств в Казахстане. Обратил внимание, что слушает он меня вполуха, а потом и вовсе прервал:

– Димаш Ахмедович, – хмуро сказал он (он всегда был хмурым). – У вас в республике вышла книга Сулейменова с явной антирусской и националистической направленностью.

– Я читал эту книгу...

– Слушайте дальше, – Суслов не дал мне договорить. – В книге искажены исторические факты, автор глумится над великим памятником – «Слово о полку Игореве». Министерство обороны изъяло книгу из всех военных библиотек. И правильно, думаю, поступило. Разберитесь с книгой, автором и как следует накажите виновных! Чтоб неповадно было.

Я вновь попытался высказать своё мнение. Но Суслов был неприступен.

– Здесь справки отделов ЦК, – он рукой показал на толстую папку, – письма учёных, рецензии...

Спорить было бесполезно. Я ушёл от Суслова и направился в кабинет Брежнева. К концу нашей беседы я попросил генсека прочитать книгу Сулейменова. Он кивнул головой: оставь, мол, будет время – почитаю. С тем я и уехал из Москвы.

В это время Суслов по своим мощным каналам развернул бурную деятельность. Как мне докладывал Имашев – секретарь ЦК Компартии Казахстана по идеологии, книгу О. Сулейменова предлагалось обсудить на совещании трех отделов (пропаганды и агитации, культуры и отдела науки и учебных заведений) ЦК КПСС. Чем бы закончилось это обсуждение, предугадать было нетрудно. Но на этот раз я твёрдо решил: за Олжаса буду бороться. И в этом намерении я ещё более укрепился, когда О. О. Сулейменов пришёл ко мне на приём.

– Димеке, – сказал он, – я принёс Вам «Открытое письмо». Прошу размножить его для всех членов бюро ЦК.

Я ознакомился с этим письмом. Олжас не оправдывался, он защищался. Я позвонил Брежневу и спросил, удалось ли ему прочесть книгу Сулейменова.

– Читал-читал, – ответил Брежнев. – Никакого национализма там нет.

– А вот Михаил Андреевич считает...

– При чем здесь Михаил Андреевич? Сами разбирайтесь.

Остальное было, как говорится, делом техники. Мы провели бюро ЦК, кое-кого пожурили, кое-кому всыпали, а Олжасу Сулейменову я сказал: мы ждём от тебя новых стихов, новых поэм.

Спустя полгода XV съезд Компартии Казахстана избрал О. О. Сулейменова членом ЦК. Вот так в общем-то благополучно закончилась эта история. Много позже Олжас мне признался: «А ведь из меня хотели диссидента сделать».

Бауыржан МОМЫШУЛЫ,
писатель, полководец, Герой Советского Союза

ОЛЖАС – БОЛЬШОЙ КОРАБЛЬ В ОКЕАНЕ

С Бауыржаном Момышулы об Олжасе Сулейменове
беседует писатель Мамытбек Калдыбай

Мамытбек Калдыбай: *Как-то я был в гостях у моих знакомых. Среди приглашённых оказался один человек, который плохо отозвался об Олжасе Сулейменове, утверждая, что является его близким родственником. Книгу «Аз и Я» назвал посредственной. Что вы на это скажете?*

Бауыржан Момышулы: Считаю этого человека как минимум некомпетентным. Недавно и один мой знакомый тоже нелестно говорил об Олжасе. Я спросил: кто ты такой, чтобы оценивать Олжаса? С обидой в голосе этот человек произнёс:

– Вы защищаете человека, который не желает казахам добра.

– Нет ни одного другого поэта-писателя, как Олжас, который бы желал столько добра казаху. Прекратите наговаривать. Вы как в той поговорке: «Умная собака лает на увиденное, а глупая собака повторяет услышанный лай». По моему мнению, самый большой недостаток человека – слепо следовать чужому мнению. Эта привычка до добра не доведёт. Чтобы не прослыть глупцом, следует думать головой, а если человек этого не понимает, пусть прежде всего винит самого себя.

М. К.: *Мой знакомый сказал: «Самая большая вина Олжаса в том, что он более близок к русским, нежели к казахам». Прав ли он в своём мнении?*

Б. М.: Отвечу твёрдо: это слова невежественного человека. Жить с соседями в мире – что может быть разумнее? Я тоже близок к русским, до сих пор считаю их своими друзьями. Потому что они – такие же, как мы, быстро находят общий язык, схожи характерами. Согласитесь, у любого народа есть своя «паршивая овца», которая, как известно, всё стадо портит. Это не означает, что по поведению этого «яркого» представителя следует судить обо всем народе в целом.

Когда-то и я думал: почему Олжас так мало заботится о пользе своего народа? В чем причина? И не находил ответа, оказываясь в тупике. Не скрою, даже упрекал его: «не хватает Олжасу гражданской позиции». Я пенсионер, свободного времени у меня теперь много. Лежа на диване, предавался размышлениям, анализируя свои мысли: правильно ли я оцениваю людей, может, кого-то недооцениваю? Могу ли я сказать, что был справедлив в своих суждениях?

И тогда я задал самому себе вопрос: как я могу, осуждая всех и вся, говорить о недостойной гражданской позиции Олжаса Сулейменова, который на равных общается со множеством выдающихся людей, настоящих Личностей с большой буквы? Как можно объяснить такое предвзятое к нему отношение? Дал я себе три дня срока, по прошествии которых должен найти правильный ответ, иначе грош мне цена. Поклялся сам себе, что только правда, безо всяких измышлений поможет честно выявить своё отношение к этому, скажем честно, неординарному человеку.

Прежде чем получить удовлетворяющий меня ответ, начал размышлять о нашей нации в целом, кто мы – сегодняшние казахи, что для нас свято, какие у нас взаимоотношения друг с другом, какого мы мнения о своём народе, переживаем ли за будущее поколение, в частности, за своих близких и родных; стал анализировать проблемы совести и чести и пришёл к выводу, что Олжас намного

мудрее и умнее меня. Рассуждая сам с собою, я признал, что был неправ, называя гражданскую позицию Олжаса недостаточно выраженной. «Все его дела успешны, он идёт по правильному пути», – подытожил я. Если бы Олжас ничего не умел, был бы вождём глупцов, пытаюсь жить и творить в угоду власти предрешающих, и стал бы настоящим позором для будущего поколения. Вот к такому выводу я пришёл.

М. К.: *Многие «знатоки» считают Олжаса «прорусским». Что вы скажете на это?*

Б. М.: Ты, журналист, сам что можешь сказать по этому поводу?

М. К.: *Это поверхностное, несправедливое мнение, я считаю.*

Б. М.: И это правильно. Мне кажется, сегодня больше людей, порочащих имя Олжаса, чем его приверженцев. Некоторые перестраховываются, не хотят выделяться, мол, посмотрю, как другие. К сожалению, сегодня у многих казахов такая позиция. Некоторые напоминают малых детей, у которых наивны все помыслы. Если что-то им нравится, значит, это хорошо, не нравится – плохо. Никак не хотят повзрослеть, начать думать не поверхностно, а путём нешуточной работы ума узреть наконец истину.

М. К.: *Одно хорошо – Олжеке ни с кем не ссорится, не конфликтует. Как вы относитесь к такой его сдержанности?*

Б. М.: Поддерживаю. Знающий себе цену человек не будет кричать на каждом углу, какой он умный и опытный. За него скажут его дела. Кто одним из первых встал на страже нашей национальной гордости, политики, защищал казахский язык? Олжас. Кто, в частности, доказал факт обогащения славянского языка казахским языком? Олжас. Кто первым поднял проблемы казахской психологии, казахского мышления, кто вплотную занялся возвышением облика народа? Олжас поднял. Какая ещё гражданственность нужна? Что ещё нам надо?

Разве не мудрый Абай сказал: зная русский язык, можно познакомиться с учёными всего мира? Что ещё можно к этому добавить? Олжас никогда не призывал: «Казахи, будьте рабами русских!». Или я что-то путаю?

В общем, все эти наветы – происки завистников, я считаю. Олжас, всегда отыскивая компромисс, взвешивая все «за» и «против», принимает единственно правильное решение. Он всегда показывает казахскому народу нужное направление, показывает верную дорогу. Люди, не понимающие этого, и отзываются о нем нелестно. Называть каждое предложение, каждое слово Олжаса неверным – это преступление, я считаю. Заметьте, он говорит мало, но всегда весомо. Доклады, которые писались не менее пяти дней глупцами, называемыми Сулейменовым обрусевшим, Олжас может пересказать пятью предложениями, и все поймут, о чём речь. Говорят ведь: «Сколько гуся не охаживай, в ворону он не превратится. Сколько ворону не хвали, гусем не станет». Так и здесь – Олжас есть Олжас.

М. К.: *Горлопаны часто обвиняют его в том, что его не заботит развитие казахского языка.*

Б. М.: Ну это уж совершеннейшая глупость. Что может сделать один человек? Сколько в Казахстане поэтов-писателей? – Свыше пятисот. Чем они-то занимаются? Только ли Олжаса надо обвинять в недостаточном желании способствовать развитию казахского языка? Он всего лишь творческий человек. Писатель. В его руках нет никакой власти.

М. К.: *Такое впечатление, что мы все просто заняты пустой болтовнёй, никаких конкретных предложений и шагов для развития национального языка никто не высказывает...*

Б. М.: Да, как в добрые старые времена, соберёмся на собрание и говорим, говорим часами, а в итоге – ничего не решили. Нужна ли нам этакая пустая ак-

тивность? Думаю, есть только один путь развития казахского языка. Как мы научились русскому языку? Требовала ли этого от нас Конституция, было ли в ней прописано, что русский язык – обязательный для казахов? Нет, не найдём ни строчки об этом. Русский язык был межнациональным языком, поэтому мы старались его познать. Без русского языка мы не могли бы поступить в вузы, получить высшее образование, не смогли бы устроиться на работу, в конце концов, точно знали, что не сможем заняться наукой. Одним словом, указать верный путь развития нашего языка может лишь один человек – руководитель государства.

Если принятая им политика будет справедливой, не останется ни одного человека, не овладевшего казахским языком, мне кажется. Ведь любой устраивающийся на работу чиновник в первую очередь будет искать общий язык с народом.

М. К.: *Критики так ещё говорят: Олжас – поэт, зачем он занимается историей?*

Б. М.: Почему поэтом должен быть человек, не занимающийся историей? Поэт обязан быть всесторонне развит. Из малообразованного человека вряд ли выйдет хороший поэт.

История – это череда прошедших событий, одни из которых стали гордостью для всего человечества, другие позором. Не зная своего прошлого, невозможно дать правильную оценку событиям сегодняшним, понять, что хорошо, что плохо для всех нас... Недооценивая настоящее, нельзя предугадать будущего. Без истории нет ничего. История – это твое, мое и наше «вчера», «сегодня» и «завтра».

М. К.: *Можно ли усомниться в хорошей образованности тех, кто знает русский язык и пишет по-русски?*

Б. М.: Наоборот, их высокий интеллект не вызывает сомнений. Нужен огромный талант, чтобы писать вдохновенные строки, писать на чужом языке стихи, любимые народом. Зачем «бороться» с Олжасом, не лучше ли поднять проблемы самосовершенствования казахов, решить, какими характерными чертами они должны обладать, каков их взгляд на происходящее вокруг, в чем причины того, что нас это мало волнует, как найти выход из такого равнодушия?

Мы же предпочитаем осуждать Олжаса за то, что он пишет на русском, хвалит русских. Чуть что, обвиняем во всех своих бедах русских. А ведь они много хорошего сделали для нашего народа. Казахи сами во многом виноваты.

М. К.: *Кто ещё из выдающихся казахов поднял проблему казахского языка в стране?*

Б. М.: Да только Олжас. Остальные только говорят. Каждый судит только со своей колокольни. Понять и по достоинству оценить несоизмеримый вклад в возвышение казахского языка Олжасом правильно смогут только состоявшиеся специалисты, причем состоявшиеся во многих областях науки и культуры. А порочить Олжаса – удел дураков. Говорить с ним на равных сможет только тот, кто сумеет достичь его уровня.

М. К.: *Кого из наших современников, стоящих на одной ступени развития с Олжасом, можете назвать?*

Б. М.: Олжаса, и опять Олжаса. Объясню: никто другой, а именно этот выдающийся сын земли казахской прославил на весь мир свой народ, наконец-то люди узнали, кто такие казахи на самом деле. Одним из первых он когда-то принял участие в создании «Жас Тулпара». Не стоит слушать всяких болтунов. Олжас – великий патриот, своим поведением и творчеством он учит нас уважать предков, осознавать ответственность перед потомками.

Любящий свою родину человек не может не испытывать нравственную ответственность перед людьми будущего, чьи духовные запросы будут множиться и возрастать.

А будущие поколения его поймут. Вот тогда Олжас и будет верно оценён. Мы должны восхвалять и гордиться им. Он – «зеркальное отражение» умного и величественного казаха.

М. К.: *Как вы сами можете охарактеризовать ту часть казахского общества, которая без всяких оснований осуждает Олжаса?*

Б. М.: Безусловно, люди эти недалёкие, духовно слаборазвитые. Кто может по достоинству оценить своеобразие, талант Олжаса? Только те, которые обладают недюжинным умом, имеют богатый внутренний мир, люди гуманные.

М. К.: *Хорошо, в заключение скажите, какую оценку вы даёте Олжасу?*

Б. М.: Олжас раскрыл свои объятия уважающему и почитающему его русскому народу, друзьям русского народа.

Когда я понял это, я признал свою ошибку относительно его гражданственности. Он доказал, что чувства дружбы и гуманизма стоят выше национальных и религиозных.

На самом деле, русские высоко ценят Олжаса Сулейменова. Русские литераторы и филологи признают его огромный писательский талант. Бурными аплодисментами встречают чтение Олжасом своих стихов.

Лодка не может плыть по океану. Боится отойти далеко от берега, страшится бури, опасается утонуть. Образно говоря, Олжас – большой корабль. Большой корабль всегда выбирает глубокий океан. Олжас Сулейменов с его мощными возможностями и потенциалом – гордость не только казахского народа, но и всего мира.

Перевела с казахского языка Маржан Жунусова

Геннадий ТОЛМАЧЁВ,

журналист, писатель, главный редактор журнала «Простор»

НАУЧНЫЙ ПЕРЕПОЛОХ

По словам Олжаса, 1975 и 1976 годы – самые трудные в его жизни. (Был потом и 1987-й, но это другая история.) Тогда с трибуны писательского съезда республики он пообещал, что когда-нибудь расскажет об этом времени. Но пока молчит. Поэтому беру на себя смелость со своей колокольни посмотреть на события тех лет. Вернее, одного события. Полагаю, что имею на это право, ибо весь сыр-бор разгорелся вокруг книги «Аз и Я», выпущенной издательством «Жазушы».

В ту пору я возглавлял в этом издательстве редакцию русской литературы и хорошо помню, как готовилась рукопись Олжаса к печати. Но сначала о самой рукописи: талантливая, небезошибочная, порой дерзкая. И беда её – едва ли не главная – категоричность и, простите, отсутствие почтения к авторитетам. А авторитеты, да ещё при должностях, уважать полагалось безоговорочно. Рукопись дважды рецензировалась, хвалилась и – не без того – критиковалась на редакционном совете; с какими-то замечаниями Олжас согласился, с какими-то нет, словом, шла будничная издательская работа. Вспоминаю, что я как-то и в шутку и всерьёз сказал Олжасу:

– По-моему, ты чересчур много понаделал открытий.

И в этом был резон. Олжас иногда поддавался безудержной фантазии, и создавалось впечатление, что он лихо, походя прочитывал «тёмные» места в «Слове о полку Игореве». Он проникал или пытался проникнуть в такие тайны «Слова», над которыми более двух столетий бились лучшие умы России. А теперь представьте: в литературоведении есть генеральные направле-

ния, школы, возглавляемые именитыми академиками, которые – отдадим им должное – с превеликим почтением относятся к каждой букровке бесценного памятника. И вот в этих школах прочитывают книгу «Аз и Я». Волосы на голове, у кого они остались, начинают шевелиться: «Как он смел посягнуть? Кто он такой?» А следом крик-открытие: «Коллеги! У этого Сулейменова нет даже филологического образования!» И понеслось.

Вслед за двумя в общем-то доброжелательными рецензиями, напечатанными в республиканской прессе, хлынул поток разгромных статей. В чем только ни обвиняли Сулейменова! Само собой, в невежестве, в превратном истолковании истории, в высокомерии, использовании на всю катушку «народной этимологии» и т. д. и т. п.

Никто почему-то не пожелал заметить, что на титульном листе «Аз и Я» Олжас написал: «Книга благонамеренного читателя». Благонамеренного! Но и это почтительно-доброе слово в Академии наук СССР повернули на свой лад. Один доктор наук заявил при обсуждении книги:

– К сведению Сулейменова, слово «благонамеренный» в XVIII веке читалось как... реакционный.

До сих пор не знаю, почему я не завопил тогда: «Помилуйте, товарищ доктор! Олжас ведь свою книгу писал в XX веке!»

Но не буду забегать вперёд. Итак, разгромные рецензии получены, прочитаны. Олжаса чуть не каждодневно вызывают «на ковёр» и советуют: «Напиши в «Казправду», что ты извиняешься». Олжас не соглашается: «За что извиняться?» – «Сам знаешь, за что».

Дело прошлое, но вскоре после обсуждения книги на Бюро ЦК Компартии Казахстана в газетах появилось нелепое «извинение» за подписью О. Сулейменова.

А сейчас о самом Бюро. Многие издатели впервые попали в этот зал. Обычно шумные, контактные, на этот раз все едва узнавали друг друга. Разговор предстоял трудный. Хотя нас и познакомили загодя с проектом постановления (в преамбуле давалась общая оценка произведения, а далее – кому на вид, кому – выговор, а то и «строгач»), все-таки мы изрядно волновались. Проект проектом, а вот во что выльется обсуждение. Ведь не раз и не два бывало, когда проекты переворачивались с ног на голову.

Занимают свои места заведующие отделами ЦК, кое-кто из министров, председатель Казсовпрофа, первый секретарь ЦК комсомола, прокурор республики и, как говорится, другие официальные лица.

Признаюсь, многие ждали сногсшибательной критики, если хотите, разноса и более суровых, чем в проекте постановления, наказаний, вплоть до... Но гадай не гадай, а всё решится сегодня, сейчас. К счастью, напрасно мы трусили: громы не гремели, молнии не сверкали. Разговор шёл принципиальный, подчас жёсткий и только по делу.

Всякие слухи, домыслы, инсинуации решительно отменялись. Чего-чего, а слухов тогда, порой грязных, было немало – вокруг исторической науки, мол, и фальсификатор он, и не интернационалист вовсе, и выпячивает зачем-то на мировой арене другие народы.

А Олжас, чьи слова тогда «Возвысить степь, не унижая горы» с телеграфной скоростью облетели страну, и слова эти – гордые, как само национальное достоинство – принимались не только разумом, но и сердцем, сейчас испереживавшийся сидел в первом ряду и, готовый к защите, а то и к полемике, ждал своего черед.

Выступили заведующие отделами А. П. Плотников, С. У. Джандосов. Поднялся на трибуну директор издательства А. Жумабаев... Вдруг слышу свою фамилию. Встаю, иду к трибуне.

Конечно, никакого текста я не готовил, да и, признаться, выступать не собирался. Говорил долго, минут десять-двенадцать. Вспомнил, как готовилась рукопись, как рецензировалась, какие споры вызывала у редакторов, специалистов, а потом – к месту ли, не к месту – рассказал о самом Олжасе: о человеке и коммунисте.

Всё. Замолкаю, жду вопросов. Запомнился – один:

– Ну, а виновным-то вы себя признаете?

Это ведь надо! Чуть не забыл.

– Признаю. Конечно, признаю, – и сел.

А потом слово предоставили Олжасу. Он не оправдывался, но из-за сильного волнения (переживал не только за себя, а и за издателей) не совсем чётко, а порой и путано возражал московским оппонентам. В заключение сказал:

– Расставить все точки над *i* я хочу в своей новой книге «Тысяча и одно слово».

Д. А. Кунаев острее, видимо, чем мы, понимая ситуацию, спокойно возразил:

– С этой книгой надо повременить, Олжас. Мы ждём новых стихов и поэм...

На дворе июнь. Непадно палит солнце, а мы, заскафандренные в костюмы, в удавках-галстуках, сидим в сквере у дома правительства и заново «прокручиваем» случившееся.

И врезали вроде бы поделом, но, черт возьми, кто, когда лишил советского человека права высказать своё мнение?! Задним умом мы все крепки, но все-таки где ты «застрял», апрель 85-го? Увы, не знали мы тогда, что это был период застоя. Шкурами чувствовали, а не знали.

До сих пор не могу понять, чем руководствовались учёные мужи из Академии наук СССР, приглашая нас на обсуждение книги «Аз и Я». В Москву мы поехали втроём: автор, заведующий отделом науки и учебных заведений ЦК КП Казахстана Санджар Уразович Джандосов и я. В самолёте, по дороге в столицу рассуждали: судя по рецензиям, Олжасу, конечно, достанется на орехи, но, надо полагать, крупнейшие специалисты и рациональные зерна увидят в исследовании.

Не увидели. Или почти не увидели.

А ведь Олжас не претендовал ни на кандидатское звание, ни на почести и премии. Он, поэт, спустя восемьсот лет по-своему прочитал Великого Поэта земли русской. В работе Олжасу помогали тонкое знание тюркских языков, а порой и поразительная интуиция. Вспомните хотя бы заключительные строки «Слова». «Князьям слава, а дружине! Аминь». Мусин-Пушкин перевёл: «Князьям слава и дружине! Конец». Эта разбивка и перевод приняты всеми следующими исследователями. Олжас приводит аргументы. В «Слове» союз «и» встречается в 88 случаях, «а» – в 55. Ни разу не ошибся монах-переписчик, употребляя эти союзы, а тут вдруг – в самом финале! – пустил монах петуха. Фраза получилась шокирующая: «Князьям – слава, а дружине – аминь!»

Олжас пишет: «Сверкнув случайно из-под пера рядового монаха, и не мечтавшего о литературной славе, она по достоинству стала печальным алмазом в жестяном венце золотого слова славянской письменности».

Спорное прочтение? Видимо. И все-таки, все-таки...

Ведь дружина погибла на поле брани – почему ей слава? Не честнее ли – аминь?

Кто знает, быть может, и признали бы тогда солидность олжасовских аргументов. Но кому, скажите, понравится тон Олжаса, безапелляционность его суждений?! Он заявляет им: «Не укладывается это в сознании мудрых учёных».

Чуть позже я приведу ещё две-три «находки» Олжаса при прочтении «Слова», которые мне представляются вполне логичными и достоверными. Да только ли мне? Известный советский критик Евгений Сидоров пишет: «Природное двуязычие поэта, многолетнее изучение «Слова» и истории вопроса вы-

лились в размышления о взаимоотношениях Древней Руси и тюркского Поля, в попытку прояснить некоторые «тёмные» места гениального текста... Прошло немало времени со дня выхода книги, и некоторые её положения уже прокрались потихоньку в академические издания, благоразумно «забыв» о своём «первородстве». Вот вам и мудрые!

Несмотря на то, что Олжасу в Академии крепко дали по рукам, да так дали, чтобы не только ему, но и другим неповадно было, он от своего не отступился. Спустя время в журнале «Коммунист» (1985, № 10. «Теоретический и политический журнал ЦК КПСС») Олжас пишет статью «... Хороброе гнездо». Читаешь её и ловишь себя на мысли: посолднел, помудрел Олжас. Сейчас он стремится быть верным своему принципу: чем больше знаешь – тем молчаливей. И вот сдержанный, академически причёсанный Олжас излагает свои доводы. Цитирую:

«Дремлет в поле Ольгово хороброе гнездо...» Сотни раз ты прочитывал эту фразу и всякий раз останавливала она внимание своей какой-то загадочной гармоничностью. И вдруг ты понял, чем объяснить уникальность употребления древнерусской полногласной формы эпитета. Семь раз в поэме встречается привычный книжный славянизм: «храбрый» и лишь однажды народная лексема – «хороброе».

Исход битвы, считает Олжас, уже предсказан плачем «о», и в поэтической фразе это «о» придаёт картине объёмность, замедленный ритм, замыкает кольцевую композицию эпизода, начатого со слов: «Долго ночь меркнет...»

Как поступают сегодняшние переводчики? Отринув сомнения, они спокойно переводят: «Дремлет в поле Олегово храброе гнездо».

С болью Олжас пишет: «Памятнику наносится невосполнимый ущерб... Разрушена звуковая метафора, поэтическая фраза превратилась в прозу. Если бы автору «Слова о полку Игореве» был неважен тонический подтекст, он мог бы и сам в восьмой раз написать «храброе», не дожидаясь, пока его поправят.

Думается, отдельные места «Слова» целесообразно сохранять нетронутыми в академических и стихотворных переводах. Ведь в эти строки, быть может, заформован элемент великой поэтической системы, которая должна быть обязательно учтена при построении современных и будущих моделей мировых литературных культур».

В «Коммунисте», конечно же, оценили пронзительную находку Олжаса, как и сопрониклись беспокойством за судьбу памятника. Позвонили из редакции в Алма-Ату, попросили:

– Олжас, хорошо бы ещё один пример, а?

– Хорошо бы. Но придётся подождать.

– А долго?

Олжас засмеялся и сказал:

– Лет двадцать пять.

Это я к тому рассказал, чтобы читатели почувствовали дистанцию от прочтения рукописи до маленького открытия. В 1975-м Олжас не включил «... Хороброе гнездо» в свою книгу. Тогда идея ещё не вызрела. И вот эта солидная публикация в «Коммунисте».

Ах, если бы она появилась до печально знаменитого обсуждения в Москве! Уверен, что тогда бы многие ученые мужи поаккуратнее вели полемику. А то ведь как было? Взбираясь на трибуну, те, кто поретивее, предлагали запретить книгу (и запрещали), изъять из библиотек (и изымали), а самого автора «Аз и Я» предать полному забвению.

Про ту «академическую» баталию я подробно рассказывать не буду. Скучно и неинтересно. Потому что игра шла, как говорят, в одни ворота. И многие

норовили ударить побольнее, нарушая элементарные правила. Налицо и повод для оправдания: в наше, мол, благородное семейство затесался чужак, без роду, без племени. Ату его!

Часов пять лущевали и Олжаса, и его многострадальную книгу. Но нет-нет, да кто-нибудь и проговаривался. Эти откровения проваливались, как в шахту – при изумлённом молчании. Думаю, нет нужды называть имена и титулы оппонентов. Лучше познакомиться с самими тезисами.

– Наша наука настойчиво ищет родственников на западе, – сказал один. – Олжас Сулейменов в своей работе показывает, что Русь и Поле помимо войн и вражды много и плодотворно сотрудничали. Пример тому – значительное число тюркизмов в русском языке.

А я вспомнил Сергея Маркова: «В великом “Слове о полку”, как буйная трава, вросли в славянскую строку кипчакские слова».

– И не случайно до XVIII века, – вторил другой, – церемонии русского императорского двора проходили по тюркским канонам.

– Современной историографии, – отметил третий, – следует более пристально изучить связи между русскими и тюркскими народами. На этом пути нас ждёт много открытий.

– В книге Сулейменова, – рекомендовал четвёртый, – есть материал для написания ряда ценных статей.

На мой взгляд, даже эти признания и полупризнания сполна оправдывали выход книги «Аз и Я». Ещё в те дни, по горячим следам.

Запомнилась и такая деталь. В перерывах между «таймами» к Олжасу, как правило, поодиночке подходили молодые и не очень молодые ученые и, вылавливая в своих бездонных портфелях книгу «Аз и Я», просили:

– Нельзя ли получить автограф, Олжас Омарович?

Олжас, не вынимая из губ сигарету, небрежно расписывался на титульном листе, размашисто ставил дату и молча возвращал книгу владельцу. А тому вроде бы и неудобно отступать без слов.

– Работа, конечно, неординарная, Олжас Омарович! Но тон, тон... – учёный страдальчески кривил лицо и исчезал.

Ах и ах, если бы Олжас умел делать реверансы! Посидеть бы ему хоть на одной защите кандидатской диссертации, и он бы услышал, понял, с какими словами достойные и малодостойные недоросли и переростки идут в науку, в какую тональность они впадают.

Процедура защиты расписана по минутам и, как мрачно шутят сами соискатели, защита – это пятнадцать минут позора.

Ни секунды не сомневаюсь, что, если бы Олжас вознамерился защитить кандидатскую или докторскую диссертацию и встал бы «под знамёна» какого-либо научного светила, он бы и диссертацию с блеском защитил и не имел бы того, как говорят в Одессе, чего не хотел иметь. И все минусы его исследования по «Слову» и «Шумер-наме» превратились бы в плюсы. Так было бы.

Но так, к счастью, не стало. У нас нет диссертации, но зато у нас есть талантливая, взбудоражившая учёных и не учёных книга.

Помните?

«Молодая цветущая Европа, морща носик, рассматривала из окна вагона хромую, согбенную старуху Азию. И мгновенное это соотношение казалось обоим – вечным. Трудно было юной эгоистичной особе поверить, что морщинистая баба-яга некогда была энергичной, дерзкой красавицей. И тяжёлые драгоценности, которые она вынесла к поезду на продажу, украшали когда-то её гибкую шею и бились в скаку на высокой груди. И звонкую речь её слушала древняя Греция и старцы Египта.

Досталось от науки кочевникам. Рваные юрты, грязь и нищета XIX века произвели такое угнетающее впечатление на европейских ученых, что сама мысль о возможности древнейших культурных контактов Степи и Европы казалась кощунственной...»

Это из книги «Аз и Я». Надо ли говорить о том, какой ужасающе нескончаемый путь выбрал Олжас, одним из первых казахов отправившийся «на поиски древних знаков, опозоренных вещей, возвышенных злобой, осенённых выдохом вечности – Словом...»

В науке слова, расщепленные до атома, до сути, не всегда довод. Но ведь есть ещё интуиция, логика, здравый смысл, наконец. Я слежу за мыслью Олжаса, готовый воспротивиться малейшей натяжке и наоборот – передержке. «Рассмотрим случай, – пишет О. Сулейменов, когда неправильная разбивка в “Слове” привела к рождению ложной метафоры. Исследователи, пытаясь поправить Мусина-Пушкина, тратили много энергии и приходили к результатам ещё более курьёзным. Литературное бесчувствие учёных читателей порождает порой чудовищные в своей искусственности образы, не свойственные ни “Слову”, ни литературе в целом». Это, так сказать, преамбула. Олжас предлагает рассмотреть одно из темных мест памятника, фразу: «И с хотию на кровать и рекъ». По-разному её переводят исследователи, но наиболее устоявшийся перевод звучит, по-моему, архиглупо: «И с любимцем на кровать и сказал». Учёного В. И. Стеллецкого мужеложеский вариант шокирует, и он предлагает своё прочтение, не с любимцем, а «с милою на кровать...»

Олжасу ни иронии, ни сарказма не занимать. Он без труда «достаёт» своих оппонентов и пишет: «Этот эпизод просится под кисть. Степь, политая кровью трава; разбросаны тела литовцев с помятыми шлемами. Среди поля широкого стоит деревянная кровать с никелированными шишечками. На ней лежит возбуждённый Изяслав с любимым человеком (признаки пола коего прикрыты фиговым щитом). А вокруг кровати трупы, а на них – вороны...»

Бред, согласитесь, несусветный. Тем более, отмечает далее О. Сулейменов, что «начинательный союз “и” в памятнике всегда употребляется перед глаголом. Исследователь Н. М. Дылевский отметил этот пример как особый: “встречен только один случай с начинательным “и” не перед глаголом – “и с хотию на кровать”».

Довод основательный. Тогда, значит, ошибка переписчика? Неверная разбивка? И то и другое. Олжас предлагает свою разбивку эпического монолита. И, посудите сами, как далека она «от милого на кровати».

*Один же Изяслав сын Васильков
позвонил своими острыми мечами
о шлемы литовские,
«притрепал» славу деду своему Всеславу,
а сам под красными щитами,
на кровавой траве «притрёпанный»*

*литовскими мечами
исходили юной кровью.
А тот сказал: Дружину твою,
князь, птиц крылья приодели,
а звери кровь полизали...*

Олжас заканчивает эту главку точными словами: «Вместо ужасной кровати на поле кровавой битвы, вместо любовника Изяслава – простой, известный фразеологизм, точно вписывающийся в образный строй и стилистику эпического текста...»

Я до сих пор не могу взять в толк: кого обидела, кому помешала, кого посорила книга «Аз и Я»? Да так ли это?

Адольф АРЦИШЕВСКИЙ,

*писатель, поэт, переводчик,
редактор книги «Аз и Я»*

**ВНАЧАЛЕ БЫЛО
«СЛОВО»**

50 лет назад вышла в свет книга Олжаса Сулейменова «Аз и Я». Она перевернула представления о судьбе славянских и тюркских народов в средние века. Власть гневно осудила книгу, но книга была прочитана всеми. Она, сумев расслышать «будущего зов», стала предтечей тех перемен в нашей жизни, которые свершились десятилетия спустя. Мне довелось быть её редактором.

Путь к истине лежит через суд,
через непрерывно заседающий в тебе трибунал мысли.

Олжас Сулейменов

Лицевая сторона медали

В больничной палате нас было человек двадцать, все, что говорится, ходячие, но все спали как сурки – с утра до ночи и с ночи до утра. Потому что каждому дважды в день давали горсть таблеток, треть из которых – снотворное. Я это быстро понял и большую часть таблеток складировал в тумбочке, что рядом с кроватью. Мне спать было некогда.

Близилось 30-летие Победы, а потому «экспрессом» шла вёрстка сборника «Бессмертие» и книг писателей-фронтовиков. Вместе с ней на стол редактора ложились подписные листы книг «Ищу наследство» (мой затянувшийся дебют в литературе) и «Аз и Я». Загвоздка была лишь в том, что редактор, то бишь я, загребел в больницу на обследование. Истощение нервной системы, обострение язвенной, приступы жёлчно-каменной – в общем, малый джентльменский набор, прямое следствие редакторской работы. Сказать точнее, пребывал я и не в больнице даже, а в госпитале, он дислоцировался рядом с парком 28-ми гвардейцев-панфиловцев в бывшем доме генерал-губернатора. Каждый день ближе к вечеру кто-нибудь из корректоров (чаще всего это была незабвенная Марина Иосифовна Кац) приносил мне целую авоську свежей корректуры. Я, путаясь в полах больничного халата, бежал на проходную и отчего-то через забор принимал пухлый «гостинец», переправляя на волю не менее пухлую авоську с корректурой, уже прочитанной и выверенной.

Единственный стол, имевший место быть в палате, я оккупировал, завалив его рукописями и подписной корректурой, сидя за ним всё светлое время суток и ловя порой заинтересованные и даже испуганные взгляды сопалатников (среди которых был, кстати говоря, ещё безвестный тогда наш краевед Владимир Проскурин, тут мы с ним и познакомились).

И вот в одной из палат генерал-губернаторского дома 8 апреля 1975 года была подписана в печать книга благонамеренного читателя «Аз и Я». Как ска-

зал бы сам автор книги, на стене этого дома следовало бы повесить памятную доску, литую из бронзы, дабы увековечить событие, но... стена не выдержала бы, рухнула под тяжестью той доски.

Здесь уместно привести слова писателя Геннадия Толмачёва: мы с ним принимали непосредственное участие в выпуске книги «Аз и Я» (мне довелось быть первым редактором этой книги, а Геннадий Толмачёв был в то время заместителем главного редактора издательства «Жазушы» и, так сказать, был куратором на всех этапах её прохождения в печать). В своей статье «Буря над книгой» он пишет: «Непреходящая и пора сказать, историческая ценность книги Олжаса Сулейменова “Аз и Я” заключается в том, что он одним из первых исследователей доказал, что тесные взаимоотношения Древней Руси и тюркского Поля насчитывают многие сотни лет. Официальная советская наука упорно искала “родственников” на Западе, отмахиваясь от явных следов взаимодействия с Древним Востоком». И как ты не вспомнить известного русского писателя Сергея Маркова: «В великом “Слове о полку”, как буйная трава, вросли в славянскую строку кипчакские слова».

Полагаю, продолжает Толмачёв, что нет нужды спорить с логическими заключениями автора. Они в книге. Но Олжас прав, безоговорочно прав, когда заявляет, что историю мы изучаем по датам начала и окончания войн. А годы добрососедства, дружбы – во мраке. Как-то в разговоре Олжас выдал экспромт: «Кровь – чернила истории». Мирные времена труднее описать, чем войну.

Неоценимая заслуга автора «Аз и Я» в том, что он, привлекая в аргументы тюркские языки, обладая блистательным поэтическим даром, а значит, умением проникать в самую суть слова, приподнял завесу, а порой и прочитал самые туманные и спорные строки великого памятника.

Что было дальше, известно всем. Была экзекуция автора, его принудили к публичному покаянию, редактора сняли с работы без права печататься, оставив без куска хлеба. В сущности, Олжас в одиночку противостоял мощному и беспощадному прессингу советской идеологической машины. Меня поразила рассказ известного литератора Темирхана Медетбека, который в середине 70-х прошлого века работал в Мангыстау и однажды по журналистским делам побывал в тамошней тюрьме. Он случайно заглянул в тюремную библиотеку и обнаружил в одном из углов на полу гору книг Олжаса «Аз и Я» числом около трёхсот – книгу взяли под стражу. Но уже в 1986 году в журнале «Проблемы коммунизма(!)» книга была названа в числе тех немногих предпосылок, что подготовили перестройку, а значит, добавим мы теперь, и суверенизацию Казахстана. И тем более представляется нелепым и чудовищным, что этого человека нынешние ультрапатриоты выставляют чуть ли не национальным нигилистом. Хочется напомнить им слова большого русского поэта Леонида Мартынова: «Олжас Сулейменов, казахский поэт, творящий на русском языке, целиком остаётся поэтом казахским».

Но вернёмся к событиям тех давних дней. Сигнальный экземпляр книги вышел, помнится, в мае, а уж сам тираж почему-то месяцем позже. Процесс редактирования и выпуска книги занял чуть больше девяти месяцев. А потом я почти год писал объяснительные – в различные инстанции, высокие и не очень. Мне казалось, их цель – защитить автора талантливой книги, оградить его от несправедного гнева власть предержащих, а точнее – партийных бонз. Ну, это мне так казалось. По наивности. Чиновничья рать была озабочена вещами более простыми и практичными.

Помнится, 5 мая 1976 меня вызвал к себе в кабинет директор издательства «Жазушы» Абилямажин Жумабаев, человек милейший и в высшей степени интеллигентный. С непонятными заминками и умолчаниями он минут пять говорил о той большой работе, которую мы с ним вели в издательстве и, очевид-

но, ещё будем вести. Слова как бы тонули в вязкой тине. Я слушал директора, пытаюсь уяснить цель разговора. И вдруг понял:

– Мне подать заявление об увольнении?

– Да! – с мучительной готовностью ответил он. И тыльной стороной ладони вытер пот со лба.

– Но... – и тут я схватился за голову. – У меня же идут подписные листы Косенко, Меркулова! И потом... я должен подыскать другую работу.

– Да-да! Конечно. Ищите. Само собой. Сколько вам понадобится времени?

– Думаю, две недели.

– Два часа! – в отчаянии сказал он. – Заявление надо подать в течение двух часов.

– Ну, хотя бы завтра, – пытался я сообразить, что делать дальше.

– Нет-нет. Сегодня.

Всё было просто: готовилось бюро ЦК по крамольной книге, и надо было срочно доложить о принятых мерах.

И ещё один разговор запомнился мне – два месяца спустя, когда я уже был техредом на полставки в «Просторе», когда было велено меня – не пущать, не издавать, не печатать. По совету друзей, забыв завет Булгакова, я пошёл на приём к заведомо культуры ЦК Альберту Устинову. Всё же коллега, тоже писатель – даже стихами балуется. Вон, пьесу написал. Поможет. Должен помочь.

В ЦК я попал впервые. Меня поразили огромные пустые коридоры и такие же огромные и, в общем-то, пустые кабинеты. Альберт Александрович внимательно выслушал, кое-что уточнил, обещал принять меры. И когда я шёл на выход и уже пересёк бессмысленно большое пространство кабинета, он вдруг окликнул меня:

– Пойдите! – в его голосе был промельк человеческого любопытства. – Скажите, когда вы подписывали книгу в печать, неужели вы не понимали, что это за книга? И что будет с вами? – и кроме жгучего любопытства в его глазах проглядывал панический страх.

Не суть важен ответ мой – он прочитывается всей моей жизнью. Важно то, как помог мне Устинов. Как раз шла вёрстка сборника рассказов молодых авторов «Солнца луч». С неимоверным трудом мне удалось пристроить в него два небольших отрывка из моего романа, замордованного, заклёванного в рукописи, окровавленного. Альберт Устинов благословлял «молодых» своей вступительной статьёй. После моего визита к нему он дописал пару страниц досылком. Они были посвящены моей скромной особе. На моём примере наставник показывал молодёжи, как не надо писать. Он добивал лежачего.

Я был мелкой мишенью, очень мелкой. Но и по мне лупили картечью. Можете себе представить, из каких орудий и как били по Олжасу. Он был для них главной мишенью. Очень крупной, очень видной. И били по нему без промаха.

Потом, десятилетия спустя, я часто вспоминал ту минуту, когда подписывал в печать олжасовскую книгу. Часто проходил мимо дома бывшего генерал-губернатора. Дом был ветхий, дореволюционной постройки, но охранялся как памятник старины. Временами его начинали реставрировать, наводя лоск на парадное крыльцо и обновляя стены, но при этом рушился потолок. В том здании было что-то inferнальное, булгаковское, как и во всей нашей тогдашней жизни. Уже с кончиной советской власти оно дважды горело. Руины его долго высились почти в центре города, как памятник эпохи безудержного абсурда и тоже безудержной, но не бессмысленной отваги.

Дом рухнул под тяжестью обстоятельств, исчез. А книга продолжает жить.

Обратная сторона медали

Не буду в тысяча первый раз говорить о значимости книги «Аз и Я». Да, я, быть может, стал первым её читателем, и не просто самым внимательным, но и придирчивым и не таким уж благостным. Книга была откровенно дискуссионной и яростно полемичной. Анализируя святое святых русской литературы «Слово о полку Игореве» и «Задонщину» (но прежде всего «Слово...»), Олжас искал новые точки отсчёта в оценке этих литературных памятников (это я почти дословно цитирую своё ред. заключение), выступал против устоявшихся стереотипов. Было самоочевидно, что книга вызовет возражения специалистов, но именно этого добивался Олжас.

Рецензенты Александр Жовтис и Рашида Зуева (как говорят евреи, «да пребудут их души в Ганн Эдене!») пытались предостеречь Олжаса от чрезмерных перехлёстов в оценках. К тому же, собственно, стремился и я, стараясь убрать налёт фельетонности, особенно в заключительных, наиболее публицистических главах. Например, Олжас включил было в рукопись свой фельетон «Пробный камень», опубликованный в «Комсомолке» и вызвавший ярость у аксакалов из Академии наук. Фельетон, слава Богу, был убран из книги, как не соответствующий духу и стилю столь солидного исследования, хотя копий было сломано немало.

Книга для редактирования была очень сложной. Не говорю уж о том, что редактировать её следовало бы специалисту – лингвисту и литературоведу. Не так-то просто было выверить и по всем издательским правилам оформить многочисленные цитаты из литературных памятников, многие из которых редактору были просто недоступны. Положа руку на сердце, могу сказать, что к работе я отнёсся в высшей степени ответственно. Парадокс, правда, заключался в том, что первые недели две после того, как я приступил к редакции (а она длилась потом 9 месяцев!), меня почему-то не подпускали к Олжасу. Все свои замечания я передавал через заместителя главного редактора «Жазушъ» Геннадия Ивановича Толмачёва и зав. русской редакцией Алтыншаш Каиржановну Джаганову. Но работа пошла настолько всерьёз, было её неуправляемо, и от этой мелочной опеки вскоре, благодарение небесам, отказались, я получил прямой доступ к автору.

Работал я с увлечением, было всё это безумно интересно. К слову сказать, нагрузка у нас, редакторов, была очень большая, порой приходилось вести до десятка рукописей, авторы встречались привередливые. Так вот рабочее общение с Олжасом было весьма корректным и вопреки его твёрдому характеру почти по всем спорным пунктам удавалось прийти к обоюдному соглашению.

Дабы внести полную ясность, скажу, что для меня отправной точкой работы над книгой были слова из аннотации к ней: «Жанр её можно определить так: история глазами поэта. Выводы книги побуждают к спору. Отдельные положения её дискуссионны». То есть «Аз и Я» ни в коей мере не претендует на истину в последней инстанции. Повторю ещё раз: «история глазами поэта». Всё предельно ясно. И для меня до сих пор является загадкой: отчего учёные мужи и вся госмашина всей мощью своей обрушились на книгу и её автора. Ну, а виноват, как всегда, сами знаете кто: стрелочник.

К чести Олжаса должен сказать, что в беде меня он не оставлял, принимая участие в моей нелёгкой литературной судьбе, да и человеческой тоже. Уж не помню, по поводу какой бумаги, в очередной раз подписанной им в защиту моего многострадального романа (я девять лет добивался его издания!), на мой вопрос, что делать дальше, он сказал: «Иди домой и жди. Реакции, – тут же глаза его сузились, он не мог отказать себе в удовольствии отлить пулю. – Разгула реакции».

Книга катком прошла по судьбам многих. Я не знаю, какие санкции были применены к председателю Госкомитета по печати Шерияздану Рустемовичу Елеукунову, его, помнится, сместили на какое-то время с занимаемой должности. Алтыншаш Джагановой и Геннадия Толмачёву, по-моему, вlepили строгач с занесением в учётную карточку. Её «задвинули» на время редактором в газету «Друг читателя», его понизили до должности главного редактора газеты «Огни Алатау». Самого же Олжаса принудили к публичному покаянию. В «Каз. правде» (19.03.77) появилось небольшое письмо за его подписью, где в частности сказано: «Нельзя не согласиться с теми выводами, которые напрашиваются из моих неточных и ошибочных положений». Как пишет Геннадий Толмачёв в статье «Буря над книгой» («Каз. правда», 15.11.03), Олжас писал покаяние не сам, – «инструкторы подсуетились», документ этот ему сочинили бравые ребята из ЦК. Тогда становится понятной та изумительная описка, которая свела на нет всё «покаяние». Ребята действовали по принципу «лучше перебдеть, чем недобдеть», а потому к месту и не к месту употребляли «не» и «ни». В своём рвении в отрицании книги они забыли о том, что оборот двойного отрицания является по смыслу утвердительным, а потому из письма выходило, как вы уже убедились сами по приведённой чуть выше цитате, что Олжас нисколько не жалеет о написании книги, что он не столько обескуражен её выходом, сколько, напротив, преисполнен совсем противоположных чувств. Но впопыхах этот ляп никто, пожалуй, не заметил.

Я был, слава богу, беспартийным и потому недостижимым для партвыскааний. А что могло быть ещё страшнее?.. Отвечу: мне попросту жрать было нечего, мне и моей семье. Я работал на полставки техреда в журнале «Простор» (и то благодаря упорным настояниям Олжаса).

Мать лишь спросила меня:

– Посадят?

– Вроде не должны. Времена не те.

Говорят, Димаш Ахмедович Кунаев – он, кстати, сделал всё возможное, чтобы вывести Олжаса из-под удара – так вот, когда Кунаеву доложили о принятых мерах, он засомневался даже: а надо ли было так вот сразу – увольнять редактора?..

Я получал на руки 41 рубль 50 копеек. И податься было некуда. Затопчут, сотрут в пыль.

Раз в три месяца с женой случалась молчаливая истерика. Выплакав в очередной раз своё бессилие перед системой и судьбой, она тянула лямку дальше, изо всех сил пытаясь меня ободрить. И длилось это больше трёх лет. Потом удалось добиться (опять же с помощью Олжаса), чтобы меня отправили на Высшие литературные курсы в Москву – в почётную, так сказать, двухгодичную «ссылку». Авось, зацеплюсь там. А нет, всё равно за два года позабудется-сгладится.

Ан нет! Не забылось, не сгладилось. И длилось вплоть до той минуты, пока жива была родная наша Советская власть и пока разруливала наши судьбы не менее родная партия, та самая, которая «ум, честь и совесть эпохи». Нет, на работу меня брали, а вот печатать – всё так же не печатали. Издатели шарахались от меня, как от чумного.

Роман мой, наверное, не такой уж бездарный, оказался в заложниках. Мордовали его, как могли! Господи, что с ним только не делали, как его не терзали! Он отличался «лица не общим выраженьем», а потому, наверное, был уязвим. Ну, не сравним он был с бильярдным шаром, где зацепиться-то не за что!.. И главное – кто мордовал? Александр Иванович Егоров – был, был такой

редактор из газетчиков, он даже заведовал редакцией русской литературы. Он написал редзакключение на 18 машинописных страницах, и все эти 18 страниц были обоснованием того, что ни мой роман, ни сам я лично не имеем никакого права на существование в литературе. Кто там был ещё? Ах, да: некто Петровский, некто Шумский... Господи, как же они боялись уже одного упоминания моей фамилии. Виктор Мироглов (царствие ему небесное!), добрейшей души человек. Он «держал» мой роман до упора, до последней своей минуты на посту заместителя главного редактора «Жазушы». Вот он уволился с должности в 9.30 утра, а в 10.00 роман пошёл в набор.

Не думайте, что это не имело никакого отношения к «Аз и Я» – имело. Ещё как имело! То был действительно «разгул реакции». И реакция эта была зримым ответным шагом на ту грозную энергетику, которую излучала книга Олжаса и от которой шарахались, как чёрт от ладана, сильные мира сего – да и бессильные тоже.

Больше всех пострадал ВК – так его звали в кулуарах, так назовём и мы. Он занимал высокую должность в Госкомитете по печати, и я не знаю – какую, меня это мало интересовало тогда, а сейчас – там более. В результате всей этой перетряски он на какое-то время стал заместителем главного редактора по русской литературе в издательстве «Жазушы». Будучи в Госкомитете, он книгу Олжаса не додушил – ну, руки были коротки. Зато теперь зарезал «Искушение Дабира» Мориса Симашко и «Возвращение учителя» Ануара Алимжанова. Он замордовал вконец Тамару Мадзигон (тогда беременную, кстати), рассыпав набор её первой книги. Он, видно, до конца не соображал, с кем имеет дело. Тамара сумела через Москву отстоять свои права, вынудила «Жазушы» вновь набрать свой сборник «Солнечный ветер» и всё же издать его. Правда, это укоротило дни её жизни. Книжки Алимжанова и Симашко сочло за честь напечатать издательство «Советский писатель» в Москве. Естественно, на мой роман ВК наложил строжайшее табу.

ВК был неистощим. Вообще, в его лице Советская власть обрела верного пса-рыцаря, потому что главным постулатом Госкомиздата при нём, как я понимаю, было душить любую более или менее свободную мысль, не «пущать» то, что было самобытным и талантливым.

Не могу забыть: иду через парк имени 28-ми гвардейцев-панфиловцев в обеденный перерыв и вижу – на лавочке сидят ВК и Галина Теплицкая, она только что стала заведовать русской редакцией в «Жазушы». И я просто физически ощущаю – он её «натаскивает», как надо «работать» с писателями. Я помню потрясённое лицо Теплицкой.

Иногда я думаю: почему выбор пал на меня, почему мне поручили быть редактором Книжки? Да потому что я не был заражён этим вирусом хамства, который столь рьяно насаждал в своих подопечных ВК. Я храню его пометки на полях моего романа. О, это редкий документ бестактности и неуважительного отношения к писательскому труду. Беспардонность некоторых издательских редакторов была поразительной. Авторитетов для них не существовало. Не могу забыть, как Иван Петрович Шухов после очередной проработки у редактора с трясущимися от возмущения губами идёт по коридору со своей рукописью в руках. Ощущение было такое, словно не профессионалы пытались издаваться, а шайка наглых графоманов.

Капля солнца в холодной воде

И последнее. Я всей кожей чувствую тепло того давнего ликующего дня июня. Всё пронизано солнцем и зелёным трепетом листвы. Тогда ещё журчали арыки меж тротуаром и проезжей частью Абылай-хана (то бишь про-

спектом Коммунистическим, если кто забыл). «Аз и Я» только лишь родилась. Пока не начались гонения. Желанное будущее (да и нежеланное тоже) было ещё впереди.

Ближе к полудню на тротуаре у Союза писателей вдруг появился столик и рядом – нераспакованные пачки книг, и стопкой на столе – «Аз и Я», ещё пахнущая типографской краской, в белом супере, как невеста. 74 копейки за штуку. Бери, налетай – не хочу!

Книгу брали, потому что это Олжас, а значит талантливо, по крайней мере.

Продажа длилась полчаса – а может, минут двадцать. Купили многие. Потом появились молчаливые люди в штатском, изъяли нераспроданный тираж. Без шума и пыли, как говорил Папанов в «Бриллиантовой руке».

Шум, впрочем, был. Но не потому, что изъяли, а – вот именно! – потому, что успели продать часть тиража. Впрочем, не думаю, что книгу сгноили в застенках КГБ – там, думаю, «в застенках» её расхватали как горячие пирожки. «Свои» же и расхватали. Потом на чёрном рынке за книгу просили тысячу рублей.

А чтобы поставить точку в этой не очень весёлой истории, скажу вот о чём. В 2004 году волею судеб мне довелось побывать в Париже. От имени моих замечательных шефов я должен был вручить скромный подарок одному из самых богатых людей нашей республики. Он отмечал свой юбилей в «Буддо-баре», что близ Лувра, а затем в «Лидо» на Елисейских полях. Первый же знакомый, которого я встретил у входа в «Буддо-бар», был Олжас:

– О! Адольф, а ты что тут делаешь?

– То же, что и ты.

В «Лидо» он вновь удивился:

– А откуда у тебя смокинг?

– От лучшего портного Алматы.

Со мной была моя книга стихов, и я маялся в сомнениях: кому её подарить? Тамаре Гварцители или Ларисе Долиной? Так к ним и не пробьёшься за кулисы. Геннадию Хазанову, он за соседним столиком? Но, спрашивается: зачем ему мои стихи?..

В четыре утра, когда веселье выдохлось, я вновь увидел Олжаса – он пробирался к выходу. «Тоже уходишь?» – спросил он меня. Мы вышли из «Лидо». Елисейские поля сияли, словно сказочный сон. К нам подошла нищенка – «мадам клошар»:

– Месье?

Нищета её выглядела опереточной. Очевидно, так оно и должно быть в Париже. Олжас одарил её крупной купюрой. А я вручил ему свою книгу стихов: «Олжасу. Адольф. Париж, 24 февраля 2004 года».

Игорь КРУПКО,

*доктор философии, заместитель
директора по науке и внешним связям
Международного Центра сближения
культур под эгидой ЮНЕСКО*

Народ меняется в полвека. Не меняется гений. Его книге – 50 лет. Кому ещё из авторов довелось при жизни увидеть юбилей своей книги? Книги, испытавшей право казахской культуры говорить с миром на равных.

ИСТОРИЯ КНИГИ ВЕКА

...Да, мы не забываем никогда
свои тысячелетние обиды.
Великие сжигали города,
не ведая, что летописец видит.

Вселенную наискосок прошли,
оставив рваный след меча на карте –
о них потомки в хрониках прочли,
в учебниках, разложенных на парте...

О. Сулейменов, 1969 г.

Под грифом «секретно»

«...Считаем необходимым проинформировать ЦК КПСС о серьезных идеологических ошибках, допущенных в книге О. Сулейменова “Аз и Я. Книга благонамеренного читателя”. Она вышла в 1975 г. в издательстве Союза писателей Казахской ССР “Жазуши” (тираж – 60 000 экз.). Автор книги – известный поэт, выпустивший несколько стихотворных сборников в Казахстане и в Москве, секретарь правления Союза писателей республики, лауреат премии Ленинского комсомола, Государственной премии Казахской ССР...» (РГАНИ, ф. 5, оп. 68, д. 420, л. 11).

Так начинается дело № 420, хранящее в Российском государственном архиве новейшей истории под грифом «Секретно» (ныне рассекречено) документы Отдела пропаганды ЦК КПСС – свидетельства неожиданного интереса идеологического руководства СССР к новой книге казахстанского поэта, которую спустя 11 лет американский журнал «Проблемы коммунизма» назовет в числе 5 произведений, подготовивших сознание советских граждан к Перестройке (наряду с «Архипелагом ГУЛАГ» А. Солженицына) (Снегирев, 2020).

Результатом этого интереса стала прокатившаяся в 1976 году по Советскому Союзу ударная волна идеологического осуждения и обсуждения книги «Аз и Я», отзвуки которой отчетливо прослушиваются и сегодня – спустя полвека. Разобраться в идеологических и социокультурных причинах такого внимания «самой читающей страны» к произведению подобного жанра (лингво-исторический детектив, где главными героями являются народы, культуры и идеологии) помогут новые архивные документы, а также нарративные источники, исследованию которых посвящена наша статья.

(Процитированная записка в Госкомиздат сама содержит ошибки: 1) ко времени её подачи тираж книги составлял уже 160 000 экземпляров; 2) курьёз правописания на стыке двух языков – в наименовании записки казахское на-

звание издательства «Жазушы» было «исправлено», согласно правилам русской грамматики: «жи-ши» через «и» – «Жазуши». По воспоминаниям издателей, на осуждении книги в Академии наук СССР 13 февраля 1976 г. кто-то сгоряча поставил и эту «ошибку» в укор казахстанским писателям, «незнакомым» даже с элементарными правилами русского языка.

В XX веке в СССР разгорелось несколько больших идеологических дискуссий, всколыхнувших сознание большинства представителей мыслящей прослойки «страны великого читателя». Обсуждение книги «Аз и Я», преодолевшей многие научные запреты, канонизированные в ходе идеологических дискуссий 1920-1950-х гг., и определившей на десятилетия вперёд нарративы обретения исторической субъектности для национальной интеллигенции постсоветского мира, вошло в интеллектуальную историю XX века. Ведь кроме конкретно-фактологического уровня, книга дарила читателю самим стилем своего изложения, а где-то и прямым текстом – недостижимое, но столь привлекательное сомнение познания, ставшее главной мишенью последующих обвинений автора со стороны идеологических охранителей.

Так казахстанский поэт на языке филологической иронии и новой этимологии начал дискуссию о природе исторического знания, испытывающего «насилие патристического подхода» и роли идеологии в науке, о «темных местах» в «Слове о полку Игореве» и в травмированной исторической памяти народов СССР, о преодолении культурной травмы «внеисторичности» пост-кочевых народов и взаимозависимой истории мира.

«Аз и Я» содержит множество сюжетов и тем (расшифровка «темных мест» «Слова о полку Игореве» с помощью «невидимых» для одноязычного читателя тюркизмов, обнажение парадоксов имперского литературоведения, семиотика первоначал древних культур, исследование тенгрианства, открытие Шумера и мн. др.), однако их подробный анализ не входит в задачи нашей статьи. Мы остановимся лишь на тех вопросах, которые позволят лучше понять причины и ход идеологической дискуссии вокруг единственной в истории казахстанской книги, затронувшей сознание настолько широкого читателя (от советских диссидентов до Генерального секретаря ЦК КПСС, от академиков и писателей до руководства КГБ и западных советологов).

«Когда моё “я” коварно ускользает от меня»

За прошедшие полвека было написано множество работ, авторы которых осмысливали «Книгу благонамеренного читателя» в попытках освоить тот эвристический и экзистенциальный потенциал научной и творческой свободы, заложенной в парадоксах этого самого откровенного произведения Олжаса Сулейменова.

Удивительно, как одна книга породила целый калейдоскоп полярных идеологических интерпретаций и среди «литературоведов в штатском» антисулейменовской кампании 1975–1976 гг., и в работах поздних благонамеренных исследователей. И если в годы идеологической травли автор одновременно обвинялся в пантюркизме, сионизме и скептицизме, то в позднем историографическом мультIVERсе «Аз и Я» исследуется как лингвофилософский трактат национального самосознания тюркских народов, духовная автобиография мыслителя на границе культур, интеллектуальный дебют деколонизального поворота интеллигенции Центральной Азии и даже манифест евразийства. Интерпретации отражают образ мыслей своих авторов, как когда-то отрицательные рецензии отражали все фобии и «измы» советского общества. В «Аз и Я», как в зеркале искусства, читатель видит себя: в историческом «Аз» – ускользающее «я».

В некоторых работах положения книги рассматриваются исследователями как продолжение интеллектуальной истории евразийства (Должиков, 2019).

Однако, в статье «Аз и Я» Олжаса Сулейменова в контексте евразийского дискурса» И. В. Лихоманов и В. А. Бойко ставят под вопрос взаимосвязь культурно-исторической концепции её автора с евразийской идеологией 20–30-х гг. XX в. (Лихоманов, Бойко, 2020). Отметив ряд сходных фактологических параллелей, они всё же приходят к выводу о принципиальном идеологическом различии двух интеллектуальных традиций: если корни изначального евразийства начала XX века исследователи определяют в пост-имперском политическом реваншизме части российской элиты, то евразийство Сулейменова – это преодоление пост-имперских иерархий и поиск казахстанской интеллигенцией исторической субъектности в лабиринте взаимозависимой истории Евразии на маршрутах к общечеловеческому будущему.

По мнению исследователя Л. Г. Фризмана, книга подверглась остракизму за весьма привлекательный опыт свободной мысли, отрицающей идеологический надзор и внутреннюю цензуру: «расправа с ней, стала органической частью тотальной борьбы с любыми проявлениями инакомыслия» (Фризман, 2002: 387). А оно в книге явлено с предельной откровенностью, подчас недоступной даже современным историкам. Выражая скепсис по отношению к «патриотической» версии содержания «Слова», канонизированной академическим сообществом, казахстанский поэт деконструировал один из самых сакральных текстов советского и русского этноцентричного канона исторической памяти. Иными словами, посягнул на «святая святых» – мета-текст русского патриотизма, фрагменты которого заучивались наизусть в школах. Афоризм из книги, впоследствии процитированный в многочисленных критических статьях и доносах: «Если бы математика и физика испытали такое насилие патриотического подхода, человечество и сейчас каталось бы на телеге» (Сулейменов, 1975: 16).

В этом и кроется ответ на вопрос Афанасия Мамедова в дискуссии об «Аз и Я»: «Почему книга, в которой ничего не говорится о диссидентах, сталинских лагерях и психушках, книга поэта о «Слове» вошла в знаменитую пятёрку книг, которые подготовили перестройку сознания советского человека?» (Глостанова, 2018). В ней воплотилась авторская поэтика деконструкции и реконструкции исторических начал, выбравшая в 1970-е годы мишенью своей мета-иронии и этимологического анализа основу самосознания русской письменной культуры (Рам, 2001). Тем точнее было определение, данное автором «Аз и Я» всей академической историографии по главной проблеме двух веков изучения «Слова о полку Игореве» – проблеме подлинности письменного памятника: «На поле – одна команда и вся состоит из защитников. Нападающие давно ушли в раздевалку. Команда имитирует яростную борьбу с жупелами – игра в футбол по телефону» (Сулейменов, 1975: 16).

Наоми Кафе, литературовед и исследователь славянских языков и литературы, профессор (Рид-колледж, США) в статье «Между Первым, Вторым и Третьим Мирами: Олжас Сулейменов и советский постколониализм» (Кафе, 2020) называет его архитектором постколониальной казахской идентичности. Исследуя его переход от космической темы к лингво-истории «Аз и Я» в 1970-е годы, она пишет о том, как поэт: «собрал воедино огромный массив информации по древней тюркоцентричной культуре и лингвистике, связывая казахстанские степи и их обитателей с такими культурами, как древняя Месопотамия» (Кафе, 2020). Автор права в том, что все эти явления нельзя рассматривать вне идеологического контекста «шестидесятничества», «оттепели» и социокультурных процессов постколониального мира, в которых Олжас Сулейменов в 1960–1970-е годы принимал активное участие в должности заместителя председателя Советского Комитета солидарности со странами Азии и Африки (Сулейменов, 2023).

По мнению исследователей, последовавшая реакция на книгу со стороны руководства страны также отражает противоречия между позднесталинист-

ским идеологическим каноном (этноцентризм, имперскость, «одёргивание национальностей») и «левым ренессансом» недолгой оттепели, символизируемой XX-м съездом КПСС (1956), поддержкой освободительного движения в странах Азии и Африки, Всемирным фестивалем молодёжи в Москве (1957) и полётом в космос Юрия Гагарина (1961), воспетом в поэме «Земля, поклонись человеку!». Процесс мгновений творческого освобождения и сближения культур был явлением общепланетарным, но «советская его разновидность имела специфические отличия, обусловленные сохранявшимся тоталитарным характером политического режима» (Лихоманов, Бойко, 2020: 141), (Добренко, 2020), (Абылхожин, 2020). В эпоху позднего сталинизма (1946–1953 гг.), оказавшегося намного более долговечным, чем биологическая жизнь его демиурга, у идеологического руководства СССР и у М. Суслова, в частности, (куратора идеологической кампании против «Аз и Я») уже был опыт обсуждения «проблемных» исторических произведений казахстанских авторов. Так, например, в Докладной записке Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) секретарю ЦК ВКП (б) М. А. Суслову о спорных вопросах в освещении истории народов Средней Азии г. Москва за октябрь 1949 г. говорится, что в научных трудах, в которых освещается роль русского завоевания Средней Азии, нередко проявляются буржуазно-националистическая концепция «абсолютного зла» или великодержавная концепция «абсолютного блага» (Докладная записка, 1949: 182).

Исследователь деколониальных процессов процессов в Центральной Азии Мадина Тлостанова, исследуя «Аз и Я», называет её первым деколониальным манифестом казахстанской культуры в условиях советской национальной политики в процессе поэтического и этимологического преодоления культурных иерархий (Тлостанова, 2018: 88–109).

Мы в своих работах также обращали внимание на главный фактор появления такого рода интеллектуальных устремлений в казахстанской гуманитаристике (в меньшей степени) и искусстве (в большей) второй половины XX века. Культурная травма, вызванная, длительным процессом формирования в советском седентаристском нарративе казахской национальной интеллигенции, усвоившей травмирующие тезисы о регрессивности кочевой культуры, отражалась в её произведениях. С середины XX века часть национальной интеллигенции, самым ярким представителем которой был и остаётся Олжас Сулейменов, включается в активный процесс открытого преодоления этих иерархий и идеологических приоритетов в диалоге, творческом поиске и пере-изобретении образов своей исторической субъектности (Крупко, 2023).

В 1976 году, в разгар идеологической кампании по осуждению «Аз и Я» в Академии наук СССР, на заседании Бюро ЦК Компартии Казахстана, в печатных и непечатных выступлениях, из журнала «Простор» была изъята статья Мурата Ауэзова «Осенённый выдохом вечности», посвящённая анализу «Книги благонамеренного читателя». В ней молодой кандидат филологических наук, сын классика казахской литературы и начинающий общественный деятель обозначил центральный ценностный нерв главного памятника древнерусской литературы, восстановленный благодаря межкультурному прочтению «Аз и Я»:

«Очищенное от наслоений, «Слово» предстаёт монолитным произведением высокого драматического звучания. Общечеловеческое значение его имеет центральная, как убедительно показывает Сулейменов, нравственная проблема: “свой не прав” (!). Это редчайший в мировой литературе Средних веков случай преодоления этнических пристрастий, пойти на которое мог действительно гениальный художник, любящий свой народ как частицу рода человеческого» (Ауэзов, 2006). Здесь необходимо отметить, что проблема “свой не прав” действительно является непредставимой для группоцентризма аграрно-традиционного сознания, структурной модификацией которого являлся и его советский идео-

логический аналог (Абылхожин, 2020), поскольку был базовым производным от типа сознания социально-демографического большинства населения СССР независимо от этничности. В этом заключается одна из социокультурных причин столь яростного осуждения книги «Аз и Я», о чем подробнее будет сказано далее.

Вскоре после изъятия ауэзовской статьи из печати, таким же образом, в рамках антисулейменовской кампании, был изъят и уничтожен на типографском приборе «Гильотина» трёхтысячный тираж научного сборника «Эстетика кочевья» Института философии КазССР под редакцией Мурата Ауэзова.

Неслучайна и точна характеристика, данная книге Афанасием Мамедовым, под которой, мы убеждены, подписались бы все её мыслящие читатели: «Я возвращаюсь к ней всякий раз, когда моё “я” коварно ускользает от меня» (Тлостанова, 2018).

Право «последнего слова» после приговора историков

В статье «Кочевники и культура: казахский эксперимент» 1977 г., опубликованной в журнале ЮНЕСКО «Культура», спустя всего год после идеологической кампании против книги и изъятия значительной части её тиража, Олжас Сулейменов продолжил атаку на седентаристскую идеологию исторических нарративов:

«Кто такой кочевник? Для ума, воспитанного историческими трудами, кочевники – это скитающиеся орды, которые не имели никакого понятия о границах или о собственности на землю. Исчезали с лица земли города, имевшие несчастье встать на их пути, и повсюду, где они проходили, оставалась пустыня. Они не были знакомы ни с моралью, ни с правом. И, естественно, не ведали таких высоких категорий, как вера, честь, совесть, любовь...

Я выступаю как осуждаемый кочевник, который требует права последнего слова после приговора, вынесенного историками» (Сулейменов, 1990: 38).

В «Аз и Я» автор потребовал этого слова, исследовав и обозначив в переплетении мировой истории линию культурного развития тюркского номадизма, в разные периоды влиявшего не только на военно-политическую, но и на культурную историю мира. Поэт исследовал альтернативную идеологическим установкам исторических нарративов историю человеческой мысли, воплощённую, не менее чем в других, в знаках неопредмеченной культуры кочевников. Конечно, многие подлинные учёные, глубоко занимавшиеся вопросами тюркской истории, ещё с конца XIX века преодолевали седентаристские и европоцентристские предубеждения против объекта своего исследования (Потанин, 1893; Радлов, 1989). Но в нарративах исторической памяти, среди широкого читателя, в сфере общественного сознания такая иерархия культур, типов хозяйства и исторического «превосходства» доминировала всецело.

Олжас Сулейменов деконструирует пост-имперские иерархии идеологически выстроенных знаний о кочевой культуре одновременно на фактологическом (денотативном) и историософском (коннотативном) уровнях. Это прослеживается даже в реконструкции фразы о событиях «Слова», описывающей как после поражения от половцев князь Игорь был вынужден пересечь «из седла злата в седло кощиево» (Сулейменов, 2013) и кочевать с половцами. Этим примером поэт заинтересовался после изучения диспута членов императорской Академии Корша и Мелиоранского, посвящённого выяснению происхождения термина кощий в «Слове». И с общим выводом учёных: кощей, по мнению академиков, произошёл от слова кощичи – «раб», принесённого в Древнюю Русь одним из тюркских наречий.

Поэт уточнил перевод древней фразы, предложив этимологию слова «кощий» от архаического «кошши» – «кочевник» (тюрк.) Такой перевод «пересел из седла злата в седло кочевника», конечно, был намного логичнее, учитывая,

что Кончак, в чьё седло пересел Игорь, был ханом и сватом князя. Именно это оказалось праформой древнерусского названия представителя «Дикого поля», фигура которого в эпоху «трёхсотлетнего ига» обрела сказочную фигуральность. Так представления о неистребимом кочевнике нашли воплощение в образе Кошция (Кощея) Бессмертного, наложившись на фольклорные архетипы.

Отрицание определения «раба» даже на уровне ошибок перевода древнего текста становится одним из способов обретения исторической субъектности пост-кочевой культурой.

Одной из неосознанных до сих пор проблем этого семиозиса стала, опровергаемая в «Аз и Я» и в более поздних книгах автора, согдийская теория генезиса тюркской письменности, оформившаяся в первой половине XX века и отражающая всё тот же седентаристский взгляд на тюрков-кочевников. Древне-огузский или древнетюркский, как его называли исследователи до Первого тюркологического конгресса (Баку, 1926 г.), считался заимствованным в V в. н.э. у согдийских торговцев, чьи караваны из Средней Азии доходили до монгольских степей (несмотря на то, что в согдийском и древнетюркском алфавитах была только одна совпадающая буква – **М** (h)). Однако, в рамках седентаристской картины мира, турки-кочевники были «неспособны» изобрести свою письменность самостоятельно (Сулейменов, 2002). Некоторые современные исследователи подтверждают это сомнение, обращая внимание на множество описательно-изобразительных и ассоциативно-мнемонических знаков, которые могли стать основой для первых логограмм, а также то, что в тюркское письмо вошли некоторые древнейшие символы, содержащие родовую, магическую и космогоническую семантику (Маничкин, 2023).

Материалы таких идеологических дискуссий позволяют исследовать, как советская иерархия культур, нацеленная на «научение этничности» сформировала у представителей этих культур травмированную субъектность преодоления своей «тушиковой исторической роли», навязанной седентаристской историографией.

Такие примеры позволяют исследовать диалектику внутренних границ такой исторической субъектности, балансировавшей в седентаристской ловушке между представлениями о примордиальной неспособности к историческому созиданию (согдийская теория изобретения письменности, стигматизация кочевников как предначальных варваров и т. п.) и освоением культурного наследия городов Центральной Азии, оказавшихся на территории КазССР.

В идеологическое основание пост-имперской архитектуры первого в истории государства всеобщего братства была заложена иерархия разрушительного неравенства с хронометром на десятилетия творческой несвободы.

В самой откровенной главе осужденной книги «Аз и Я» под названием «Право на ошибку» Олжас Сулейменов возвращается к определению «раба» (в чем легко можно усмотреть *subaltern studies*), предельно честно определяя роль творца в условиях идеократии: «...Здесь я ни от кого не завишу, здесь интересно быть рабом...» (Сулейменов, 1975: 196).

О том, как чутко идеологическая система реагировала на подобные откровения и естественные требования исторической справедливости в попытках разобраться в своём прошлом и настоящем, неотделимом от истории мира, свидетельствует мощная кампания, развернувшаяся в 1975–1976 годах. Автора и издателей книги, кроме строгих выговоров, двух публичных осуждений (первое – в Академии наук СССР, второе – в ЦК Компартии Казахстана) и многочисленных критических публикаций в журналах и газетах, от более серьёзных последствий спасла активная позиция первого секретаря ЦК КП КазССР Д. А. Кунаева, заручившегося поддержкой Брежнева в противостоянии с секретарём ЦК по идеологии – М. Суловым, и сохранившего не только опального автора и коллектив, издавший книгу, но и себя как руководителя самой интерна-

циональной республики, наречённой «лабораторией дружбы народов» (Кунаев, 1992), (Сулейменов, 2023).

4 февраля 1976 года в Алма-Ате прошел съезд Компартии Казахстана, где Олжаса Сулейменова избрали кандидатом в члены ЦК. Сразу после этого избрания применять жесткие репрессивные меры ЦК КПСС уже не мог (во избежание «нарушения партийной этики»). Суслов был вынужден перевести осуждение на уровень Академии наук СССР. Однако волна обсуждений уже захлестнула «страну великого читателя», вплоть до её высшего руководства из самых разных профессиональных сфер.

В записке, хранящейся в РГАНИ, секретарю ЦК КПСС М. В. Зимянину заместитель министра иностранных дел СССР В. Семенов писал: «Фактически это настоящая вылазка националистического, пантюркистского характера, направленная против линии КПСС в области дальнейшего укрепления дружбы народов и советского патриотизма. О. Сулейменов пишет, что у него имеются “последователи” среди писателей Казахстана. Возможно, это нацелено на сколачивание диссидентов-националистов» (РГАНИ, ф. 5, оп. 68, д. 420, л. 11).

В записке в Отдел пропаганды ЦК КПСС Председатель Госкомиздата СССР Б. И. Стукалин подробно обозначил и описал все идеологические «ошибки» О. Сулейменова (от 26 ноября 1975 г. №354/18). Возмущение у идеологов вызывало то, что автор поставил под сомнение трактовку памятника как древнего патриотического эпоса и «пытается утверждать, что патриотизм несовместим с объективным научным исследованием» и о «насилии патриотического подхода»), а также о «болоте патриотических научных произведений». Председатель Госкомиздата выразил опасение в том, что книгой могут заинтересоваться «различные антисоветские центры за рубежом» (РГАНИ, ф. 5, оп. 68, д. 420, л. 11), чтобы критически осветить национальную политику в СССР. Бдительный Стукалин называет фамилии всех, «виновных» в положительной оценке выпущенной книги: научные рецензенты и журналисты: Р. Зуева, С. Штейнгруд, В. Злобин, Джукбаев и Владимиров (РГАНИ, ф. 5, оп. 68, д. 420, л. 11; Зуева, Штейнгруд, 1975).

Отдельное оскорбление, по мнению председателя Госкомиздата, было нанесено Олжасом Сулейменовым Карлу Марксу, в своё время писавшему, что «суть поэмы – призывы русских князей к единению перед нашествием монгольских полчищ» (РГАНИ, ф. 5, оп. 68, д. 420, л. 11). Поэт сравнил это утверждение с «универсальной отмычкой», которой поколения учёных с молодости пользуются, чтобы открыть нужные им двери.

Возмущение у автора этой записки вызвала оценка историков и тюркологов, данная Олжасом Сулейменовым, убеждённым, что они «не могут удержать свои портки без помочей преданного ученичества и без конца глухо и слепо повторяют оскорбительные истины благообразных учителей своих» (Сулейменов, 1990: 535).

Именно эти люди плотным строем пришли 13 февраля 1976 года в здание Отделения общественных наук Академии на Волхонке, чтобы осудить научные и идеологические ошибки автора – 47 академиков, членкоров и докторов наук. Автора сопровождали Санжар Жандосов – заведомо науки ЦК и Геннадий Толмачев, зам. главного редактора издательства «Жазушы».

Обсуждение открыл академик Б. Рыбаков: «Товарищи, в Алма-Ата вышла яростная антирусская книга под названием “Аз и Я”. Вы все её прочли. Присутшим к обсуждению» (Сулейменов, 2023: 56).

Всего, согласно Докладной записке, выступило 17 докладчиков. К слову, Д. Лихачёва – главного специалиста по «Слову» – на обсуждении не было. Возможно, он, понимая характер предстоящего мероприятия, не решился участвовать в нем, помня о собственном опыте осуждения, но прислал достаточно сдержанный отзыв (Лихачёв, 1976).

Обсуждение длилось с 9 до 18 часов. Когда в конце автору предоставили право «последнего слова», он ответил, что согласен с некоторыми замечаниями оппонентов, но не со всеми. И категорически не приемлет оценки, данной академиком Рыбаковым: «Вся моя книга – это признание в любви к “Слову”, к русской культуре, к которой я сам принадлежу большей частью своего воспитания и образования. Сожалею, что вы этого не увидели в книге, уважаемый Борис Александрович. Некоторые люди привыкли, что в любви надо признаваться – стоя на коленях» (Сулейменов, 2023: 56).

В этом эпизоде отражается конфликт вокруг иерархии этнократически выстроенного государства с пост-имперским центром и идеологическим наследием сталинизма с его патерналистской идиллией «старшего и младших братьев».

Одной из базовых социокультурных причин, вызвавшей столь острую полемику, видимо, являлась, по выражению Абылхожина Ж. Б., «инерция стереотипов аграрно-традиционного, общинно-крестьянского сознания» (Абылхожин, 2020), бывшего преобладающим среди демографического большинства СССР, включая многих руководителей советского государства, идеологических функционеров и даже учёных (тот же академик Рыбаков, к примеру, вырос в русской старообрядческой семье). Воспринятая как символический социальный ресурс, коммунистическая мораль и декларируемый интернационализм не могли преодолеть импринтинг первичной социализации аграрно-традиционных ценностей, включая группоцентристские приоритеты, которые не подавлялись, но переключались на другой уровень групповой идентификации, а порой, если идеологическая обстановка позволяла это, могли и вырываться наружу в этноцентристской форме. Всё это отражалось в критических статьях и рецензиях, смешиваясь с «научными» аргументами (Кузьмин, 1975; Дмитриев, Творогов, 1976).

Отдельный интерес представляет рецензия на «Аз и Я» Льва Гумилёва. В ней Гумилёв пишет не столько о самой книге, сколько иронизирует по поводу разгоревшегося в академическом сообществе скандала, кратко обращаясь к теории этногенеза и критикуя критические рецензии на «Аз и Я» (Гумилёв, 1975). Вероятно, в число самых одиозных рецензий на книгу входит статья одного из «духовных вождей» писателей-почвенников Ю. Селезнёва, сравнившего «Аз и Я» с «Майн кампф» и завершившего статью глубокомысленным «прозрением»: «Трудно сказать, найдёт ли в себе О. Сулейменов достаточно сил и таланта, достаточно духовной зрелости, чтобы понять причины и следствия своего «мифосоцидания», чтобы осознать, куда оно ведёт и кому оно выгодно» (Селезнёв, 1976; Огрызко, 2013). Писатель, переводчик, председатель Союза русскоязычных писателей Израиль Давид Маркиш писал об идеологическом осуждении «Аз и Я» и её автора так: «будь на месте Олжаса русский человек, “свой” – такой скандал не разразился бы: ну, пожурили бы “охальника”, указали бы на ошибки... А тут половец, древний степной вражина, замахнулся на святое» (Маркиш, 2016).

Кроме того, важно учесть, что, несмотря на усложнённую идеологическую доктрину, в социокультурном отношении советская субъектность являлась, согласно Ж. Б. Абылхожину, «по-социалистически превращённой формой сознания аграрно-традиционного типа» (Абылхожин, 2020) с таким характерным для него признаком как агрессивный коллективистский конформизм, для которого, повторимся, постановка проблемы «свой неправ» или хотя бы сомнение в том, что «свой всегда прав» находится за гранью реальности.

Также в докладной записке об итогах обсуждения «Аз и Я» на совместном заседании Бюро Отделения литературы и языка и Бюро Отделения истории СН СССР особое внимание было уделено критике «чуждой нам, интернационалистам, фразеологии и символики в отношении “исторической миссии” еврейского народа» (основанной на нескольких историко-лингвистических комментариях Олжаса Сулейменова к исследованию некоторых поздних семитских знаков

Древней Передней Азии и истории Хазарского каганата) и обвинениям автора книги в сионизме (АРАН, ф. 457, оп. 1, д. 674, л. 133), по-видимому, здесь в авторитарном сознании критиков активизировалось сталинистское идеологическое наследие «борьбы с безродным космополитизмом», а кроме того, усилившейся после арабо-израильской Шестидневной войны 1967 г. антиссионистской пропаганды.

Во второй половине 60-х – начале 70-х годов XX века в практике советской идеологии усилились консервативно-охранительные рецидивы. Сгушавшаяся субстанция авторитарного единомыслия всё увереннее растворяла в себе акварельные миражи творческих надежд, угаданных шестидесятниками в небе гагаринской высоты и отражённых в лужах хрущёвской оттепели. Осторожно возвращался к жизни крипто-сталинизм.

Авторитарное сознание, выращенное десятилетиями тоталитарной селекции по принципу «мы» и «не мы» проявилось в идеологических дискуссиях вокруг книги «Аз и Я». Об этом говорят не только критические рецензии учёных, чьё раздражение мысли и необходимость аргументированного диалога вызвала книга, но и многочисленные гневные письма в редакции и лично автору, а также публикации в газетах и журналах, клеймившие поэта «с чувством глубокого удовлетворения».

В открытом письме Д. А. Кунаеву и Членам Бюро ЦК КП Казахстана 17 июня 1976 года Олжас Сулейменов приводит такие факты:

«...Одни уподобляют меня печатно “скотине, допущенной в русские древности”, другие непечатными словами уличают меня в том, что я “продался русским за комсомольские премии”»...

...Пишу эти слова с полным осознанием того, что с течением времени они будут восприниматься как человеческий документ нечастного значения...» (Сулейменов, 1990: 589).

В документе от 22 июля 1976 г., направленном в ЦК КПСС за подписью Зам. зав. Отделом пропаганды ЦК КПСС Г. Смирнова, Зав. Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС С. Трапезникова и Зав. Отделом культуры ЦК КПСС В. Шауро, кроме прочего, Сулейменов обвинялся в том, что им «история взаимоотношений тюркских племён с другими народами рассматривается односторонне, с крайне объективистских позиций» (РГАНИ, ф. 5, оп. 68, д. 420, л. 27). Возможно, здесь имелись в виду «субъективистские» позиции поэта, но и в такой словоформе, случайно вышедшей из-под соцреалистического пера идеологического клерка, это обвинение выглядит в высшей степени характерно.

Осуждение книги продолжалось не только в научной и идеологической публицистике, но и в художественной литературе. Например, в романе писателя-почвенника Василия Белова «Всё впереди» (Белов, 1993).

В то же время, несмотря на столь мощную идеологическую кампанию, некоторые критики всё же признавали за автором право на правоту. Даже в Записке в Госкомиздат говорится, что некоторые положения автора представляются оправданными. В частности, о «недостаточной изученности истории культуры тюрко-язычных народов, тюрков-тенгрианцев, кипчаков, хазар» и их роли «в противодействии агрессии арабов, а позднее татаро-монголов в районы Восточной Европы» (РГАНИ, ф. 5, оп. 48, д. 420, л. 2). Также была признана справедливость авторской оценки характера «феодалных распрей на Руси в XI–XIII вв., когда место того или иного князя, а также участвовавших в этих распрях половцев определялось не противоборством Руси со «степью», а критериями междоусобной борьбы» (РГАНИ, ф. 5, оп. 48, д. 420, л. 3).

Поэта поддерживали К. Симонов, Э. Межелайтис, Р. Рождественский, многие литераторы из Азербайджана, Литвы, Эстонии и других республик. Широко известна оценка первого секретаря Азербайджанской ССР Гейдара Алиева, прозвучавшая на встрече советских литераторов с руководством Азербайджана: «Олжас нужен не только казахам, но и всем тюркам!» (Сулейменов, 2023).

В дискуссии (не публично) приняли участие и руководители КГБ. По воспоминаниям Олжаса Омаровича, после завершения одного из писательских пленумов в 1976 году к нему подошёл незнакомый человек в штатском и попросил пройти «к Филиппу Денисовичу». Так Олжас Сулейменов познакомился с руководителем Пятого «идеологического» управления, а затем и зампредом КГБ Филиппом Бобковым, который в разговоре сообщил, что он и его сотрудники «внимательно изучили книгу и не обнаружили там ничего плохого. Возможно, там содержатся какие-то спорные или ошибочные суждения, но они вне нашей компетенции. Это дело науки» (Снегирёв, 2020: 179).

Книга не переиздавалась до 1990 года. На гонорар, полученный за второе издание «Аз и Я» тиражом 200 тысяч экземпляров, Олжас Сулейменов купил и подарил 8 однокомнатных квартир студентам – участникам декабрьских событий 1986 года, возвращавшимся из тюрем (освобождённым благодаря Олжасу Омаровичу).

Со временем некоторые положения книги постепенно вошли в академический нарратив, обогатив не только «словистику», но и другие гуманитарные дисциплины, «благоразумно забыв о своём происхождении». А признанная сейчас большинством лингвистов ностратическая теория исторического языкознания пришла к выводу о происхождении тюркской и индоевропейской «языковых ветвей» из единого «древа» (Преображенский, 2018).

Творец памяти мира

Так обсуждение и осуждение книги «Аз и Я» породило одну из самых ярких и интересных идеологических дискуссий вокруг исторических знаний, в ходе которой решались не только научные проблемы, но судьбы людей и возможное будущее идеологической ситуации в Казахской Советской Социалистической Республике. Книга стала многоуровневой расшифровкой «тёмных мест» «Слова о полку Игореве», затем – происхождения слова и знака как мультикультурного логоса, а на этапе обсуждения – отражением идеологических противоречий эпохи. Несмотря на абсурдность предъявлявшихся автору обвинений 1975–1976 гг., проанализированных нами в статье, подобная реакция идеологической системы была в высшей степени характерна и являлась зеркальным отражением радикального эпистемологического прорыва, произведённого в книге. Важность осмысления идейного наследия той интеллектуальной традиции, воплотившейся в работах нескольких ярких фигур, самой значительной из которых был и остаётся Олжас Сулейменов, заключается в том, что современные попытки заимствовать и развить в казахстанской гуманитаристике деколониальную и постколониальную повестку, активизировавшиеся за последние 10 лет – выглядят малопродуктивно, поскольку заимствуются через внешнюю рецепцию – как интеллектуальная мода, накладываясь на культурные травмы и прежние архетипы массового сознания, вместо того, чтобы изучить и воспринять интеллектуальный опыт прошлых десятилетий и идеологических дискуссий, аргументы, логика и парадоксы которых повторяются в новых постсоветских поколениях ненаступившего будущего.

Книга приблизила автора к открытию происхождения культур Человека Разумного. К первым знакам и словам – теме, которой Олжас Омарович посвятил более 60 лет, продолжив первоначальные поэтические прозрения в кропотливых работах археолога знака и слова, провозгласив начало историко-лингвистического проекта «1001 слово», посвящённого открытию истории знаков и знаний человеческой культуры.

Так голос казахского поэта возвысил свой народ, наделив его правом творца мировой истории и субъекта исторической памяти мира в великой книге «Аз и Я».

Составитель сборника Игорь КРУПКО